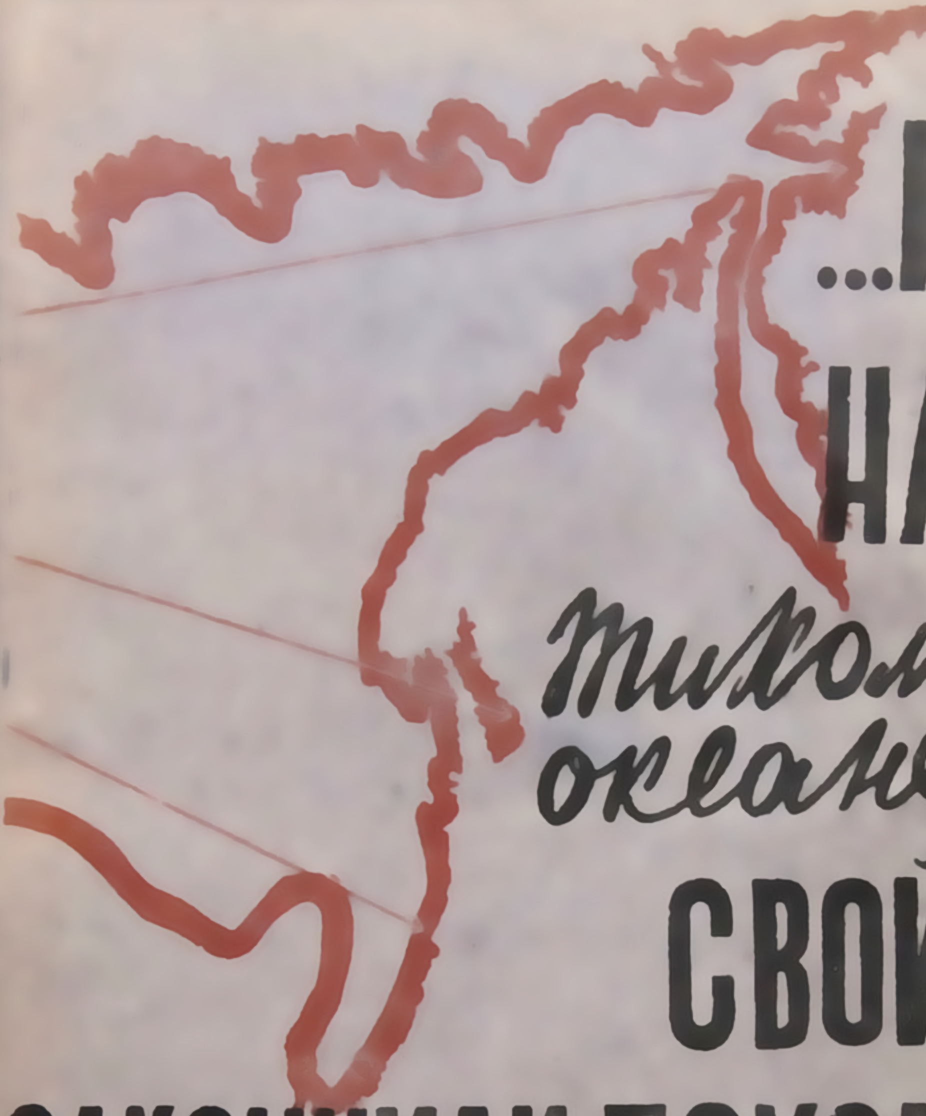
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

...И на *тихом океане* свой закончили поход

ДАЛЬГИЗ 1932 ХАБАРОВСК

Юбилейная Комиссия Печати Реввоенсовета
ОКДВА

★

Истпартотдел Далькрайкома ВКП(б)

★

Литературное Об'единение Красной Армии и Флота
ОКДВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

...И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Литературно-художественный сборник

к 10 годовщине освобождения ДВК

★

V ЛЕТ БОРЬБЫ
ПРОТИВ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
ЗА СОВЕТСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(1917—1922)

Дальневосточное краевое государственное издательство
ХАБАРОВСК 1933 МОСКВА

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР И. Горбунов.

Поступило в печать 1 ноября 1932 г.,
вышло из печати 5 января 1933 г.

Типолитография № 2 Дальполиграфтреста.
Хабаровск, улица Льва Толстого, № 45

Заказ № 7319. Крайлит № 1605-А от 16 октября 1932 г. Об'ем 10 п. л. Тираж 10120

ПЯТЬ ЛЕТ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Пятнадцатая годовщина Октябрьской революции совпадает с десятилетием освобождения Дальнего Востока от интервенции и белогвардейщины.

Достигнутые за 10 лет успехи социалистического строительства и величайшая перспектива второй пятилетки являются продолжением одержанных побед в гражданской войне с внешними и внутренними врагами диктатуры пролетариата.

Прошлая борьба на фронтах гражданской войны и современная борьба за подлинно большевистские темпы социалистического строительства есть неразрывная цепь борьбы за построение бесклассового социалистического общества.

Более длинный, более трудный путь, чем в других районах Советской страны, прошли под руководством ленинской партии трудящиеся массы Дальнего Востока прежде чем были сброшены в море остатки войск интервентов и белогвардейцев всех мастей. Пять лет беззаветной героической борьбы—вот исторический отрезок времени, который понадобился на то, чтобы и на самой далекой окраине Советской страны твердо были закреплены позиции власти рабочих и крестьян, позиции диктатуры пролетариата.

С первых же дней пролетарской революции в России капиталистический мир, почувствовав, что искры Октября могут разлететься по всему земному шару и зажечь пламя мировой революции, поставил перед собой задачу уничтожить этот рассадник революционной заразы или в крайнем случае — отгородиться от него при помощи различных черных буферов. Дальнему Востоку в этой связи было уделено особое внимание, и в первую очередь—со стороны японского империализма.

Дальний Восток — это сокровищница огромных природных богатств. Многомиллионные га земель, где могут произрастать самые разнообразные культуры—пшеница, рис, соя, даже хлопок; бесконечные лесные площади, где можно брать десятки млн. кубометров прекрасного строительного материала; богатейшие морские бассейны с ценными породами рыб; наконец, недра земли с углем, железом, нефтью, цветными металлами—все это дополнительно усиливало стремление интервентов на отторжение края от Советской республики. Слабость в первые годы революции диктатуры пролетариата на дальневосточных рубежах окрыляла их надежды.

Японцы, американцы, англичане, французы, итальянцы, чехословаки—вот далеко неполный список империалистических хищников, пытавшихся при помощи солдатского сапога в крови потопить молодую власть советов и установить на Тихом океане черную реакцию. Под крылышком интервентов вырастала гнуснейшая белогвардейщина, различные палачи—Калмыковы, Семеновы, Меркуловы и много десятков других.

Гражданская война на ДВ проходила в крайне сложной международной и внутренней обстановке. Географическое расположение ДВК представляло известные удобства для осуществления планов международного империализма с целью удушения Советской республики, как очага международной пролетарской революции.

После Октябрьской революции Маньчжурия была превращена в базу контрреволюционных сил на Востоке. Здесь сконцентрировались осколки свергнутых и разбитых господствовавших классов в России—буржуазии, помещиков—и их генералов, которые в союзе с иностранной буржуазией усиленно готовили поход против Страны советов.

Уже в декабре 1917 года во Владивостокский порт вводятся японские, а вслед за ними английские крейсера, ожидавшие повода для высадки десантов. Этим поводом послужило провокационное убийство двух японцев в торговой конторе «Исидо» 4 апреля 1918 г., на следующий день после которого и были высажены японский и английский десанты.

Одновременно со стороны Маньчжурии белобандиты — атаманы Семенов, Калмыков, Орлов и другие—при поддержке Японии производили налеты на Дальний Восток. Вначале эти налеты натыкались на быстро формировавшиеся, крепко сколоченные отряды красной гвардии. В итоге белогвардейщина терпела поражения и вынуждена была скрываться за границу, под крылышко интервентов.

Международный империализм, понимая, что силами одних русских белогвардейцев невозможно задушить Советскую республику, начинает помогать белогвардейцам не только финансами и вооружением, но и живой силой.

С этой целью Антанта использовала чехословацкий корпус, поднявший в мае—июне 1918 года восстание в важнейших пунктах Сибирской ж. д. магистрали, свергая повсюду советскую власть.

Дальний Восток оказался оторванным от центра и стиснутым с трех сторон: с востока—наступающими чешскими, японскими, английскими и французскими войсками (Уссурийский фронт), с запада от Иркутска—чешскими и белогвардейскими войсками, со стороны Маньчжурии—отрядами атамана Семенова. Красная армия, еще только формировавшаяся, плохо вооруженная, не могла вначале дать сокрушительный отпор количественно и технически преобладающим силам интервентов и белогвардейцев. Советская власть на ДВ под ударами интервенции и белогвардейщины и их помощников меньшевиков и эсеров терпит временное поражение. Восстановление господства белогвардейцев и интервентов сопровождается разгулом карательных отрядов, установлением небывалого террора, грабежом, сожжением десятков сел (Ивановка, Широкий Лог, Сохатино и др.).

Но пытками, расстрелами, диким зверством нельзя уничтожить революцию. Наоборот, эти бесчинства явились лучшей политической школой для всех колеблющихся, для всех неопределившихся своего места в великой революционной борьбе.

Середняцкое крестьянство, колебавшееся в первые месяцы Октябрьской революции и убедившееся на опыте гражданской войны, что «нет спасения иначе, как в поддержке советской власти» (Ленин), закрепило прочный союз с рабочим классом для совместной борьбы с интервенцией и белогвардейщиной.

Гражданская война на ДВ 18—20 годов приняла форму партизанского движения. Нигде в Советском Союзе во время гражданской

войны партизанское движение не было таким длительным (4 года) и массовым, как на Дальнем Востоке.

Благодаря правильному руководству большевистской партии относительно немногочисленный, недостаточно концентрированный пролетариат Дальневосточного края сумел увлечь за собой широкие трудящиеся массы крестьянства, поднимать среди них восстания, повсеместно организовать партизанские отряды.

В обстановке, когда трудно было различить, где передовая линия фронта и где тыл, партизанские отряды своими неожиданными налетами наносили сокрушительные удары противнику в наиболее уязвимых местах. Тайга и сопки стали неприступной крепостью для белогвардейцев и интервентов. Всякие попытки очистить тайгу кончались крахом. Карательные белогвардейские отряды терпят одно поражение за другим.

Величайшие заслуги красного партизанского движения заключаются в том, что оно подрывало и дезорганизовывало белый тыл, оттягивало с восточного фронта значительные силы колчаковской армии и тем самым облегчало победоносное наступление регулярных частей Красной армии. Таким образом партизанское движение являлось подсобной силой Красной армии, оно боролось за одно общее дело: за власть советов, за диктатуру пролетариата.

К началу 1920 года колчаковщина мощным ударом Красной армии была разгромлена, союзническая интервенция потерпела окончательный крах. Союзники, об'являя нейтралитет, эвакуировали, за исключением Японии, свои войска из Сибири и ДВ.

В январе—феврале 1920 года красные партизаны занимают города ДВК. Только Забайкалье продолжает еще оставаться центром сосредоточения остатков разбитой колчаковской армии и семеновских банд, образовавших здесь так называемую «Читинскую пробку». Вскоре эта пробка была пробита, но гражданская война на ДВ не была еще закончена.

С уходом союзнических войск из ДВ становится яснее стремление Японии превратить ДВК в свою колонию. Поэтому под различными предлогами Япония оставляет в крае свои войска.

4—5 апреля 1920 года японское командование устраивает в Хабаровске, Владивостоке, Никольск-Уссурийске и других городах Приморья провокационное нападение на партизанские отряды, на гарнизоны революционных войск, подвергая артиллерийскому обстрелу города, убивая сотни и тысячи мирного населения рабочих и крестьян.

Оно рассчитывает нанести революционным силам края сокрушительный удар, надеясь на неожиданность своих действий, на неподготовленность к отпору со стороны революционных войск. Оно рассчитывает вновь закрепить свои позиции в крае и при помощи белогвардейщины создать черный буфер, который бы целиком находился под влиянием японского империализма.

Будучи сильно истощенной гражданской войной, находясь накануне войны с Польшей, Советская республика решила всячески избегать войны с Японией и попытаться ликвидировать интервенцию наиболее безболезненными путями.

В этот период руками коммунистов—последовательных бойцов за диктатуру пролетариата — создалось особое буферное государство—Дальневосточная республика (ДВР), буржуазно - демократическая по форме, пролетарская по содержанию. Этот исторический пример лишний раз подтвердил, насколько гибка тактика компартии, насколько умело партия применяет диалектический метод Маркса—Ленина в конкретной исторической обстановке. ДВР была такти-

ческим маневром партии, целью которого было образование на Востоке заслона для Советской республики, одновременно являющегося орудием к ликвидации интервенции и разгрома остатков белогвардейских сил на ДВ.

Особое внимание заслуживает тактика партии в «буфере», борьба вокруг него, борьба с мелкобуржуазными партиями и, наконец, борьба внутри собственных рядов с «левыми», выступавшими против «буфера», и с правыми, стремившимися увековечить его, не понимая, как и левые, истинного смысла тактики партии при создании буфера.

После того, как прочно утвердилась ДВР, явившаяся большим препятствием для захватнических целей Японии, после создания по опыту и образцу РККА народнореволюционной армии—японский империализм пытается создать «черный буфер» в противовес ДВР. В мае 1921 года остатки колчаковской армии, каппелевцев и семеневцев при помощи японского командования совершают так называемый меркуловский переворот.

Под громкими фразами этого правительства вновь собираются силы белогвардейщины. Они вооружаются, обмундировываются, вскармливаются на средства интервентов и бросаются на последнюю авантюру.

В ноябре 1921 года начинается их знаменитый поход «на Москву». Части НРА оказались неподготовленными дать им отпор. ДВР, всячески подчеркивая свою политику мира, уволила из рядов НРА старые возрасты партизан, прошедших суровую школу 4-летней борьбы с войсками белогвардейцев и интервентов. Призванная в НРА молодежь была еще недостаточно обучена.

Белогвардейские войска, обманутые громкими фразами своих вождей, их тактикой заигрывания с крестьянством, их фразами о «национальном возрождении», лживыми лозунгами «за государство русское, за родину, за отечество и за родные очаги», запуганные несуществующими зверствами большевиков, были превращены в достаточно крепкую вооруженную силу.

Меркуловским войскам удалось потеснить части НРА за Хабаровск до ст. Ин, но здесь их поход захлебнулся. Части НРА смогли привести себя в порядок, были подброшены свежие силы с запада, была проведена партмобилизация, укреплено партийное влияние. Части НРА решили перейти в контрнаступление. 12 февраля 1922 года в героическом бою под непосредственным руководством главкома НРА тов. Блюхера был взят штурмом Дальневосточный Перекоп — Волочаевские укрепленные позиции.

Удар был настолько силен, что белогвардейские войска вынуждены были сдать одну позицию за другой. Вскоре был обратно взят Хабаровск. Затем—героические бои на Бикинских позициях, под Спасском, Монастырищем и др. Остатки белогвардейцев оказались сброшенными в море.

С разгромом белогвардейских сил японская интервенция тоже потерпела поражение. Укрепление мощи Советской республики, обострение противоречий между Японией и САСШ, экономический кризис и рост революционного движения в Японии привели к окончательному краху японской интервенции на Дальнем Востоке. Японцы вынуждены были эвакуировать Дальний Восток.

25 октября 1922 года части НРА заняли Владивосток. ДВР, выполнив свою историческую роль, об'явила о самороспуске и присоединении к Советскому Союзу.

Таков путь героической борьбы.

Много славных незабываемых страниц вписали в историю революции дальневосточные герои. Многие из них беззаветно сложили свои головы в открытых боях за власть советов. Многие из них были расстрелены, повешены, замучены в белогвардейских застенках.

Дальний Восток, став составной частью великого Советского Союза, уже десять лет занят мирной социалистической стройкой, с каждым годом все больше и больше превращаясь из края отсталого, края бывшей каторги и ссылки в передовой социалистический край— мощный форпост социализма на Тихом океане.

Победы, которых добился край как в годы гражданской войны, так и в годы социалистического строительства, стали возможны лишь потому, что во главе в передовых колоннах героически борющихся масс против эксплоататоров, за социализм стояла и стоит ленинская коммунистическая партия.

Все силы, все внимание трудящихся края сейчас сосредоточено на выполнении планов социалистического строительства. Но, строя социализм, ни на одну минуту нельзя забывать о том, что мы живем в капиталистическом окружении, раз'едаемом невиданным в истории мировым экономическим кризисом. Капиталистический мир—накануне нового тура войн, и в первую очередь—войны против мирового отечества трудящихся—Советского Союза. Уже льется кровь трудящихся в Китае, «японский империализм в союзе с Францией при фактической поддержке Англии превращает Маньчжурию в свою колонию, поставив в порядок дня вопрос вооруженной борьбы за раздел Китая и интервенции против СССР... Империалистические правительства готовы бросить народы в самую преступную из всех грабительских войн» (12 пленум ИККИ).

Трудящиеся Советской страны должны быть в любую минуту готовы к отпору.

Пусть славные героические дни борьбы красногвардейцев, партизан, народоармейцев и красноармейцев за освобождение Дальнего Востока напомнят нашим классовым врагам о железной силе пролетарской революции.

Пусть одновременно на этих славных боевых традициях дальневосточников учится молодежь, подрастающее поколение для побед в будущих схватках с врагами революции.

Опыт гражданской войны на Дальнем Востоке должен быть изучен широкими рабочими, колхозными и красноармейскими массами.

Великие традиции революционной борьбы должны еще больше воодушевлять трудящиеся массы нашего края на борьбу за полное выполнение задач второй пятилетки, воодушевлять бойцов ОКДВА на выполнение планов боевой подготовки.

★

В наш сборник собрано очень небольшое количество страниц борьбы за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белобандитов. Для того, чтобы полнее отразить историю этой борьбы, потребуется много томов. Эта задача может быть разрешена только при помощи бывших активных участников Октябрьской революции и гражданской войны на ДВ. Они обязаны помочь собрать этот богатейший исторический опыт борьбы.

Царские тюрьмы продавали подрядчикам на постройку Амурской дороги труд каторжан. 12—18 часов в тайге погибло на постройке дороги.

КРАЙ ССЫЛКИ ЦАРЕВОЙ

Сутулые сопки
    Уходят к востоку,
Граница
    Изгибом Амура легла.
Край вьюги туманов
    Простерся широко,
Край ссылки царевой,
    Завьюженный край...

Историю тракта
С Москвы
    До централа,
До гиблого Нерчинска,
    Шилки реки,
Про дни бездорожья
    И воды Байкала
Рассказы внучатам
    Ведут старики.

Пути пролегали
    Плацдармом острогов,
Команды конвойных
    Будили покой;
Ложилась колючая
    Пыль по дорогам
В густой, полыхающий зной.

Ветра коченели
    В тоске первобытной,
Где буйный простор
    С неизбывностью недр,
Стонала тайга
    От звериного рыка
И вторил ей эхом
    Развесистый кедр.

И шел приискатель...
    Мерещилось чудо,
Манили богатства
    Таежной глуши,
За золотом шли
    Истомленные люди,
Чтоб силу свою
    Разменять на гроши.

И узел таежных дорог,
Осенним туманом окутан,
Лежал непокорно у ног
Извилистой лентой маршрута.

Широкий нож
    Судьбу берег.
И алчно вскипала кровь.
Бродяжий путь
    До Алдана лег,
Под пламя
    Высоких костров.

В часы исступлений,
    Истомы и горя,
Устав от побега
    И тяжких цепей,
Толпа арестантов
    Ложилась у моря
И песни слагала
    Про волю степей.

Над смуглыми сопками
Рвался туман,
С ружьем и обрезом
Шагал партизан.

Он шел по глушени,
Сжимая наган,
Он шел на борьбу,
На погибель врага.

И бились как крылья
Соцветья костров.
И порохом пахло
Дыханье ветров.

По земле-раздолице,
И куда ни кинь,
Шла лихая конница,
Красные полки.

болоте, на морозе работали сосланные революционеры. Свыше 5 тысяч

«Эх, далек этап—
Нету моченьки,
Эх, московский тракт,
Ели, сосенки.

— Здесь ветра лесов
Слово странники,
Кандалы мои,
Подкандальники.

— Зверь топтал тропу
Да вытаптывал,
Полегли пути,
Пали трактами.

— Одолела тоска
Акатуйская.
Где опоры искать
Нашей удали?

— Эх, далек этап —
Нету моченьки,
Лентой вьется тракт,
Ели, сосенки.

— И куда уйти
От такой тоски?
Или в глушь лесов
Да в бродяжий скит?».

Высокие волны,
Вздымаясь на берег,
Белесою пеной
Кружили у скал,
И бился
Могучим
Раз'яренным зверем
Закованный в камни
Привольный Байкал.

Не звонкие песни
В широких степях,
А горе народное
Пело в цепях.

Романтика
Старых бродяжьих напевов
Поныне звучит
Стародавним быльем...
Огонь революции,
Поднятый гневно,
Пронесся как буря,
Ломая старье.

На схватку с врагами
По диким отрогам
Тайга посылала
Своих сыновей,
Чтоб гнет и насилье
Цепей и острогов
Разрушить упрямой
Героикой дней.

На Сахалин, в казематы ссылались революционеры. В углу тюремного двора палачи тюремщики насилили заключенных, но революции убить не могли.

Шли—и брали горы
По местам глухим·
И хранили порох
Для врага сухим.

Окрепла в боях
И тревоге граница
Усилием долгой,
Упорной борьбы.
Суровою правдой
Чернеют страницы
Про грохот недавний,
Недавнюю быль.

Теперь, где топтался
Сапог интервента,
Раскинулись нити
Колхозных дорог.
По спиралям путей
Говорливою лентой
Бегут поезда на Восток.

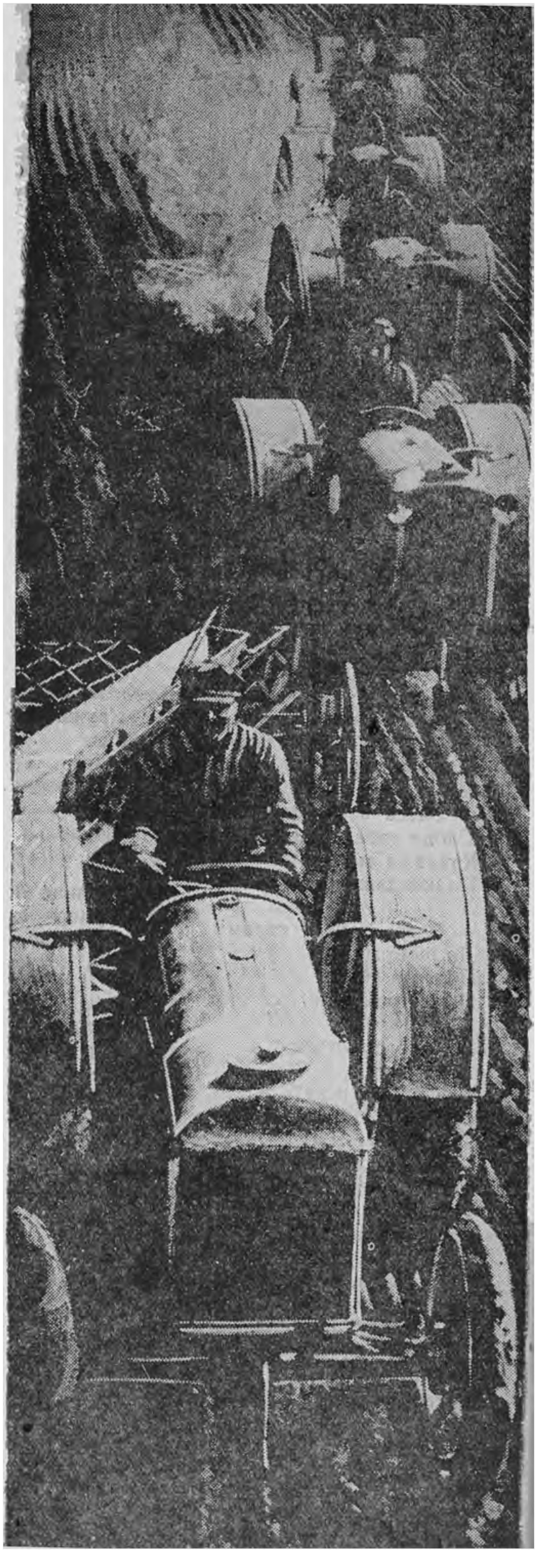
Где звери
Покой обретали
И глохли
Сырые ветра,—
По диким таежным увалам
Разносится звон топора.

И труд
От нужды,
От судьбы
Подневолья
Стал честью и славой
В ударных рядах.
На фабриках,
Шахтах,
Заводах
и в поле.
Шеренгой проходят года.

А в них—
Неустанная поступь.
Ей не было равной
И нет.
И край поднимается в росте
Все новых и новых побед.

Горячие будни
Бегут торопливо,
Гремит индустрии
Строительный взмах,
И нивы колхозов
Широким разливом
Цветут на крутых
Черноземных полях!

Старжевский.

1917—1922

Хроника гражданской войны на Дальнем Востоке

**С. Цыпкин, А. Шурыгин,
С. Булыгин, А. Лазарев
и Е. Осокин**

1917*

14 июня

ЧИТА. Редакцию читинской газеты «Забайкальская новь» посетил представитель крупнейшей японской газеты «Осака Майничи Симбун» Нобуо Комата. В беседе он заявил: «Япония чрезвычайно заинтересована теперь естественными богатствами вашего края. Нашу страну, — заявил Комата, — интересуют ваши горные богатства и сырье. Японские капиталисты готовы вложить свои капиталы для учреждения торгово - промышленных предприятий»

(«Приам. жизнь» № 2340—17 г.).

4 августа

«Монсю-Ници-Симбун» передает телеграмму из Нью-Иорка от 18 июля, в которой сообщается, что предстоящая в ближайшие дни мобилизация японских войск, расквартированных в Южной Маньчжурии, находится в связи с последними событиями и необходимостью военной помощи России».

(«Приам. изв.» от 12 августа 1917 г.).

18-19 сентября

НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК. Состоялась 1-я краевая конференция с.-д. Присутствовало 15 делегатов, представляющих 4.700 членов партии большевиков и меньшевиков.

Повестка дня: 1) доклады с мест, 2) текущий момент и 3) о выборах в Учредительное собрание.

Докладчик по текущему моменту руководитель Владивостокской большевистской организации тов. Нейбут остановился на разногласиях, существующих между большевиками и меньшевиками по вопросу о характере русской революции. При обсуждении основных вопросов повестки дня большевики еще раз обнаружили твердость своих позиций.

Окончательно убедившись в нежелании большевиков пойти на какое бы то ни было отступление от своих принципов, меньшевики покинули конференцию.

С этого момента наступает полный разрыв организационной связи и окончательное размежевание между большевиками и меньшевиками. Большевики (11 делегатов) продолжали работу конференции.

Было принято решение о том, чтобы широко опубликовать и раз'яснить причины размежевания. Газета «Красное знамя» об'явлена краевым органом партии большевиков. Владивостокскому комитету поручено временно быть краевым бюро партии до созыва 2-й краевой конференции.

(«Кр. зн.» № 24—17 г.).

---

*) Даты даны по новому стилю.

19 сентября

В «Известиях Владивостокского совета» опубликовано воззвание 4 артиллерийского полка к гарнизону и рабочим организациям, в котором говорится: «Нет больше путей, которые явились бы избавлением для России, кроме одного пути—социальной революции. Мы убедились, что только уничтожение частной собственности на землю, фабрики, заводы, рудники, шахты является единственным средством для избавления России... от страданий, в какие она поставлена капиталистами. Мы убедились, что чем скорее совершится этот переход от капитализма к социализму, тем скорее воскреснет из мертвых Россия». В заключение предлагалось всем рабочим, солдатам и матросам обсудить воззвание и собраться 14 сентября в народном доме на конференцию, на которой «выяснить свои силы и сознательность организованной демократии в подготовке ко дню окончательного освобождения трудящихся масс от ига капитала».

(«Далекая окраина» № 3361—17 г.).

24 сентября

ВЛАДИВОСТОК. Консульский корпус обратился к Приморскому областному комиссару с запросом по поводу воззвания 4 артиллерийского полка. В запросе говорится:

«Ввиду того, что резолюции, предлагающие конфискацию частной собственности, проводились и на других собраниях частей гарнизона, среди населения существует настроение, могущее дать почву беспорядкам, которые грозили бы опасностью для жизни и имущества городских жителей и в числе таковых пребывающих во Владивостоке иностранцев, и что созываемое четырнадцатого сентября собрание по своему характеру способно повлечь к подобного рода печальным явлениям». В заключение консулы просят «уведомить, какие будут приняты меры в связи с создавшимся положением...».

(«Голос Приморья» № 25—17 г.).

18-20 октября

ВЛАДИВОСТОК. Открылась 2-я дальневосточная краевая конференция с.-д. большевиков. Присутствовало 15 делегатов.

По сообщению газеты «Красное знамя» (№№ 33—35), «доклады с мест отмечали необыкновенный революционный под'ем в массах и рисовали самые широкие перспективы успехов партии пролетариата на выборах в учредительное собрание».

Конференция выработала платформу и технику проведения избирательной кампании и наметила кандидатами в учредительное собрание т. т.: Нейбут, Любарского, Гиллерсона, Никифорова, Сюткина, Антонова, Суханова.

Конференция избрала краевое бюро партии.

6 декабря

ХАБАРОВСК. Хабаровский гарнизон в знак протеста против соглашательской политики эсеро-меньшевистского исполкома советов выступил с вооруженной демонстрацией, требуя признания совета народных комиссаров и передачи власти советам на местах.

Вооруженная демонстрация в полном боевом порядке, стройными рядами, с музыкой, знаменами и плакатами (преобладал лозунг: «Вся власть советам!») прошла по улицам города и у здания совета провела митинг.

На митинге была единогласно принята резолюция, предложенная комитетом партии большевиков, призывавшая к борьбе с контрреволюцией и всемерной поддержке советской власти.

(«Кр. знамя» № 72—17 г.).

7 декабря

ВЛАДИВОСТОК. Революционно настроенный гарнизон под руководством большевиков провел вооруженную демонстрацию с требованием передачи всей полноты власти в руки совета Р. С. и К. депутатов.

(«Изв. Влад. совета» № 182—17 г.).

12 декабря

ВЛАДИВОСТОК. Владивостокский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял всю полноту власти в свои руки.

(«Изв. Влад. совета» № 184—17 г.).

25 декабря—2 января 1918 г.

В Хабаровске состоялся 3-й дальневосточный краевой с'езд советов рабочих и солдатских депутатов, происходивший под руководством большевиков. На с'езде присутствовало 46 большевиков, 9 меньшевиков, 27 левых эсеров и 25 беспартийных.

С'езд выпустил декларацию, в которой провозгласил советскую власть на Дальнем Востоке.

(Далькрайархив, проток. с'езда).

1918

1 января

СТ. МАНЬЧЖУРИЯ. Атаман Семенов со своим бандитским отрядом в числе 27 человек напал на ст. Маньчжурия, арестовал маньчжурский комитет и совет Р. и С. Д. и об'явил себя начальником гарнизона, послав генералу Хорвату верноподданническую телеграмму.

(«Красный клич» № 44—17 г.).

12 января

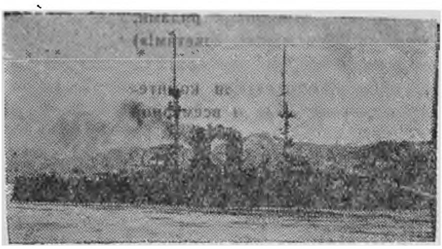
ВЛАДИВОСТОК. В порт прибыл японский крейсер «Ивами». Подтверждается переданное военным агентом в Японии распоряжение японских властей об отправке во Владивостокский порт шести военных судов.

(Далькрайархив, ф.-штаба Приам. воен. окр., д. № 1, л. л. 2, 27, 28).

12 января

ВЛАДИВОСТОК. Японский консул обратился с нотой к председателю областной земской управы и владивостокскому городскому голове, в которой лицемерно заявил, что отправка судов вызвана якобы стремлением японского правительства защитить своих подданных, находящихся во Владивостоке.

(Далькрайархив, ф.-штаба Приам. воен. окр., д. 1, л. 25).

Под предлогом «защиты» своих подданных, находящихся во Владивостоке, японские империалисты отправили военные корабли во Владивостокский порт.

14 января

ВЛАДИВОСТОК. В бухту «Золотой Рог» прибыл английский крейсер «Суффольк».

(Далькрайархив, ф.-штаба Приам. воен. окр., д. № 1, л. 493).

19 января

ЧИТА. Проходил первый учебный сбор городской дружины Красной гвардии.

(«Заб. раб.» № 5—18 г.).

22 января

ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ. Власть в городе перешла к совету рабочих и солдатских депутатов.

(«Д.-В. изв.» № 11—18 г.).

22 января

СТ. МАНЬЧЖУРИЯ. Оформляется «Особый маньчжурский отряд». В состав отряда входят: 74 офицера, 3 чиновника, 300 баргут, 80 монголов, 120 казаков и бурят. Атаман отряда — Семенов, его заместитель — барон Унгерн.

(«Красн. клич» №№ 44, 45).

29 января

ЗАБАЙКАЛЬЕ. Банды есаула Семенова перешли маньчжурскую границу и начали наступление по направлению к Чите, заняв ст. ст. Борзя и Оловянную.

(«Заб. раб.» № 13—18 г.).

Январь

ВЛАДИВОСТОК. Опубликованное в газете «Красное знамя» № 127—18 г. официальное сообщение продовольственной управы отмечает факт закрытия маньчжурской границы харбинским консульским корпусом. В связи с недостатком хлеба в области Приморской продовольственной управой было закуплено в Маньчжурии и погружено в вагоны свыше 200 тысяч пудов зерна. На все это наложен запрет консульского корпуса. Империалисты об'явили этим актом начало экономической блокады советского Дальнего Востока.

6-14 марта

БЛАГОВЕЩЕНСК. 6 марта атаманом Гамовым совершено вооруженное выступление против советской власти. Арестованы члены совета и делегаты 4 крестьянского с'езда. Рабочие и трудящееся крестьянство поднялись с оружием в руках против контрреволюции, образовав 12-тысячную армию красногвардейских войск. 12 марта Красная гвардия начала наступление под руководством члена краевого комитета советов тов. Губельмана и в течение 2-х дней разбила полностью белогвардейские части. Остатки белогвардейцев во главе с Гамовым бежали в кит. город Сахалян, ограбив предварительно на 37 милл. золотом государственный банк. Белогвардейское восстание проходило при непосредственном участии японских резидентов и консульства.

(«ДВ изв.» № 30 и прот. 4 с'езда советов, ст. 2-3).

7 марта

ДАУРИЯ. Рота красногвардейцев в количестве 200 человек с иркутской батареей и 1-й Аргунский казачий полк, возвратившийся с фронта, под общим командованием С. Лазо повели наступление на семеновские банды. После упорного

боя нашими частями были отрезаны с тыла эшелоны противника и нанесен сокрушительный удар бандам. Остатки разбитых банд Семенова скрылись за границей.

(Сб. «Партизаны», стр. 34).

16 марта

ПЕКИН. При участии Гучкова, Колчака, Путилова, японских и китайских генералов состоялось совещание об оккупации Сибири. На совещании разработан план военной интервенции. Принят японский проект, а именно: Уссурийскую дорогу захватывает Америка, Амурскую до Иркутска—Япония.

(«Красн. знамя» № 149—18 г.).

19 марта

ВЛАДИВОСТОК. Представитель английской военной миссии полковник Вечвуд посетил владивостокского городского голову и председателя Приморской обл. земской управы и вел беседу о возможности обособления Сибири, созыве учредительного собрания и создании прочного Сибирского правительства. Представитель обещал поддержку союзников Сибирскому учредительному собранию.

(«Красн. знамя» № 149—18 г.).

25 марта

ЧИТА. Состоялся митинг военнопленных (венгров, немцев, мадьяр) в количестве 500 человек. По докладу о текущем моменте митинг вынес резолюцию с протестом против империалистической войны и наступления германского империализма на советскую республику. В принятой резолюции говорится: «Мы, германцы, австрийцы, венгерцы, не желаем быть палачами Российской революции. Дело русских рабочих есть наше собственное дело. Долой заговор международной буржуазии! Да здравствует мировая революция!».

(«Заб. раб.» № 55—18 г.).

26 марта

ПЕСЧАНКА (Забайкалье). Состоялся митинг военнопленных, на котором присутствовало около 700 человек. Митинг присоединился к решению митинга военнопленных Читы и избрал 6 делегатов в местный комитет социал-демократов интернационалистов.

(«Заб. раб.» № 55—18 г.).

28 марта

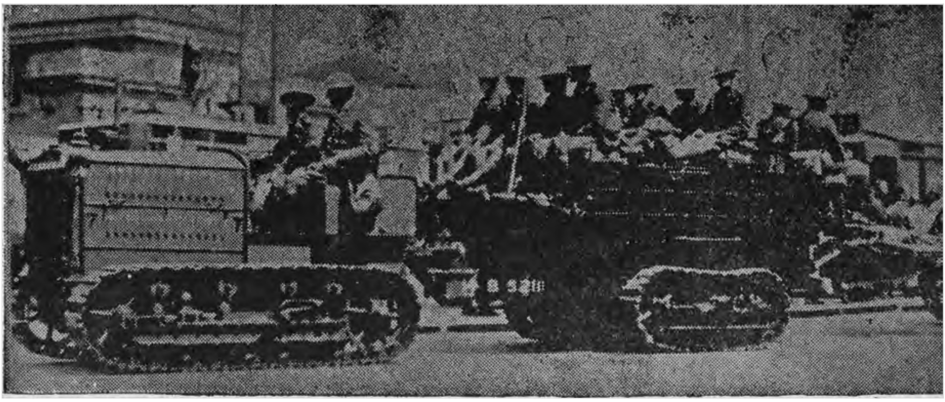
ЦИК Сибири постановил: «До минования политических осложнений на ДВ, ввиду массового участия бывших офицеров в контрреволюционных выступлениях на Востоке, запретить в'езд в Восточную Сибирь бывш. офицерам, считая Енисейскую губернию границей, до которой допустим им в'езд. Все советы и ж. д. организации должны немедленно принять меры к проведению этого постановления в жизнь, установив тщательный контроль в поездах. При выдаче разрешений на проезд широко осведомить об этом население».

(«ДВ изв.» № 75—18 г.).

4 апреля

ВЛАДИВОСТОК. Утром совершено провокационное нападение на японскую контору «Исидо». 2 японца убиты и 1 ранен. Необычайная обстановка нападения—утром и без всякого ограбления—доказывает, что это сделано предателями из контрреволюционного лагеря с целью дать повод Японии проявить активность в деле оккупации края и свержения советской власти.

(«ДВ изв.» №№ 47 и 48—18 г.).

На помощь русским белогвардейцам задушить молодую Советскую республику спешили войска Британского королевства.

5 апреля

ВЛАДИВОСТОК. Утром высажен десант японских войск в количестве около 2-х рот с пулеметами и походными кухнями. Командующий японской эскадрой адмирал Като опубликовал воззвание, в котором лживо уверял, что высадка десанта проведена с целью «защиты интересов японских подданных и держав согласия» и «помощи русской революции». («ДВ. изв.» № 47—18 г.).

5 апреля

ВЛАДИВОСТОК. В 2 часа дня во Владивостоке высажен английский десант.
(Далькрайархив. Сб. док. по интервенции, т. I, л. 17).

5 апреля

ВЛАДИВОСТОК. От имени краевого бюро большевиков, краевого и Владивостокского совдепа выпущено обращение к трудящимся Дальнего Востока по поводу высадки японского десанта.

В обращении разоблачается воззвание японского адмирала Като, высадившего десант, якобы, для «помощи русской оеволюции». В обращении также указывается, что Владивостокская городская дума, состоящая из меньшевиков и эсеров давала всякие поводы для высадки японского десанта.
(«ДВ. изв.» № 47—18 г.).

6 апреля

ХАБАРОВСК. ДВ краевым комитетом советов организован краевой штаб Красной армии в составе В. В. Саковича (беспартийный), Л. Е. Герасимова (большевик), Д. Носок (большевик), Э. П. Шабадина. Штаб являлся высшей военной властью в крае. («ДВ. изв.» № 49—18 г.).

7 апреля

ВЛАДИВОСТОК. В связи с началом японской интервенции на Дальнем Востоке В. И. Ленин послал Владивостокскому совету телеграмму следующего содержания:

«Мы считаем положение весьма серьезным, и самым категорическим образом предупреждаем товарищей — не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут вероятно все без из'ятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления, и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и ж. д. материалов.

Не задавайтесь неосуществимыми целями... Ленин.»

(Центроархив, Окт. рев., ф. 28, сер. В. 1918 г., д. № 181, л. л. 30-34).

Черным вороньем носились по Забайкалью бронепоезда атамана Семенова.

8-9 апреля

ЗАБАЙКАЛЬЕ. Начаты военные действия против отряда Семенова под ст. Маньчжурией. Установлено, что в отряде Семенова имеется 15 тяжелых орудий и при них 50 японских артиллеристов.

(«ДВ изв.» № 53—18 г.).

11 апреля

ЧИТА. Ввиду выступления из Маньчжурии банд Семенова город и Забайкальская жел. дорога советом об'явлены на осадном положении. Областной исполком временно передал всю полноту власти военно-революционному штабу в составе Дм. Шилова, И. Бутина и Н. Матвеева.

(Сб. «Партизаны», стр 203).

16 апреля

ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ. Раскрыт заговор эсеров и меньшевиков, направленный против советов. Большинство членов областного совета (эсеры и меньшевики), признав советскую власть лишь формально, работали подпольно против советов, готовя «автономную» Камчатскую область во главе с городской думой. Гор. дума распущена.

(«ДВ изв.» № 58—18 г.).

11 мая

ЧИТА. Военно-революционным штабом раскрыт заговор белой гвардии против соввласти. Арестован контрреволюционный штаб с планами захвата Читы, найдены пулеметы, винтовки, бомбы, патроны и др.

(«Кр. зн.» № 183(90)—18 г.).

12 мая

АНДРИАНОВКА. Сформирован 1-й Дальневосточный социалистический отряд Красной гвардии под командой тов. Бородавкина. Комиссаром отряда назначен член ДВ краевого комитета РКП(б) и член Дальсовнаркома тов. Губельман. Отряд сформирован из рабочих Владивостокского порта, грузчиков, моряков, рабочих Хабаровского арсенала, рабочих - водников Благовещенского затона и Чепуринского завода. В отряде—свыше 1000 человек. При отряде имеется артиллерия в составе 14 орудий и отряд кавалерии.

(«ДВ изв.», №№ 72, 74—18 г. и справка командира отряда).

18 мая

СТ. ОЛОВЯННАЯ. Первые цепи Дальневосточного социалистического отряда вошли в Оловянную. Противник бежал. Красной гвардией захвачено много оружия, патронов и снарядов.

(«ДВ изв.» № 79—18 г.).

24 мая

ВЛАДИВОСТОК. Общее собрание Владивостокского чехословацкого отряда Красной армии в противовес контрреволюционной агитации чешского офицерства среди солдат постановило:

> «Мы, солдаты Владивостокского революционного отряда при Красной армии, приветствуем трудовое население ДВ в лице его советов и заявляем, что мы признаем единственную власть — власть советов, которую мы готовы защищать от всех ее врагов, как внутренних, так и внешних. Заявляем, что мы подчиняемся только приказам ЦИК и его исполнительных органов на местах.
>
> Да здравствует Российская советская федеративная республика!
>
> Да здравствует братство трудящихся!».

(«Крестьянин и рабочий» № 73—18 г.).

5 июня

ПОГРАНИЧНАЯ. Вблизи Пограничной произошло первое крупное столкновение красногвардейских частей с отрядом Орлова и Калмыкова. Для борьбы с бандитами посланы отряды с Сучана, Хабаровска и др. Налеты отряда Калмыкова на советские поселки начались в мае.

(«ДВ изв.» № 91—18 г.).

7 июня

ВЛАДИВОСТОК. Вышла первая чешская коммунистическая газета «Правда», разоблачающая контрреволюционное чехословацкое офицерство и призывающая к поддержке советов.

(«ДВ изв.» № 96—18 г.).

14 июня

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ФРОНТ. Восточным отрядом советских войск в 3 часа дня занят раз'езд 84-й. Банда Семенова отрезана. В разведке участвуют наши аэропланы.

(«ДВ изв.» № 101—18 г.).

29 июня

ВЛАДИВОСТОК. Частями чехословацких войск, находящимися во Владивостоке, при участии меньшевиков, правых эсеров и буржуазии произведен переворот. Власть советов свергнута и члены исполкома советов во главе с председателем К. Сухановым арестованы.

(«ДВ изв.» №№ 111 и 115—18 г.).

29 июня

ВЛАДИВОСТОК. Два полка чехословаков, отказавшиеся принять участие в кровавой бойне против советской власти, были окружены контрреволюционными чехословацкими частями, обезоружены и увезены на Русский остров.

(«ДВ изв.» № 114—18 г.).

29 июня

ВЛАДИВОСТОК. После чехословацкого выступления и свержения советской власти организовалось контрреволюционное «Правительство автономной Сибири» во главе с правым эсером Дербером.

(«ДВ изв.» № 114—18 г.).

30 июня

ВЛАДИВОСТОК. В городе идет бой между чехословацкими и белогвардейскими частями, с одной стороны, и рабочей Красной гвардией и Сибирской флотилией — с другой.

(«ДВ изв.» № 111—18 г.).

3 июля

Чехи повели наступление по направлению к Никольск-Уссурийску.

(«ДВ изв.» № 113—18 г.).

4 июля

НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК. Из Сучана тайгой прибыли два отряда рабочих горняков на фронт для борьбы против чехословаков.

(«ДВ изв.» № 114—18 г.).

5 июля

ХАБАРОВСК. В связи с выступлением калмыковских и орловских банд на Гродековском фронте Дальсовнарком постановил:

«Весь бывший Приамурский военный округ об'явить на военном положении. Советам на местах немедленно мобилизовать Красную гвардию. В городах и деревнях организовать повсеместную вербовку волонтеров из среды трудящихся в возрасте от 18 лет».

(«ДВ изв.» № 91—18 г.).

6 июля

ВЛАДИВОСТОК. Опубликовано «обращение союзников» к населению Владивостока, в котором империалисты фразами о «дружбе и симпатии к русскому народу» пытаются скрыть истинные цели интервенции на ДВ, заведомо лживо заверяя, что им угрожает опасность «от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров» и что поэтому «город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав». Они об'являют о том, что «все приказы чехословацкого командования остаются в силе», что «военные силы и полиция будут усилены союзными войсками».

(Далькрайархив. Сб. док. по интервенции, т. I, стр. 23).

6 июля

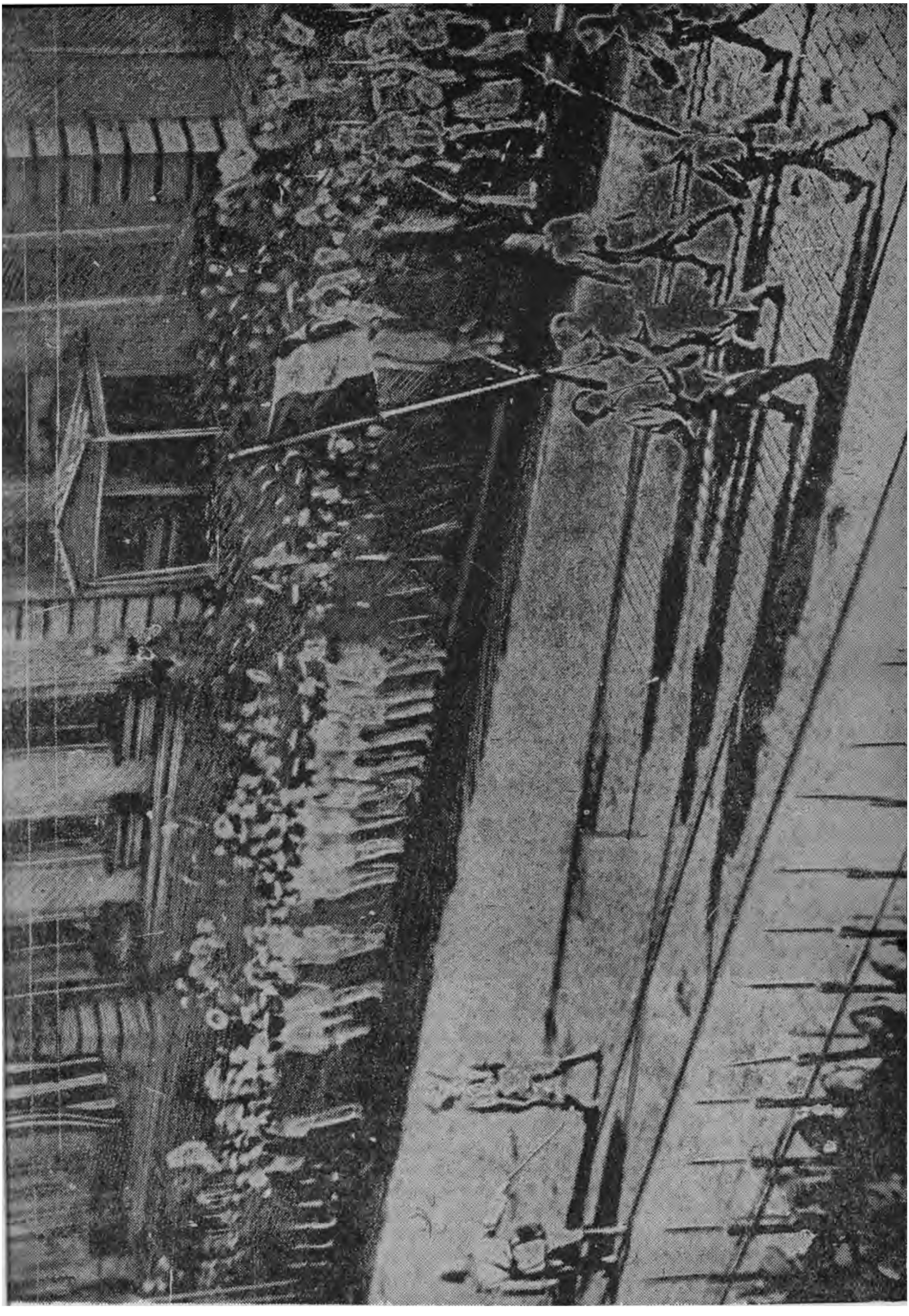
НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК. При занятии чехами Никольск-Уссурийска бывшие военнопленные — венгры, мадьяры, чехи и немцы — вместе с Красной армией оказывали сильное сопротивление входящим в город чехословакам.

(«ДВ изв.» № 117—18 г.).

7 июля

РАЗ. ХУНХУЗ УСС. Ж. Д. Трудящееся население Тихоновской волости Иманского уезда, могущее носить оружие, начиная с 18 лет, вооружилось и выступило на Уссурийский фронт с большим воодушевлением.

(«ДВ изв.» № 117—18 г.).

В ногу с белогвардейскими, чешскими, японскими, английскими, американскими, итальянскими войсками отправлял свои части Пуанкарэ, детеныш палача Парижской коммуны—Тьера. Они хотели пройти церемониальным маршем на Москву и кровью трудящихся залить пламя Октябрьской революции — начала мировой коммуны.

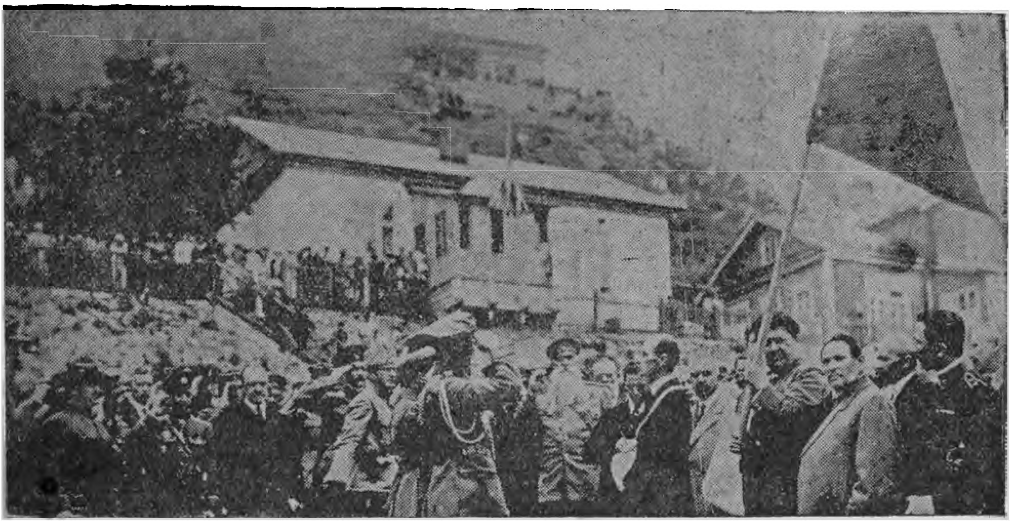
7 июля

ВЛАДИВОСТОК. Газета «Красное знамя» в передовой сообщает, что с падением советов и восстановлением меньшевистско-эсеровского правительства «автономной Сибири» на многих предприятиях хозяева об'явили рабочим о понижении заработной платы. Уже вводится 10-часовой и даже 12-часовой рабочий день.

(«Кр. знамя» № 223 — 18 г.).

8 июля

ВЛАДИВОСТОК. «Дальневосточные известия» сообщают о белом терроре, происходящем во Владивостоке. В городе «введены военно-полевые суды. На улицах повторяется картина, напоминающая последние дни Парижской коммуны. Буржуазия разоделась во все новое, на улицах Владивостока «христосуются». Белогвардейцев и чехословаков забрасывают цветами, арестованных рабочих избивают, выводят на улицу на посмешище буржуазии. Избиения и убийства рабочих происходят открыто». («ДВ изв.» № 117—18 г.).

Контрреволюция кричит—Ура! Война Советской России! Буржуазия снова получила свои потерянные права. Она благодарит «спасителей» — чешское командование — и подносит им бело-зеленое знамя.

12 июля

ВЛАДИВОСТОК. Временное Сибирское правительство (Дербера) выпустило свою декларацию, в которой все декреты советской власти отменяются. Промышленность возвращается владельцам. Дается обещание вести войну с Советской Россией и Германией. Рабочим дается разрешение иметь только профессиональные союзы и «возможность» бастовать «в установленных законом рамках».

(«Д. окр.» № 3586 — 18 г.).

26 июля

ХАБАРОВСК. В газете «Дальневосточные известия» опубликовано обращение «Полевого комитета чехословацкой революционной Красной армии», распро-

страняемое на Уссурийском фронте среди белых частей чехословаков. В обращении к солдатам говорится:

«Силы русской реакции, во главе которой стояли русские офицеры и генералы, не могли победить в бою русских рабочих, а вы здесь, на Востоке, хотите сделать их черную работу. Вас продает и обманывает банда бывших австрийских офицеров, вы по указке англичан, японцев и американцев хотите с Востока задушить молодую русскую революцию, которая должна послужить прологом всемирной революции».

Комитет чехословацкой Красной армии, разоблачив план империалистов, призывал солдат повернуть оружие против эксплоататоров.

(«ДВ изв.» № 131—18 г.).

26-27 июля

ЗАБАЙКАЛЬЕ. Под напором красногвардейских и партизанских отрядов Забайкалья атаман Семенов потерпел поражение. Взята последняя позиция Семенова — высота Тавын - Талагой около ст. Маньчжурия. У семеновцев отбито 6 пулеметов, 2 подводы с патронами, около ста лошадей и другие трофеи.

(«ДВ изв.» № 134—18 г.).

28 июля

ДАУРИЯ. Частями Красной гвардии и армии разбиты наголову банды атамана Семенова, остатки которых скрылись в Маньчжурии. Наши войска находятся на самой границе.

(«ДВ изв.» № 135—18 г.).

3 августа

ХАБАРОВСК. Дальсовнарком в связи с приходом в Николаевск 4 японских миноносцев вынес следующее решение:

«Ввиду того, что в крае не было случая угнетения японских подданных, следовательно с этой стороны не было причин ввода японских миноносцев в Николаевск, Совет народных комассиров ДВ категорически протестует против вмешательства Японии во внутренние дела России и требует отхода японских миноносцев из Николаевска». «...Ни одного японского солдата на берег не допускать, потому что край на военном положении. Заявить также свой протест против выпуска воззвания японским адмиралом к мирным жителям, где говорится о влиянии германо-австрийских пленных на русскую политику».

(«ДВ изв.» № 144—18 г.).

10 августа

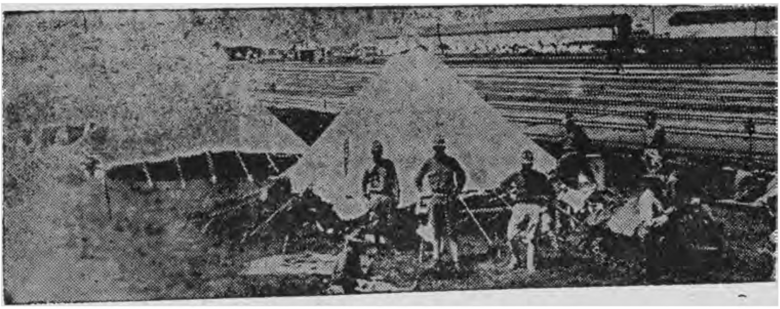
ТОКИО. Японский генерал Отани, назначенный главнокомандующим экспедиционным корпусом союзнических войск, сформировал отряд под командой ген. Оой, приказав ему спешно двинуться на Хабаровск, занимая все важные пункты на Уссурийской, а по возможности и на Амурской ж. д.

(«Приамурье» № 3294 от 28 февраля 1919 г.).

12-30 августа

ВЛАДИВОСТОК. В городе происходила всеобщая политическая забастовка рабочих. Основными требованиями бастующих были: 1) освобождение арестованных членов Владивостокского совета, 2) невмешательство союзников во внутреннюю жизнь Советской республики и прекращение интервенции.

(«Д. окр.» № 3621—18 г.).

В Советское Приморье вошли экспедиционные войска «демократической» Америки.

15 августа

ВЛАДИВОСТОК. Во Владивостоке высадился десант американских войск, направляющийся на Уссурийский фронт.

(«Приамурье» № 3231—18 г.).

22 августа

На фронт прибыли войска 12 японской дивизии под командой ген. Оой, по заявлению которого дивизия прибыла «с целью помочь союзным отрядам выгнать большевиков из края».

(«Приамурье» № 3231—18 г.).

23-24 августа

РАЗ. КРАЕВСКИЙ. Части 12 японской дивизии, три батальона чехословаков, один английский, один французский и отряд атамана Калмыкова вступили в бой с частями Красной армии. При отступлении красные части взорвали железнодорожный мост и оказали сильное сопротивление интервентским войскам, при чем, по сообщению генерала Оой, в бою было убито только одних японцев 200 человек.

(«Приамурье» № 3231—18 г.).

25-28 августа

ХАБАРОВСК. 25 августа открылся пятый с'езд советов Дальнего Востока. В президиум с'езда вошел тов. Постышев (представитель Центросибири). На с'езде присутствовало более 300 делегатов, в большинстве от крестьян. С'езд принял следующую повестку дня:

1. Политическое и международное положение.

2. Перевыборы Дальсовнаркома.

По первому вопросу с'езд вынес резкий протест против разбойного нападения империалистов на Советское государство. С'езд обратился «к братьям трудящимся Америки, Англии, Японии и Франции», указывая на злодеяния, грабежи и убийства, творимые их правительственными войсками, и требуя, чтобы виновники этих зверств были наказаны, а войска немедленно отозваны.

> **«Ни одной пяди своей социалистической родины не упустим без боя. Если же под напором огромных вражеских сил мы должны будем отойти с занятых нами позиций, то сделаем это в последнюю минуту... для того, чтобы, собравшись с силами, вновь ринуться на обнаглевших врагов».**

С'езд избрал Дальсовнарком из 22 человек—большевиков и левых эсеров.

(«ДВ изв.» № 160—18 г.).

28 августа

СТ. УРУЛЬГА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ Ж. Д. Состоялась конференция партийных, советских и военных работников Забайкалья и представителей Центросибири. Присутствовало 59 делегатов. На конференции обсуждались вопросы о положении на фронтах, об ограблении анархистами Читинского банка и о ведении дальнейшей борьбы с белогвардейщиной и интервенцией. По вопросу о формах дальнейшей борьбы конференция решила:

> **«Борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать. Дальнейшая борьба должна вестись с учетом всей международной и политической обстановки, с использованием всех легальных и нелегальных возможностей к дезорганизации всех усилий наших врагов закрепить в пределах Сибири власть буржуазии и иностранного капитала...».**

(Сб. Дальистпарта, кн. 3, стр. 101).

1 сентября

ЧИТА. Город занят семеновскими отрядами. Власть захватил атаман Семенов.

(Сб. «Партизаны», стр. 203).

2 сентября

ЧИТА. В город прибыли японские регулярные части.

(Сб. «Партизаны», стр. 203).

2 сентября

ХАБАРОВСК. Дальсовнарком эвакуировался в г. Свободный.

(«ДВ изв.» № 163—18 г.).

4 сентября

ХАБАРОВСК. Частью отряда атамана Калмыкова совместно с эскадроном японской кавалерии в 6 час. 30 мин. занята восточная часть Хабаровска. Красноармейские части отступили за Амур.

(«Д. окр.» № 3627—18 г.).

5 сентября

ХАБАРОВСК. Утром отряд Калмыкова вместе с японскими военными частями вступил в г. Хабаровск. Обрадованная буржуазия с меньшевиками и эсерами громко приветствовала Калмыкова, забрасывая его цветами. В этот день Калмыков на глазах публики в городском саду, на утесе Амура, расстрелял 16 человек музыкантов — военнопленных австрийцев, подозревая их в сочувствии советской власти.

(«Д. окр.» № 3627—18 г.).

7 сентября

Японскими войсками занята база Амурской речной военной флотилии. Японцы захватили канонерки «Смерч», «Шквал», «Орочанин», «Бурят», «Монгол», «Восток» с полным артиллерийским вооружением и исправными для действия механизмами.

(Сб. Дальистпарта, кн. 3).

8 сентября

БЛАГОВЕЩЕНСК. После эвакуации исполкома советов Амурской обл. и ухода красноармейских войск Благовещенск был занят белогвардейцами и японскими войсками, пришедшими из китайского города Сахаляна.

(Бюлл. пр-ва Амурск. обл. № 1-3—18 г.).

19 сентября

Г. ЗЕЯ. Город занят японскими войсками, остатки частей Красной армии и гвардии отступили в сопки.

(Прот. Зейск. ИК — 18 г.).

21 сентября

БЛАГОВЕЩЕНСК. Председатель Амурского правительства эсер Алексеевский в адрес приисковых организаций послал телеграмму, в которой сообщал, что советская власть пала, и приказал все предприятия, прииски возвратить владельцам, а для «восстановления законной власти и порядка спешно выступает достаточной силы военный русско-японский отряд».

(Далькрайархив, ф. пр-ва Ам. обл., дело о восстановлении порядков на приисках — 18 г.).

3 октября

ВЛАДИВОСТОК. «Далекая окраина» в № 3646—18 г. сообщает, что японский министр финансов Шода при содействии группы банков организовал торгово-промышленное общество для работы на русском Дальнем Востоке. Наиболее заинтересованными в этом предприятии банками являлись: Иокогама Спешин-банк, Чоссен-банк и банк оф Формоза.

Колчаковские войска в английском обмундировании.

Мундир английский, погон российский,
Штык японский, правитель омский.

19 октября

ПОСЬЕТ занят японскими войсками.

(«Д. окр.» № 3662—18 г.).

30 октября

ВЛАДИВОСТОК. Прибыл первый транспорт с американской амуницией для Сибирской белой армии.

(«Д. окр.» № 3675—18 г.).

Октябрь

АМУРСКАЯ ОБЛ. В с. с. Жариково, Ивановке, Ильичевке, Борисоглебовке и др. под руководством Благовещенского подпольного комитета РКП(б) организовались подпольные организации, поставившие своей целью создание отрядов самообороны и руководство партизанским движением.

(Дальпартархив, п. 4, 54).

16 ноября

ВЛАДИВОСТОК. Городской голова — меньшевик Агарев—в честь приезда генерала Жанена произнес приветственную речь, в которой заявил: «Союзница послала на нашу территорию одного из лучших своих воинов еще в то время, когда исход великого состязания не был предрешен. Добро пожаловать, генерал!».

(«Д. окр.» № 3684—18 г.).

1919

7-9 января

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. В с. Мазаново вспыхнуло восстание крестьян. Поводом для восстания послужили провокационные действия японского отряда в с. Мазаново. К восставшим присоединились около 1000 вооруженных партизан из ближайших сел, которые взяли Мазаново и об'явили советскую власть восстановленной. 8 января в мазановском бою убито 60 чел. японцев и 32 казака. Остатки японского отряда бежали в г. Свободный.

В Мазановской волости советская власть просуществовала три дня. 9-го японцы и казаки снова заняли с. Мазаново. Подходя к Мазаново, японцы жгли села и убивали ни в чем неповинных стариков, старух и детей. Было убито 300 чел. Мазановское восстание положило начало бурному под'ему партизанского движения в Амурской области.

(Партархив ДКК ВКП(б), воспомин. Куртузова).

10 января

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. В с. Ильиновке состоялся 1-й подпольный с'езд Зазейского района, обсуждавший вопросы организации партизанского движения. С'езд проходил под руководством большевиков, при участии Мухина. С'езд вынес решение о разделении Амурской области в отношении руководства партизанским движением на 2 района. Для руководства Зазейским (2-м) районом избран районный Революционный комитет.

(Партархив ДКК ВКП(б), п. № 4-54).

15 января

ПРИМОРЬЕ. По гор. Спасску разбрасывалась прокламация, отпечатанная на гектографе, передающая содержание постановления общего собрания крестьян Новонежинской волости об отказе давать солдат в колчаковскую армию. К этому постановлению присоединились также Романовская, Петровская, Сучанская и Шкотовская волости.

(Далькрайархив, ф. 802, д. 103, л. 316).

2 февраля

ПРИМОРЬЕ. Для подавления подготовлявшегося в д. Фроловке восстания прибыл отряд американских войск. На пред'явленное отрядом требование сдать оружие крестьяне ответили: «Умрем с оружием в руках, но не отдадим его». Не добившись никакого результата, отряд через несколько часов ушел.

(Далькрайархив, ф. 882, 81, л. 133).

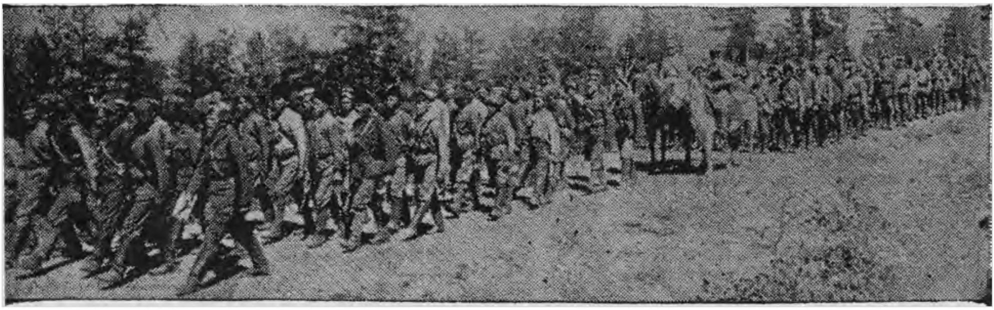
Февраль

ПРИМОРЬЕ. Заняв своим карательным отрядом д. Казанку, ген. Смирнов созвал сход и в присутствии всего схода начал порку крестьян раскаленными шомполами, требуя сдачи оружия и выдачи большевиков или сочувствующих советской власти. В один вечер он выпорол 18 человек.

(Ильюхов и Титов. «Партизанское движение в Приморье», стр. 20).

Февраль

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. В конце февраля японский батальон (400 чел.) попал в засаду партизан около с. Белогорки. Батальон был уничтожен полностью. В качестве трофей захвачено одно траншейное орудие, 2 пулемета и все вооружение противника. Со стороны партизан убитых и раненых не было. Боем командовал тов. Богданов (большевик). (ДВ партархив, восп. Кургузова).

В сопки, в партизанские отряды—для борьбы с контрреволюцией! Так решила большевистская партия. Пролетарии организуют партизанские отряды, увлекая за собой трудовое крестьянство.

2-я половина февраля

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. Вырываясь из кольца японо-белогвардейских отрядов, в 4-х клм. от Чудиновки Амурская партизанская армия под командой главкома тов. Драгошевского наскочила на засаду японского батальона под командой майора Токахаси. После трехчасового боя японский батальон и все командование были уничтожены (380 ч.). Все вооружение захвачено партизанами (2 пулемета, 60.000 патрон и др.). Потери партизан: убито 3 партизана, ранено 48 чел. Из раненых умерло от мороза 11 чел. Бой окончен в 10 часов утра 16 февраля.

(ДВ партархив, восп. Кургузова).

Февраль

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. После Чудиновского боя партизанская армия была вынуждена вступить в новый бой. В 3-х клм. от раз'езда Юхта японцы высадили 7 эшелонов войск при 2-х бронепоздах и одной батарее. Бой продолжался с 13 час. до 20 час., после чего партизанская армия пробилась через линию Амурской жел. дор. и отошла к с. Желтоярово. Убито 782 чел. и ранено около 1000 чел. японцев. Партизаны захватили два 3-дюймов. орудия, 360 шт. снарядов, более 1000 винтовок, 15.000 шт. патронов и др.

Потери партизан: убито 118 чел. и ранено около 200 чел., при чем в числе убитых находятся 59 чел. раненых партизан (японцы захватили партизанский лазарет), которых японцы изрубили в школе. Убитые партизаны во всех 3-х боях (Малоперский, Чудиновский и Юхтинский) похоронены в братской могиле (с. Чудиновка) в количестве 136 чел., из которых 16 чел. партизан-китайцев.

(ДВ партархив, восп. Кургузова).

14 марта

ПРИМОРЬЕ. По сообщению с Сучанских копей, в связи с об'явлением призыва в колчаковские войска молодые рабочие массами уходят с копей в окружающие деревни и вливаются в партизанские отряды. (ДВ крайархив, ф. 802, д. 103).

15 марта

КВЖД. Введен международный контроль над Китайской Восточной железной дорогой. («Эхо» № 16—19 г.).

Жесточайшим террором решают белояпонцы уничтожить партизанское движение. Орудийным огнем расстреливается деревня Ивановка — штаб партизан Амура.

22 марта

СЕЛО ИВАНОВКА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ. Около часу дня со стороны села Дмитриевки японцы начали орудийный обстрел села, продолжавшийся около часа. Падающими снарядами было подожжено несколько зданий. Большая часть населения в панике разбежалась. Спустя некоторое время большой отряд белояпонцев при 4-х орудиях и нескольких пулеметах занял село и начал расправу над мирными жителями. Сжигая дома, японцы согнали крестьян на площадь и открыли по ним стрельбу из пулеметов. Часть крестьян японцами была заперта в амбаре, который затем был подожжен. Разгромив село, отряд возвратился в Бочкарево. В результате разгрома японцами в с. Ивановке убито и сожжено 257 чел., среди них женщины и дети. Сожжено до 200 строений.

(Далькрайархив, сборник документов по интервенции, том II).

23 марта

БЛАГОВЕЩЕНСК. Опубликовано об'явление командующего японскими войсками в Амурской области ген. Ямада, в котором он, сообщая об уничтожении села Ивановки, предупреждает, что участь села Ивановки, как «одного из главных гнезд большевизма», постигнет всякое другое село, «замеченное в укрывательстве и поддержке красных». (Далькрайархив, ф. 883, д. 32, л. 26).

Март

ПРИМОРЬЕ. По сообщению управляющего Ольгинским уездом, крестьяне с. Широкая Падь, отказываясь платить налоги, пожертвовали в пользу партизанского отряда 1500 руб. (Далькрайархив, ф. 802, д. 103, л. 306).

2-я половина апреля

ВЛАДИВОСТОК. В 20-х числах апреля состоялась нелегальная 3 ДВ краевая конференция РКП(б), созванная по инициативе Благовещенской организации. Конференция разработала мероприятия по руководству и тактике партизанского движения. Владивостокский комитет конференцией был утвержден в качестве Дальневосточного областного комитета РКП(б).

(ДВ партархив, прот. ДВ кр. конф., март 1920).

Апрель

ПРИМОРЬЕ. В селе Николаевке организовался первый в крае корейский партизанский отряд под командой тов. Хан Чан-гера.

(Партархив, дело о корейском партизанском движении).

21 мая

СУЧАН. Под руководством подпольной большевистской организации началась политическая забастовка сучанских рабочих и Сучанской жел. дор. ветки. Забастовка проходила под лозунгами: ни одной тонны угля Колчаку, удаление интервентских войск с Дальнего Востока, беспощадная борьба с белогвардейщиной и интервенцией. Забастовка сопровождалась массовым уходом рабочих в партизанские отряды и в повстанческие села.

(«Эхо» № 72—19 г.).

22-25 мая

ПРИМОРЬЕ. В урочище Анучино состоялся первый повстанческий с'езд трудящихся Приморской области. На с'езде обсуждались следующие вопросы: 1) Доклады с мест. 2) О текущем моменте: а) наша тактика, б) организация отрядов, в) организация тыла, г) резолюция партийных конференций. 3) О власти. 4) О продовольствии. 5) Об обеспечении семей партизан и другие. В качестве центрального руководящего органа партизанского движения в Приморье с'ездом избран временный военно-революционный комитет Приморской области.

(Далькрайархив, прот. повстанч. с'езда).

22 июня

ВЛАДИВОСТОК. Дальневосточный комитет РКП(б) принял решение «о тактике коммунистов на Дальнем Востоке».

Важнейшей задачей партийной организации выдвигалось «вовлечение новых масс трудящихся в ряды восставших, доведение происходящих разрозненных выступлений рабочих и крестьян до размера всеобщего вооруженного восстания».

Дальневосточный комитет определил тактику партизанской войны в части разложения белого тыла: «Разрушение транспорта, военной промышленности и всего аппарата государственной власти Колчака». В решении также указывалось, что «агитация среди иностранных войск и восточных народов должна занять одно из первых мест в работе организации».

(Дальпартархив, ф. 29, д. № 1)..

8 июля

ВЛАДИВОСТОК. Ген. Дутов в связи с всеобщей забастовкой, начавшейся с 1 июля во Владивостоке, об'явил железнодорожную линию между Хабаровском и Никольск-Уссурийском, а также оба эти города на осадном положении.

(«Эхо» № 105—19 г.).

11 июля

ВЛАДИВОСТОК. К железнодорожной забастовке присоединились моряки добровольного флота, требуя повышения зарплаты. Срочные рейсы пароходов прекратились.

(Далькрайархив, ф. 802, д. № 1).

13 июля

ВЛАДИВОСТОК. Дальневосточный областной комитет РКП(б) выпустил прокламацию, посвященную всеобщей забастовке, в которой указывалось, что «небывалая с 1905 года железнодорожная забастовка охватила весь Приморский район и

угрожает перейти на смежные линии». Призывая рабочих присоединиться к забастовке и стойко бороться за удовлетворение выставленных требований, Дальневосточный комитет подчеркивал политическое значение забастовки: «Помните, что каждый день забастовки убивает силы буржуазных наймитов, мешает им перебрасывать на фронт оружие и людей, дает возможность держаться нашим восставшим братьям. Каждый лишний день приморской забастовки есть тяжелый и непоправимый удар для противника».

(Далькрайархив, ф. 802, д. № 1).

15 июля

ЧИТА. Атаман Семенов в телеграмме на имя полковника барона Тирбах писал: «В связи с событиями на Забайкальском фронте сегодня ночью будут расстреляны большевики Читинской тюрьмы. Прикажите в указанном вам месте на Макеевском и Туринском раз'ездах рыть большие могилы. Привезены будут ночью. Расстрел произвести офицерам из пулеметов, конвоировать будут юнкера. Необходимо войти в связь с ген. Лихачевым».

(ДВ партархив, д. № 10 о семеновщине).

23 июля

КВЖД. К бастующим рабочим Харбинских ж. д. мастерских присоединились железнодорожники всей линии КВжд. Движение товарных поездов и подвоз срочных грузов для колчаковского фронта из Маньчжурии прекратились.

(«Н. жизни» № 154—19 г.).

Июль

БЛАГОВЕЩЕНСК. «Амурская жизнь» (№ 189) сообщает, что на сборный пункт не явилось подавляющее число родившихся в 1900 и 1901 годах, подлежащих призыву в колчаковскую армию с 28 июля.

29 августа

ВЛАДИВОСТОК. Дальневосточный комитет РКП(б) в письме партийным организациям дал оценку весенне-летней партизанской кампании в Приморье. В письме указывается, что повстанческое движение мешало регулярному снабжению колчаковского фронта, разрушение транспорта не дало Колчаку и его атаманам перебросить десятки тысяч солдат для пополнения армии и задержало в Приморской области большие силы белогвардейских и интервентских войск.

Дальневосточный комитет РКП(б) сообщал, что при комитете для руководства и помощи партизанским отрядам существует военный отдел.

Главная задача момента — организация революционных сил в городах, деревнях и войсках. Партизанские отряды должны быть мелкими и подвижными, преследуя по преимуществу цели разрушения транспорта.

(Дальпартархив, ф. № 29, д. № 1).

Август

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. На раз'езде 724 версты Амурской ж. д. японский отряд избил железнодорожных рабочих и, загнав в баню 17 китайских рабочих, сжег их там заживо. (Далькрайархив, док. об интервенции).

Сентябрь

ЗАБАЙКАЛЬЕ. Крупные семеновские части, подкрепленные японцами, повели наступление на расположившиеся в станице Богдать партизанские части. Партизаны, обойдя японцев с флангов, повели контрнаступление. Завязался бой. Дрогнувшие вначале партизаны вскоре вытеснили японцев с занятых позиций и обратили их в бегство. Японцами оставлено большое количество убитых и раненых, в том числе

7 офицеров. Со стороны партизан убито около 10 человек и ранено 18. На другой день, получив подкрепление, белояпонцы вновь повели наступление и сжали партизан в узкое кольцо. Орудийная, пулеметная и ружейная стрельба не смолкала в течение 3-х дней. Партизаны оказывали бешеное сопротивление. На четвертый день партизанам под командой Якимова удалось прорваться и выйти на д. Ключи и Унду. Партизаны потеряли в бою убитыми около 70 и ранеными свыше 100 чел. Потери белояпонцев были также значительны.

(Архив ДКК ВКП(б) № 3-35).

8 октября

Японское осведомительное бюро сообщает «Об итогах реальной помощи, оказанной Японией России» с августа 18 года по октябрь 19 г. Всего в Сибирь прибыло 120 тысяч японских офицеров и нижних чинов, 20 тысяч лошадей.

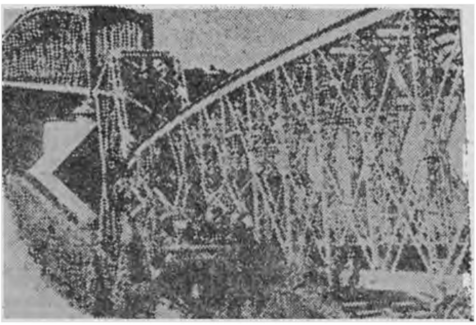
На строительство русской армии затрачено 160 миллионов иен. Доставлено 30 орудий, 50 тысяч снарядов, 20 тысяч винтовок, 40 милл. патрон, 100 пулеметов с 2 мил. патрон. Около 30 тысяч русских солдат одеты Японией.

(«Голос родины» № 51—19 г).

Октябрь

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. Министр путей сообщения колчаковского правительства Устругов в секретном докладе Колчаку о состоянии транспорта сообщает: «По долгу задерживаются срочные грузы, следующие с Востока... На Амурской дороге с февраля с. г. до конца сентября, не считая повреждений на отрезанной в настоящее время от управления дороги западной ее части, было триста двадцать девять случаев сожжения мостов общей длиной 3780 погонных саженей, при чем только в августе и сентябре сожжено 146 мостов».

(Пионтковский, «Гражд. война»).

Мост на р. Уссури, разрушенный интервентскими войсками.

Октябрь

ПРИМОРЬЕ. По сообщению тов. Губельмана Владивостокскому комитету РКП(б), в районе с. Чугуевки китайским населением передано в пользу партизанских отрядов 4 тыс. руб. В районе имеется два китайских отряда.

(ДВ партархив, ф. 29, л. 34).

1-2 декабря

ПРИМОРЬЕ. В ночь на 2 декабря в с. Казанке восстал колчаковский гарнизон. Восставшие солдаты (около 400 чел.) убили 12 офицеров и, захватив с собой 4 пулемета и много патрон, присоединились к партизанам Сучанского района.

(Ильюхов и Титов. «Партиз. движ. в Прим.», стр. 180).

4 декабря

ПРИМОРЬЕ. Из перешедших на сторону партизан в Сучане колчаковских солдат и из отдельных действовавших на Сучане партизанских отрядов был организован 1-й Дальневосточный советский полк. Командиром полка избран т. Ильюхов, начальником штаба — Гоголев М. (Титов).

(Ильюхов и Титов. «Партизанское движение в Приморье», стр. 182).

1920

1-9 января

ТРОИЦКОСАВСК. Семеновцы в течение нескольких дней «ликвидировали», т. е. расстреляли и изрубили, свыше 1000 политзаключенных в троицкосавских красных казармах. Только за 3 дня (31 декабря 19 г., 1 и 5 января 20 г.) было убито 528 чел. При ликвидации тюрьмы 8 и 9 января самым ужасным образом были изрублены все больные тюремной больницы. Брошен в колодезь 101 труп.

(Сб. Дальистпарта № 1).

22 января

ВЛАДИВОСТОК. По сведениям японской газеты «Хоци», число солдат, присужденных военным судом Сибири к тюремному заключению, все время возрастает. Не было еще случая, — пишет газета, — чтобы пароход, шедший из Владивостока, не привез бы нескольких арестованных.

(«ДВ обозрение» № 243—20 г.).

23 января

ПРИМОРЬЕ. По сообщению начальника колчаковского гарнизона, из Никольск-Уссурийского гарнизона с 1 по 23 января дезертировало 75 солдат колчаковской армии.

(Далькрайархив, ф. 802, л. 67).

24 января

ВЛАДИВОСТОК. Дальневосточный областной комитет РКП(б) ввиду наличия крупных интервентских сил в городах ДВ по вопросу о восстании постановил восстание провести под лозунгом временной передачи власти земской управе (Временному Приморскому правительству) с условием сохранения в ней большевистского руководства.

(Партархив, прот. ДВ кр. конф. РКП(б), март 1920 г.).

26 января

ПРИМОРЬЕ. В ночь на 26 января партизаны заняли станцию Никольск-Уссурийск. Против колчаковщины восстал весь гарнизон. К утру весь город был в руках партизан и украшен красными флагами. Партизаны устроили парад.

(«Д. Восток» № 13—20 г.).

26 января

СТ. ОКЕАНСКАЯ. Восстал колчаковский гарнизон. Восставшие ушли к партизанам, наименовав себя третьим партизанским полком.

(«ДВ Обозрение» № 297—20 г.)

30 января

ВЛАДИВОСТОК. Дальневосточный областной комитет РКП(б) в воззвании к рабочим и солдатам сообщал, что для руководства восстанием создан оперативный штаб военно-революционных организаций. В силу «международных условий в городах Дальнего Востока нельзя вести восстание под советскими лозунгами», поэтому ДВ комитет указывал, что восстание должно проходить под лозунгом передачи власти областной земской управе и что в необходимый момент комитет призовет рабочих и солдат к восстанию. (Дальпартархив, опись № 103, д. № 1).

31 января

ВЛАДИВОСТОК. Отряды революционных войск заняли окраины Владивостока. В 11 часов утра революционными войсками занята Светланка. В 12 час. Владивосток взят партизанами, рабочими дружинами и восставшими солдатами колчаковского гарнизона. («Рабоче-крестьянская газета» № 1—20 г.).

4-6 февраля

БЛАГОВЕЩЕНСК. Город окружен партизанами. Атаман Кузнецов потеряв поддержку казачества, 4-го февраля передал власть «демократическому» блоку земских, профсоюзных и др. организаций («временный совет самоуправлений и профессиональных рабочих организаций»), а 6 февраля власть перешла в руки Временного исполкома советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

5 февраля

ВЛАДИВОСТОК. Состоялось первое легальное общегородское собрание членов РКП(б). Собрание приняло решение о созыве краевой партийной конференции и наметило ближайшие задачи партийной организации в агитационно-пропагандистской, военной и профессиональной работе и в Приморском правительстве.

(«Кр. зн.» № 1-2).

7 февраля

ЗЕЯ. Власть перешла в руки совета рабочих депутатов.

(Дальпартархив, ф. 227, д. № 1, л. 15).

13 февраля

ХАБАРОВСК. Калмыков, захватив более 36 пудов золота, со своим отрядом в количестве около 1200 чел, оставил гор. Хабаровск и бежал на китайскую территорию. При выезде он расстрелял до 40 чел. ненадежных из своего отряда и 7 человек из «вагона смерти».

(«Приамурье» от 14 февраля 20 г.).

16 февраля

ХАБАРОВСК. В 3 часа дня Хабаровск занят экспедиционным отрядом временного правительства Приморской областной земской управы и партотрядами Хабаровского района.

(«Кр. знамя» № 8—20 г.).

13-15 марта

ХАРБИН. Рабочими и служащими КВжд об'явлена политическая забастовка с требованием отстранения от власти ген. Хорвата. Забастовка проходила под руководством коммунистов. После 3-х дней забастовки требование было удовлетворено — Хорват смещен. Власть перешла в руки китайского военного командования.

(Дальпартархив, д. с анк. о КВжд, стр. 47)

Из Верхнеудинска двинулась на восток полуголодная, раздетая, плохо вооруженная, но сильная пролетарской ненавистью к контрреволюции Народнореволюционная армия.

12 марта

ВЕРХНЕУДИНСК. Из частей 5-й краснознаменной армии и партизанских отрядов Забайкалья образована Народнореволюционная армия.

(«Вперед» №№ 407, 412—20 г.).

12-15 марта

НИКОЛАЕВСК НА АМУРЕ. В ночь с 11 на 12 командующий японскими экспедиционными войсками Исикава, нарушив мирный договор, заключенный с партизанской армией Николаевского округа, организовал провокационное нападение на партизанские отряды. В три часа ночи многочисленные японские отряды неожиданно напали на штаб и казармы, занятые партизанами. По зданиям был открыт ураганный ружейный и пулеметный огонь. Партизаны, застигнутые врасплох, быстро сорганизовались для защиты. Между разрозненными группами сражающихся установилась связь. Уже к полудню японцы стали сдавать пункт за пунктом. Два дня длился ожесточенный бой. Партизанами были взяты все важнейшие укрепления японцев; только небольшой отряд, засевший в казарме, оказывал сопротивление.

14 марта из Хабаровска был получен приказ командующего японскими войсками Ямада местным японским войскам прекратить боевые действия.

15 марта последний японский отряд выбросил белый флаг.

В результате боя — большие жертвы с обеих сторон.

Много зданий сгорело и разрушено.

(ДВ партархив, д. о Николаевских событиях. «ДВ Обозр.» № 290 за 20 г.)

16-19 марта

НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК. Состоялась 4-я Дальневосточная краевая конференция РКП(б).

По вопросу о форме власти конференция большинством голосов приняла решение об организации советской власти в Приморье. На конференции обнаружились разногласия по вопросу о власти: часть конференции стояла за образование буферного государства в виде тактического маневра, а большинство за немедленную советизацию ДВ. В отношении интервентов была принята оборонительная тактика с целью избежать военных столкновений с японскими войсками. От имени конференции в адрес ЦК послана телеграмма с указанием на необходимость немедленного создания советов на Дальнем Востоке. Конференцией избран краевой комитет РКП(б) в составе т.т. Никифорова, Губельмана, Лазо, Дубельштейна, Сибирцева, Холодова и Яковлева.

(Дальпартархив, прот. ДВ конф. РКП(б), д. № 2—20 г.).

21 марта

ХАБАРОВСК. В город вошли партизанские отряды Шевчука, Вредного и Кочнева. Гарнизон, союзы, военный комиссариат, исполком и парторганизация организовали торжественную встречу. («Коммунист» № 21—20 г.).

Еще не успели высохнуть чернила на мирном соглашении, заключенном с японскими властями, как предательской рукой японской военщины были убиты сотни партизан и мирных жителей в городах советского Приморья. Так закончилась кровавая ночь в Спасске.

28 марта—8 апреля

ВЕРХНЕУДИНСК. Состоялся с'езд трудящихся Прибайкалья, который обратился с декларацией ко всем народам мира и их правительствам по поводу свержения самозванной власти Колчака и Семенова и образования на ДВ самостоятельной Дальневосточной республики с демократической формой правления. С'езд избрал временное правительство, в составе которого преобладали коммунисты. Правительству было поручено принять меры к ликвидации интервенции и разгрому остатков белогвардейщины на ДВ. (Дальскрайархив, сб. докум. по истории буфера).

2-3 апреля

ВЛАДИВОСТОК. Еще в конце марта японское командование заняло и начало укреплять почти все главенствующие высоты и стратегические пункты города. Против штаба крепости, штаба Амурской бригады, земской управы, штаба флотилии и в др. местах 2-3 апреля были «предусмотрительно» выставлены пулеметы. Гарнизон гороза был увеличен свежими силами. Даже нестроевым солдатам и вестовым были розданы винтовки на «всякий случай».

(Дальскрайархив, сб. док. по интервенции, т. I).

4-5 апреля

ВЛАДИВОСТОК. С 10-12 час. вечера выступили японские части, нарушив только-что заключенное мирное соглашение (от 4 апреля). Выступление было совершенно неожиданно. Революционные войска, застигнутые врасплох, были вынуждены вступить в бой на ж. д. станции. В 2 ч. ночи был занят вокзал, затем гауптвахта и комендантское управление. Обстреляны и заняты здания земской управы, гостиницы «Золотой рог», штаб войск, тюрьма и пр. К утру весь город был в руках японцев. Ночью улицы освещались японским броненосцем. В результате — сотни убитых, масса арестованных. Без сопротивления со стороны команд разоружена флотилия временного правительства — миноносцы: «Статный», «Смелый». Комсостав миноносцев арестован и отправлен в штаб японских войск. Японцами освобождены заключенные в тюрьмах белогвардейцы.

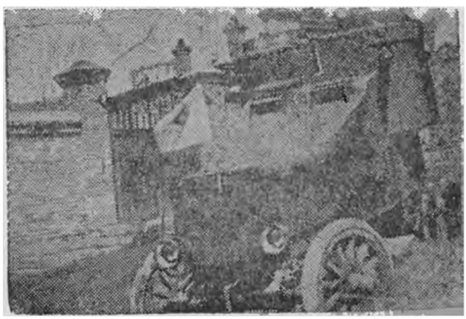
(Дальскрайархив, документы по интервенции, т. I).

4-5 апреля

НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК. В 2 часа ночи японскими солдатами был оцеплен вокзал. Японские часовые поставлены у всех телеграфных аппаратов и ж. д. телефонов. В 5 часов утра в направлении крепости и сопки японские части начали ружейную, пулеметную и орудийную стрельбу. Центр сражения—р. Суйфун и крепость. Много жертв. С утра начались массовые аресты русского и корейского населения при участии калмыковцев. Заняты все склады, захваченные паровозы приведены в негодность. («Кр. зн.» №№ 48 и 51—20 г.).

4-5 апреля

ОЛЬГА. В ночь с 4 на 5 апреля, около 11 часов вечера в помещении Ольгинской земской управы японский караул разоружил милиционеров, сорвал красный флаг и вывесил японский, арестовал членов управы, поставил своих часовых. 7 апреля здание управы опечатано. В здании все перерыто, дела разбросаны, ящики вскрыты. (Дальскрайархив, сб. док. по интервенции, т. I, л.л. 215-216).

На улицах Владивостока после 4—5 апреля.

5 апреля

ВЛАДИВОСТОК. В оправдание провокационного выступления 4-5 апреля командующий японскими войсками в Сибири ген. Оой опубликовал обращение к населению ДВК. В обращении Оой пытается свалить вину за события на красные партизанские отряды, которые, якобы, в ночь на 5 апреля напали на японские склады, гараж, этапное управление и открыли огонь по патрулям.

«Для предотвращения опасности, — говорит Оой, — японское командование вынуждено требовать разоружения русских вооруженных сил».

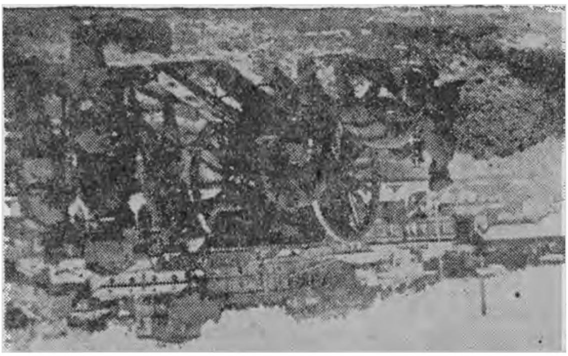
Ложность этих оправданий японского командования была очевидна для трудящихся Дальнего Востока, на глазах которого готовилось это выступление.

(Далькрайархив, сб. док. по интервенции, т. I, л. 313).

5-6 апреля

ХАБАРОВСК. В 9 час. 30 мин. началось неожиданное нападение японцев на партизанские и правительственные войска. Бой носил ожесточенный характер. В разных частях города возникли пожары. Героическое сопротивление японцам оказывали партизаны. Бой продолжался и вне города. С обеих сторон много жертв. 6-го город окончательно занят японцами. Многие жители арестованы.

(«Д. Обозрение» № 255—20 г).

Японская артиллерия ведет обстрел Хабаровска 5 апреля.

5 апреля

ШКОТОВО. В 2-3 часа ночи японцы окружили казармы Шкотовского гарнизона. Около 6 час. утра началась орудийная, бомбометная и пулеметная стрельба. Бой закончился в 8 часов утра. Партизаны Шкотовского гарнизона, не ожидавшие нападения, потеряли при отступлении убитыми 118 чел. Арестовано около 1000 чел. Раненых японцы разрешили убирать только вечером 5-го, а в долине Майхэ— 6-го утром.

(«Кр. зн.» №№ 49, 51).

5 апреля

ПОСЬЕТСКИЙ РАЙОН. Утром японцами произведен переворот в районе. Обезоружены партизанские гарнизоны Ново-Киевска и Славянки. Заняты правительственные учреждения и произведено много арестов среди мирного населения. Арестованным пред'явлены обвинения: сочувствие сов. власти, пропаганда социализма. Убит начальник Посьетского военного района Васюнин. Увезены неизвестно куда председатель райисполкома Шабалин и др.

(«Голос родины» № 163—20 г).

5-6 апреля

СПАССК. Около 8 часов утра после револьверного выстрела, послужившего сигналом для японского выступления, в разных частях поселка началась ружейная перестрелка. Японцы обстреляли вокзал, почту, здание управы. Революционный гарнизон был застигнут врасплох. Часть сдалась в плен, часть отступила. Рабочие авиамастерских, авиашкола, ж. д. батальон и партизанский отряд Борисова, отстреливаясь, ушли в сопки. Редкая орудийная стрельба продолжалась до вечера 6 апреля. Много жертв. В своем обращении к населению японское командование об'яснило свое провокационное выступление тем, что, якобы, русские открыли по ним стрельбу в тот момент, когда они хотели вступить с командным составом революционной армии в переговоры.

(Далькрайархив, сб. док. по интервенции, т. I).

Апрель

СТ. ИН АМУР. Ж. Д. После японского выступления 4-5 апреля для борьбы с белогвардейщиной и интервенцией по инициативе Амурского ревкома началась организация Амурской армии из отдельных партотрядов. Приказом ревкома на должность командующего войсками Восточного фронта был назначен тов. СЕРЫШЕВ и военным комиссаром фронта — тов. ПОСТЫШЕВ. Сформированные из партотрядов девять стрелковых полков с командами и хоз. частями составили 1-ю Амурскую стрелковую дивизию, отдельный полк кавалерии и полк артиллерии, мощный бронепоезд — подарок чепуринских рабочих — и танки, взятые партизанами из-под носа японцев еще до 4-5 апреля (Подарок Франции Колчаку).

(«Revол. на ДВ», стр. 110-112).

28 апреля

РАЗ. НИКОЛАЕВКА АМ. Ж. Д. В походной типографии штаба Восточного фронта вышел 1-й номер газеты «Вперед» — органа информационного отдела штаба Восточного фронта, а с 14 сентября—политотдела 1-й Амурской стрелковой Народнореволюционной дивизии. Инициатором создания газеты «Вперед» и ее первым редактором был П. П. Постышев. Газета являлась органом политического воспитания народоармейских масс и сыграла огромную роль на Восточном фронте. Выходила вплоть до 1923 г.

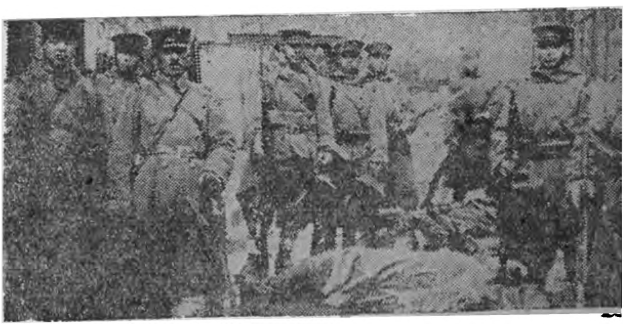
(«Вперед» № 442—22 г.).

29 апреля

ВЛАДИВОСТОК. Временным Приморским правительством заключено соглашение с японским командованием, по которому устанавливалось прекращение боевых действий между революционными и японскими отрядами и намечена демаркационная линия в районах расположения японских войск (Сучан и Уссурийская жел. дорога).

Все войска временного Приморского правительства отводятся за демаркационную линию, к Иману, в пределах которой разрешается нахождение только милиции временного Прим. правительства.

(Далькрайархив, сб. докум. по интервенции, т. II, стр. 15-18).

После провокационного выступления 4-5 апреля. Японские офицеры и солдаты у трупов партизан

1 мая

ТОКИО. Происходили митинги рабочих, на которых выносились требования о немедленной эвакуации японских войск из Сибири, отмене гонений на печать, введении 8-часового рабочего дня и проч.

(«Кр. зн.» № 73—20 г. и «Осака майници» от 12 мая 1920 г.).

25-26 мая

СТ. МУРАВЬЕВО-АМУРСКАЯ. На станцию в почтовой теплушке были привезены арестованные японцами (4 апреля) т.т. Лазо, Луцкий и Сибирцев. Они были переданы белогвардейцам бочкаревского отряда, которые в мешках перенесли перечисленных товарищей на паровоз.

Первым вынули из мешка тов. Лазо и хотели живым затолкать в топку паровоза. Тов. Лазо оказал сопротивление, но удар по голове лишил его сознания и он был брошен в горящую паровозную топку. Остальные товарищи были пристрелены в мешках и также сожжены в топке. Все трое были коммунистами, при чем т.т. Лазо и Сибирцев были членами краевого комитета РКП(б).

(«Наш путь» № 8—23 г.).

Май

НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК. По сведениям газеты «Амур», № 30, революционно-настроенный чехословацкий полк разоружен японскими войсками.

15 июля

ГОНГОТА. Представителями японского и Верхнеудинского правительств ДВР подписан договор о перемирии. Согласно договору линия, разделяющая фронты, пройдет с юга на север по 113 град. 30 мин. восточной долготы. Перемирие начнется с 18 июля.

(«Кр. зн.» № 127—20 г.).

25 июля

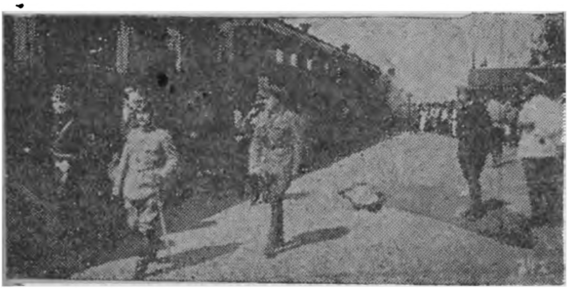
ЗАБАЙКАЛЬЕ. 25 июля началась эвакуация японских войск из Читы и Сретенска. 5 августа Сретенск был очищен японцами. При эвакуации японцы уводили все паровозы и вагоны, разрушали линию и забирали с собой все, что возможно: стрелки, телефоны, телеграфные аппараты и т. д.

(«Кр. клич» №№ 42 и 49—20 г.).

10 августа

ВЕРХНЕУДИНСК. Открылась 1-я конференция коммунистических ячеек НРА, обсудившая вопросы: 1. Текущий момент и задачи РКП(б), 2. Организационные вопросы, 3. Партработа в армии, 4. Работа комячеек, 5. Коммунистические субботники и воскресники, 6. Неделя явки дезертиров.

(«ДВ республика» № 79—20 г.).

Представители правительства ДВР и японских властей прибыли на ст. Гонгота для заключения перемирия.

Август

О. САХАЛИН. Японцы производят массовые аресты жителей, захватывают русские здания, предприятия, земельные участки, приготовляются к постройке новых жилищ. Прихавшие из Японии инженеры производят изыскания с целью эксплоатации недр. Русское население терроризовано, угнетено.

(Далькрайархив, ф. 530, д. 12, л.л. 122-123).

Август

ЧИТА. Закончилась эвакуация чехословацких войск с Д. Востока.

(Далькрайархив. Сб. материалов по интервенции, т. II, л. 448).

Эвакуация чехов.

21 октября

ПРИАМУРЬЕ. Закончилась эвакуация японских войск, а также японских и других иностранных резидентов из Хабаровского района. Японцы забрали с собой 6 русских пароходов и много ценностей.

(«Кр. зн.» № 203).

21-22 октября

ЧИТА. Под напором партизанских отрядов семеновские банды 21-го оставили Читу, 22 октября, в 10 час. утра в город вступили партизаны и части НРА.

(«Красное знамя» № 204—1920 г.).

11 ноября

ЧИТА. Избранным 9 ноября на конференции областей Дальнего Востока правительством ДВР в составе Краснощекова, Матвеева, Иванова, Румянцева, Никифорова и Кузнецова принята вся полнота гражданской и военной власти на территории Д. Востока. Все существующие в крае правительства превращены в органы областного управления. Всем партизанским вооруженным силам и остаткам белых армий предложено отдать себя в распоряжение главного командования или сложить оружие.

(Далькрайархив. Сб. док. по истории «буфера»).

19 ноября

ЗАБАЙКАЛЬЕ. На ст. Мациевской произошел бой парт-отрядов с семеновцами, закончившийся полным разгромом семеновцев.

(Сб. «Партизаны», Чита 1929 г., ст. 16).

21 ноября

ЗАБАЙКАЛЬЕ. Остатки частей атамана Семенова настигнуты НРА ДВР и отброшены в Монголию.

(«Вперед» от 23 февраля 20 года).

22-28 нобяря

ЧИТА. Состоялась первая (пятая) краевая конференция РКП(б).

Конференция одобрила деятельность Дальбюро, под руководством которого была создана Дальневосточная республика и ликвидирована «Читинская пробка».

По вопросу о задачах РКП(б) в буфере конференция признала, что в силу существующего международного положения пролетариат и партия вынуждены создать демократический строй — ДВР. Образование является тактическим маневром партии в целях создания заслона советской республики, ликвидации интервенции

и разгрома контрреволюционных сил на Дальнем Востоке. Конференция постановила обеспечить большевистское влияние в НРА через институт комиссаров. По организационному вопросу конференция решила, что военная обстановка диктует и партийной организации военную дисциплину.

(Дальпартархив, ф. 16, д. № 35).

8 декабря

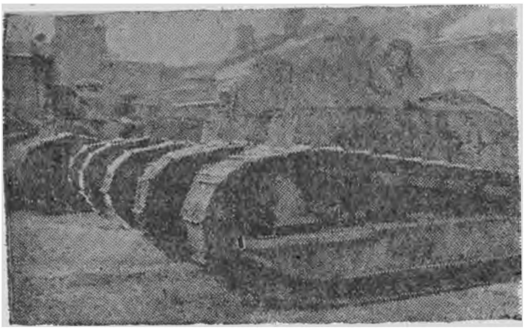
ЧИТА. Вышел первый номер ежедневной газеты «Боец и пахарь» — орган военно-политического управления ДВР.

(«Б. и п.» № 1—20 г.).

16 декабря

ВЛАДИВОСТОК. Японская дипломатическая миссия довела до сведения русских властей, что рыбные промыслы в низовьях Амура, в Амурском лимане, на Сев. Сахалине и в водах побережья от м. Лазарева до Де-Кастри, находившиеся раньше в ведении русских властей, в дальнейшем переходят в ведение японского командования.

(Далькрайархив, сб. по интервенции, т. II, ст. 349).

Танки Народнореволюционной армии, захваченные у интервентов.

1921

8-14 февраля

ЧИТА. Состоялась 2-я (6) краевая конференция РКП(б), обсудившая вопросы: 1. Доклад Дальбюро, 2. Текущий момент и задачи РКП(б) на Дальнем Востоке, 3. О деятельности правительства ДВР, 4. О задачах РКП(б) в учредительном собрании.

Конференция осудила оппортунистический уклон некоторых членов комфракции правительства ДВР, выразившийся в отклонении в сторону формального демократизма. Конференция предложила комфракции правительства ДВР насыщать буферную политику коммунистическим содержанием, направляя ее «к наибольшему благоприятствованию и охране интересов пролетариата, не кулацких, а трудовых элементов деревни».

По вопросу о задачах РКП(б) в учредительном собрании конференция указала, что «из орудия организации демократии против диктатуры пролетариата в руках антисоветских элементов учредительное собрание должно быть превращено в свою противоположность — в орудие закрепления безусловного влияния РСФСР

на ДВР и организации трудовых масс для борьбы со всеми враждебными Советской России силами, как внешними, так и внутренними». Задачей комфракции учредительного собрания является также разоблачение политики интервентов и мелкобуржуазных партий (меньшевиков, эсеров, анархистов).

(Дальпартархив, резолюции 2 ДВ краевой конф. РКП(б).

2-6 марта

В Порт-Артуре состоялось совещание русских белогвардейцев с участием японцев и французов по вопросу о новом выступлении против большевиков под общим командованием Семенова.

На совещании было принято соглашение, по которому Дальний Восток и Сибирь передаются Японии.

(Никифоров. «Исторические документы»).

31 марта

ЧИТА. Учредительное собрание ДВР именем избравшего его народа декларировало перед всем миром независимость и самостоятельность Дальневосточной демократической республики на территории от реки Селенги и озера Байкала до Тихого океана. Учр. собрание заявило о недопустимости иностранного вмешательства в дела ДВР, о переходе договорных прав бывшей русской империи к ДВР и о предстоящем пересмотре их на началах взаимности между РСФСР, ДВР и Китаем. В декларации указывалось о гарантии всем гражданам политических свобод, отмене смертной казни и телесных наказаний, амнистии политических заключенных, автономии национальных меньшинств, возобновлении экономических сношений с иностранными державами и привлечении иностранных капиталов в промышленность ДВР.

(Далькрайархив, «История буфера»).

27 апреля

ЧИТА. Закрылось учредительное собрание ДВР. Учр. собрание, длившееся с 12 февраля, обсудив отчет правительства, приняло демократическую конституцию ДВР и избрало 26 апреля новое правительство ДВР в составе т. т. Матвеева, Бородина, Д. Шилова, Краснощекова, Кларк, Слинкина и Бондаренко (первые шесть —коммунисты), опубликовавшее в тот же день о принятии на себя власти. Состав учредительного собрания по фракциям разбивался следующим образом: 1) фракция коммунистов—92 чел., 2) крестьянская фракция большинства (бедняки и середняки, шедшие за коммунистами)—183 чел., 3) бурято-монгольская фракция—13 чел., 4) крестьянская меньшинства (кулацкая)—44 чел., 5) меньшевиков—14 чел., 6) эсеров—18 чел., 7) народных социалистов—3, 8) сибирских с.-р.—6 чел., 9) внепартийных демократов—8, 10) беспартийных—1.

Учредительное собрание прошло под руководством большевиков, под лозунгами неразрывной связи ДВР с Советской Россией, прекращения интервенции, невмешательства капиталистических стран, в частности японского империализма, в дела ДВР.

По воле революционного большинства Учр. собрания компартия была признана правящей партией ДВР.

(«ДВ республика» № 29-80—20 г.).

16 мая

ДАЙРЕН. Семенов заключил договор с японской фирмой «Сачине» на поставку оружия в Монголию на сумму 2 миллиона иен.

(«ДВ республика» № 95—21 г.).

26 мая

ВЛАДИВОСТОК. Во Владивостоке при содействии японского штаба остатками каппелевских и семеновских частей был совершен переворот, получивший

название Меркуловского. Власть от Приморского народного собрания перешла в руки «национального революционного комитета» (семеновской группировки), а на следующий день по директиве японского штаба власть была передана «Приамурскому временному правительству», возглавляемому спекулянтом Меркуловым. Во время переворота японское командование об'явило «нейтралитет», разоружая лишь милицию и всячески содействуя белогвардейцам. Переворот, проходивший при активном участии японского командования, преследовал цель продолжение интервенции путем разжигания гражданской войны через создание «черного буфера» в противовес ДВР.

(«ДВ правда» № 107—21 г.).

4 июня

ВЛАДИВОСТОК. Собрание актива Владивостокской организации РКП(б) по текущему моменту приняло резолюцию, в которой говорится: «Выступление каппеле-семеновцев, поддержанных японцами 26 мая, есть следствие политики японского правительства, желающего создать в Приморье обстановку, способствующую продолжению интервенции и укреплению позиции японского империализма».

(Дальпартархив, ф. 24, д. 20).

8 июня

ПРИМОРЬЕ. По поручению атамана Семенова начальник гродековской группы войск генерал Савельев и нач. штаба ген. Соболев заключили договор с представителями японской военной комиссии, по которому Семенов получал 50 тыс. иен, 3200 винтовок, 350.000 патрон, 24 пулемета, 24 ящика патрон, 6 полевых, 2 горных орудия и 75 ящиков снарядов к ним. Кроме того, японцы обещали снабжать семеновцев продовольствием. Семенов со своей стороны обязывался начать наступление против НРА, передать охрану г. Владивостока японским войскам, передать Японии контроль над Уссурийской ж. д. и КВжд и все охотничьи, рыболовные, лесные и горные концессии в Приморской, Сахалинской, Камчатской областях.

(Павлович. «Сов. Россия и импер. Япония», ст. 67-70)

9-17 июня

ЧИТА. Состоялась 3-я(7) Дальневосточная краевая конференция РКП(б).

Военный вопрос в связи с Меркуловским переворотом являлся коренным на конференции. Конференция послала приветствие военному совету партизанских отрядов Приморья. В резолюции по военному вопросу конференция отметила, что создавшаяся обстановка требует максимального напряжения всех сил партии и страны в деле обороны ДВР.

По вопросу о задачах партийного строительства конференция подчеркнула, что «центром внимания в партстроительстве ставится задача собирания отдельных членов и организаций РКП(б) Дальнего Востока в крепкую спаянную организацию, способную в военной обстановке сплачивать вокруг себя все здоровые элементы трудовых масс и руководить революционной борьбой».

(Дальпартархив, прот. 3 конф. РКП(б), Чита—21 г.).

21-24 августа

В бою в районе Гари Кирей, вблизи Ван-Курена, взят в плен барон Унгерн с тремя монархическими знаменами и со свитой в 90 человек.

24 августа Унгерн под усиленным конвоем отправлен в Троицкосавск, а оттуда—в штаб Сибревкома.

(«ДВ правда» №№ 180 и 181—21 г.).

26 августа

ДАЙРЕН. Открылась конференция представителей ДВР и Японии. Делегация ДВР добивалась эвакуации японских войск и полного прекращения японской интервенции на ДВ. Со своей стороны ДВР предложила проект договора, согласно

которому ДВР предоставляет Японии право пользоваться концессиями, а Япония в месячный срок обязывается эвакуировать свои войска с ДВ.

Японская делегация стремилась добиться от ДВР максимальных экономических и территориальных уступок. Выполнение 17 требований, предложенных японской делегацией, означало бы превращение ДВР в колонию японского империализма. Япония требовала подчинения Владивостокского порта международному империализму, отмены ограничений деятельности япон. капитала в промышленности ДВК, свободы торговли и проч.

Конференция провела 39 заседаний, но к положительным результатам не пришла. 15 апреля 1922 г. конференция была прервана.

(«Б. С. энцик.», XX).

14 сентября

ВЛАДИВОСТОК. Семенов из Владивостока на пароходе «Хозан-мару» выехал в Японию. От Гродеково до Владивостока Семенова сопровождал отряд

(«ДВ правда» № 201—21 г.).

23 декабря

ХАБАРОВСК. После ожесточенных боев в районе Новотроицкого части НРА с боем отошли к Хабаровску и к вечеру отошли на левый берег Амура.

Город Хабаровск занят крупными силами каппелевцев.

(«ДВ путь» № 19—21 г.).

25 декабря

Приказом главкома НРА ДВР штаб войск Приамурского военного округа переименован в штаб Восточного фронта. Для руководства боевыми действиями образован военный совет фронта в составе: т. т. Серышева—командующего фронтом, П. Постышева—комиссара фронта и Б. Мельникова—члена военного совета.

(Волков. «История 2 Прим. див.»).

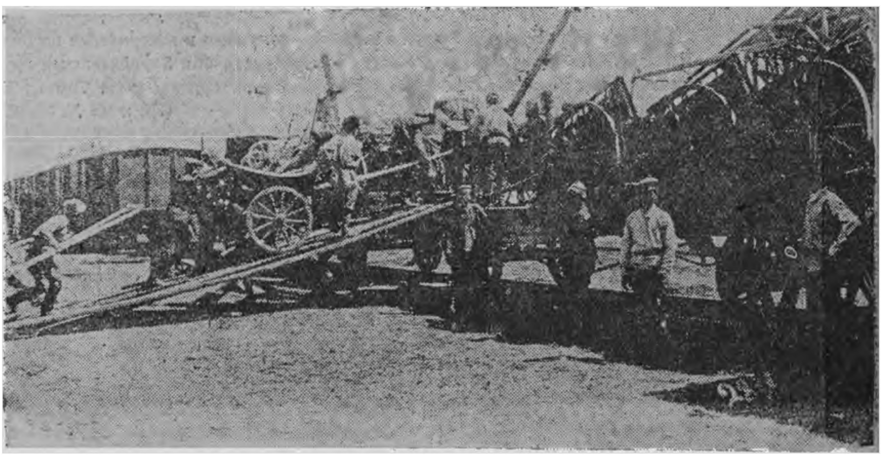
26 декабря

Развивая наступление в районе Хабаровска, каппелевцы к вечеру заняли ст. Волочаевку, дер. Нижне-Спасскую, Дежневку. Части НРА с боем отошли в район ст. Ольгохта. («ДВ путь» № 20—21 г.).

28 декабря

СТ. ИН. Части НРА нанесли сильный удар каппелевцам Этот удар стабилизировал Восточный фронт и произвел перелом в политико-моральном состоянии бойцов. Каппелевцы отступили к Ольгохте. («Боец и пахарь» № 36—22 г.).

Отправка на фронт частей НРА. Грузится заградительный отряд.

1922

4 января

После ожесточенного боя восточнее ст. Ин каппелевцы отступили к ст. Волочаевка. («ДВ путь» № 28—22 г.).

11-12 января

В ночь с 11 на 12 января ударный партизанский отряд в количестве около 600 человек, при 4 пулеметах, 75 кавалеристах, под командованием т. Бойко-Павлова совершил героический налет на г. Хабаровск. Налет преследовал цель нанести удар резервам белой армии в Хабаровске, уничтожить штаб Молчанова и оттянуть белые части с Восточного фронта.

Партизаны, обезоружив команду на радиостанции (2 клм. от города) и заручившись паролем, сняли на пути патрули и беспрепятственно вошли в город. Неожиданное нападение внесло большую панику в ряды белых. В боях с каппелевцами партизанами было уничтожено свыше 200 офицеров и около 300 солдат. Потери партизан ничтожны. На сторону партизан перешла часть каппелевских солдат. Партизанский налет ослабил фронт противника и вынудил их отозвать два пехотных полка. Партизанский налет сыграл большую роль в деморализации белых частей.

(«Боец и пахарь» № 36—22 г. и стеногр. ДВ землячества).

16 января

ЧИТА. Правительство ДВР постановило создать центральный комитет помощи фронту с участием военных, профсоюзных и хозяйственных организаций.

(«ДВ путь» № 38—22 г.).

25 января—8 февраля

Под руководством главкома НРА тов. Блюхера, комиссара Восточного фронта тов. Постышева и командира фронта тов. Серышева велась подготовка к овладению волочаевскими позициями и г. Хабаровском, заключавшаяся в частичной перегруппировке и укомплектовании воинских частей, приведении в порядок вооружения, в боевой и политической подготовке бойцов.

(«Б. и п.» № 36—22 г.).

10 февраля

НРА после занятия исходного положения перешла в наступление на Волочаевку и Нижне-Спасскую. В 12 час. после ожесточенного боя Забайкальская группа под начальством командира 1-й отдельной Читинской бригады тов. Томина заняла д. Верхне-Спасскую. («Б. и п.» № 36—22 г.).

Левая колонна НРА у д. Анучино.

12 февраля

ВОЛОЧАЕВКА. В 8 час. утра части НРА повели наступление на сильно укрепленные позиции белогвардейцев. К 11 час. утра под ураганным огнем артиллерии, пулеметов и бронепоездов белых, преодолев три ряда проволочных заграждений и многочисленные линии окопов, красные войска, проявляя высочайший героизм, беззаветную преданность революции, штурмом взяли ст. Волочаевку и село Нижне-Спасское.

При попытке белых остановить наступление 2 полка были опрокинуты и изрублены в лихой атаке одним из красных кав. полков. Исключительная роль в штурме укрепленного плацдарма белогвардейщины — Волочаевки — принадлежит командованию Народнореволюционной армии во главе с ее главкомом т. Блюхером, комиссаром Восточного фронта т. Постышевым и командующим Вост. фронтом т. Серышевым, которые непосредственным и умелым руководством боевыми операциями обеспечили победу над последними остатками контрреволюции на Дальнем Востоке. («ДВ путь» № 59—22 г.).

13 февраля

К вечеру частями НРА занята станция Покровка, пос. Самарский, Владимировка, левый берег Амура совершенно очищен от противника.

(«Б. и п.» № 38—22 г.).

14 февраля

Части Нарреввармии, вступившие в г. Хабаровск, были торжественно встречены трудящимися города. («Б. и п.» № 39—22 г.)

15 февраля

Преодолев проволочные заграждения, части НРА выбили белогвардейцев из дер. Казакевичево, отрезав им пути отхода к югу. Взят поселок Николо-Александровский, захвачены пленные, одно орудие и часть обоза с продовольствием.

(«Б. и п.» № 40—22 г.).

3 марта

СТ. СКОВОРОДИНО. За подписью председателя военного совета НРА тов. Блюхера издан приказ о роспуске партизанских отрядов в пределах Приамурского и Амурского военных округов.

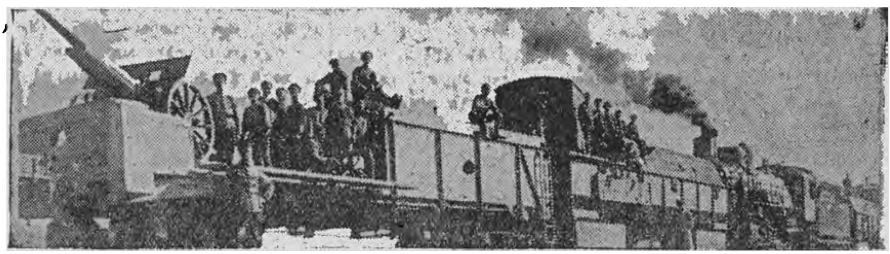
На территории, занятой НРА, при наличии регулярной армии существование партизанских отрядов излишне, поэтому партизанские отряды призываются влиться в регулярную НРА, чтобы разбить последние остатки белогвардейщины в Приморье.

(«ДВ путь» № 81—22 г.).

5 апреля

СВИЯГИНО. Газета «Дальневосточный путь» сообщает, что во время пребывания японских войск в Свиягино начальником гарнизона были установлены следующие правила по отношению к японцам: «Русский гражданин, проходя мимо японцев, обязательно должен был приветствовать их под козырек либо снятием головного убора. При проезде русских граждан верхом или на санях по селу, где расположены были японцы, русские обязаны были снимать головной убор и сказать «здравствуйте». («ДВ путь» № 101—22 г.).

Бронепоезд «Знамя труда».

16 апреля

ВЛАДИВОСТОК. Меркуловское правительство отпустило черносотенному обществу «Вера, царь и народ» 2500 иен на устройство «пасхального стола». Рабочим зарплата не выдается несколько месяцев.

(«Кр. зн.» № 3—22 г.).

1 мая

Бойцы Народнореволюционной армии и флота ДВР впервые приняли «красную присягу».

(«ДВ путь» № 122—22 г.)

1 июня

ПРИМОРЬЕ. Рабочие Сучанских копей об'явили забастовку. На смену забастовавшим рабочим из Владивостока были вызваны каппелевские войска. «Порядок» на копях охраняется 500 японских штыков.

(«ДВ путь» № 169—22 г.)

14 июля

ЧИТА. Раскрыта белогвардейская организация, ставившая себе целью поднятие восстания внутри ДВР с одновременным наступлением с полосы отчуждения КВжд. Организация возглавлялась известным читинским монархистом, махровым черносотенцем, членом Нарсоба Гордеевым, который должен был стать «главою будущего правительства».

(«ДВ путь» № 183—22 г.).

19 июля

ХАРБИН. Японский генеральный консул Ямануч обратился к особоуполномоченному ДВР Озорнину с заявлением о готовности японского правительства возобновить переговоры с ДВР. «Японское правительство,—говорит Ямануч,—решило произвести полную эвакуацию японских войск из Приморья не позднее 1—XI и из'являет свое согласие на участие в конференции с участием представителей РСФСР». (Павлович. «Совр. Россия и импер. Япония», стр. 81—82).

23 июля—10 августа

ВЛАДИВОСТОК. Меркуловское правительство, признав недействительным закон об учредительном народном собрании, созвало из монархистов (попы, епископы, генералы и пр). Земский собор, который избрал нового «правителя» Приамурского края на правах верховной власти—генерала Дитерихса.

Вместе с этим Земский собор послал в Копенгаген «царствовавшему дому Романовых»—вдовствующей императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю Николаевичу—телеграммы с приглашением «соблаговолить возглавить Приамурский край верховным правителем из членов царского дома по их усмотрению и воле». («Наша речь» № 103 от 17 авг. 22 г.).

28 июля

ЧИТА. При большом стечении трудящихся города состоялись торжественные проводы от'езжавшего в Сов. Россию пред. воен. совета НРА, главкома и военмина ДВР В. К. БЛЮХЕРА. В связи с от'ездом совет министров ДВР на своем торжественном заседании 7 июля 1922 года преподнес т. Блюхеру грамоту, в которой отмечаются его заслуги в деле организации и укрепления НРА на строго регулярных началах из разрозненных партизанских отрядов.

«Вы были не только главкомом-начальником,—говорится в грамоте,—но и трибуном-товарищем, за которым массы шли не только по приказу, но и по призыву».

В грамоте особо отмечается исключительно выдающаяся роль т. Блюхера в руководстве взятием «второго Перекопа»—укрепленного плацдарма Волочаевки. Советом министров ДВР т. Блюхер зачислен навсегда почетным бойцом НРА с занесением в списки первой роты 6-го Волочаевского ордена красного знамени полка». («ДВ путь» № 179—22 г.).

26 сентября

НИКОЛАЕВСК на АМУРЕ. Японские войска покинули город.

(«ДВ путь» № 250—22 г.).

1 октября

Частями НРА в 14 час. занят гор. Николаевск на Амуре. Части НРА встречены населением города с восторгом. («ДВ путь» № 253—22 г.).

6-12 октября

ЧИТА. Состоялась 4-я (8) краевая конференция РКП(б). На конференцию прибыло 43 делегата от 12.312 членов и кандидатов местных организаций.

Конференция проходила перед окончательным разгромом белогвардейщины и интервенции на Дальнем Востоке.

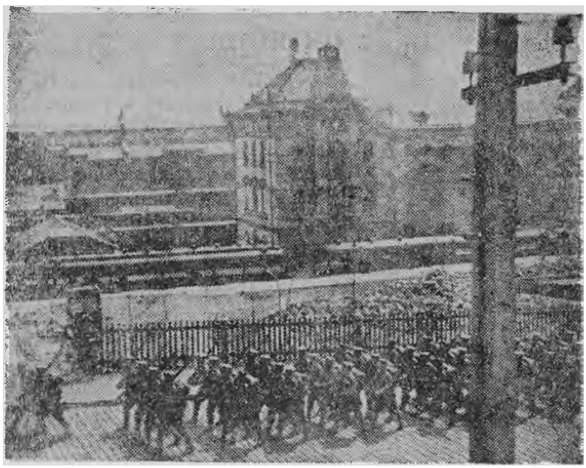
Ее работа прошла под знаменем единства и укрепления железной дисциплины внутри партийной организации и разрешения задач хозяйственного строительства края.

Конференция разбила попытки оппозиции — представителей «рабочей демократии», — стремящихся в обстановке гражданской войны бороться с назначенством и строгим централизмом в рядах партии.

(«ДВ путь» № 256-265—22 г.)

19-25 октября

ВЛАДИВОСТОК. Под руководством городского комитета РКП(б) происходила всеобщая забастовка рабочих с требованиями: 1. Немедленного ухода интервентстких и белогвардейских войск из Владивостока, 2. Прекращения грабежа имущества во Владивостокском порту и ввода НРА во Владивосток. («Кр. зн.». № 27—22 г.).

Части НРА подходят к ст. Океанская.
Уходят из Владивостока последние японские части.

25 октября

ВЛАДИВОСТОК. Авангардом Красной армии—НРА ДВР— под командованием т. Уборевича занят г. Владивосток. Трудящееся население города устроило торжественную встречу вступившим красным войскам.

(«Кр. зн.» № 27—22 г.).

Главком НРА тов. Уборевич награждает героев народоармейцев орденами Красного Знамени во Владивостоке.

27 октября

ВЛАДИВОСТОК. Состоялось первое (после освобождения Приморья) общегородское собрание Владивостокской организации РКП(б). На собрании был заслушан доклад тов. Уборевича (главкома НРА) о текущем моменте. Собрание послало приветственную телеграмму В. И. Ленину. («Кр. зн.» № 29—22 г.).

29 октября

ВЛАДИВОСТОК. По случаю занятия Владивостока красными войсками от В. И. Ленина получена на имя председателя совета министров ДВР следующая телеграмма (опубликованная в «Красном знамени»):

«К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных ей республик от иностранцев и оккупантов. Занятие Народореволюционной армией ДВР Владивостока об'единяет с трудящимися массами России русских, перенесших тяжелое иго японского империализма. Приветствую с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную армию. Прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и г. Владивостока привет Совета народных комиссаров РСФСР». («Кр. зн.» № 29—22 г.).

31 октября

МОСКВА. В своей речи на IV сессии ВЦИК IX созыва тов. Ленин по поводу взятия Владивостока заявил:

«Я, уверен, что выражу общее мнение, когда скажу, что мы все здесь приветствуем этот новый подвиг Красной армии и приветствуем также то, что к окончанию войны сделан шаг, кажется, достаточно решительный: сброшены в море последние силы белогвардейцев. Я думаю, наша Красная армия надолго нас избавила от всякого возможного повторения натиска белогвардейцев на Россию или на какую бы то ни было из республик, прямо или косвенно, тесно или более или менее отдаленно с нами связанных. Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия».

(Ленин, т. XXVII, стр. 317, изд. III).

1 ноября

ТОКИО. Газета «Дзи-Дзи», признавая крах японской интервенции, пишет: «Японии пришлось с июля месяца 1918 года по октябрь 1922 года мобилизовать свыше 10 дивизий, сменить трех главнокомандующих—Отани, Оой и Тачибана,—истратить 600 миллионов иен и потерять убитыми свыше 2700 чел. и умершими от болезней свыше 800 чел. Эти цифры потерь крайне преуменьшены.

(«Крас. зн.» № 34—22 г).

3 ноября

ПРИМОРЬЕ. Войсками НРА очищен от белогвардейцев Посьетский район. Белые части в панике бежали в Маньчжурию.

(«Крас. зн.» № 33—22 г.).

6 ноября

ВЛАДИВОСТОК. Владивостокский пролетариат отметил 5-ю годовщину Октябрьской революции началом деятельности первого (после ликвидации интервенции и белогвардейщины) совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. («ДВ путь» № 203).

6 ноября

ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ. 6 ноября в Петропавловск вошли передовые части, а 10 ноября в город вступил Облнарревком с двумя добровольческими революционными отрядами. Трудящиеся города встретили красные части хлебом и солью. Город был украшен красными знаменами. Белые банды, бежав, забрали части радиостанции, уничтожили с.-х. ферму, увезли продовольствие, пишущие машинки и другое имущество. Многие здания ими приведены в негодность для жилья. («ДВ путь» № 287).

7 ноября

ДВК. По случаю пятой годовщины Октябрьской революции по всему Дальнему Востоку происходили демонстрации и митинги, на которых выносились резолюции с требованием немедленного упразднения буфера и установления власти советов. («ДВ путь» № 285).

13-14 ноября

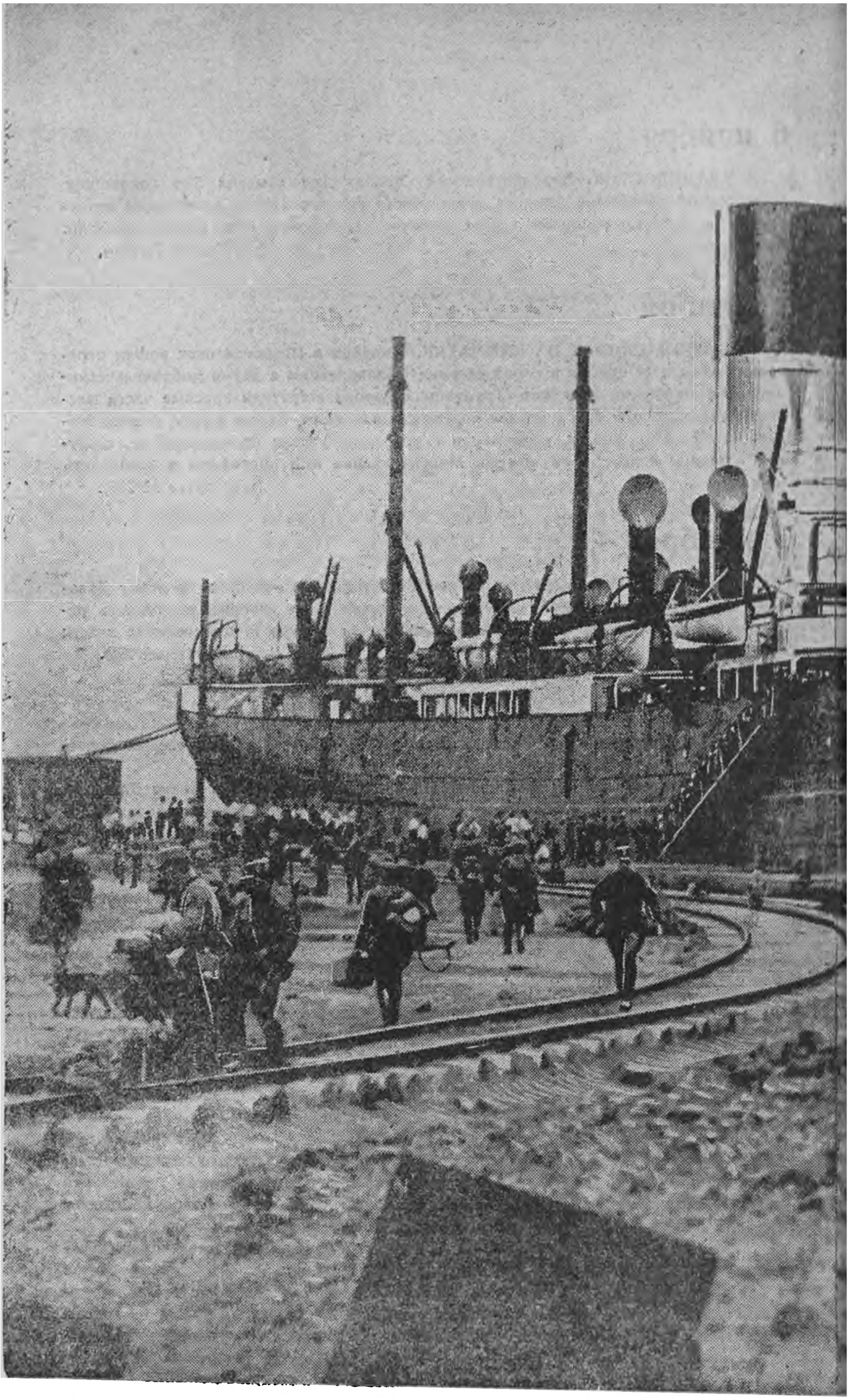
ЧИТА. Открывшееся 13 ноября народное собрание ДВР 2-го созыва вынесло следующее решение:

> «В согласии с непреклонной волей всего трудового населения Дальнего Востока, в согласии с решениями, вынесенными на собраниях и сходах рабочих и крестьян, в согласии с теми наказами, которые нам дали наши избиратели, мы, представители рабочих и крестьян всего Дальнего Востока, постановляем:
>
> 1. Народное собрание Дальневосточной республики об'явить распущенным, 2. На всем русском Дальнем Востоке об'явить власть советов, 3. Демократическую конституцию ДВР и ее законы об'явить отмененными, 4. Просить ВЦИК и с'езд советов России присоединить Дальний Восток к единой Российской социалистической республике, распространив на ДВ действие советской конституции и советских законов и 5. Создать Дальневосточный комитет, которому передать всю полноту власти и поручить провести в жизнь об'единение Дальнего Востока с Советской Россией».

(«ДВ путь» № 289—22 г.).

15 ноября

ЧИТА. Опубликована декларация Дальревкома ко всем трудящимся Дальнего Востока, в которой Дальревком об'являет свою власть над всей территорией бывшей ДВР, включая в нее Приморье, Северный Сахалин, Охотское побережье и КВжд. В декларации говорится, что в тех из перечисленных областей, где еще не захвачена власть в руки рабочих и крестьян, признающих свою принадлежность к РСФСР, Дальревком будет принимать все меры к изгнанию интервентов и белогвардейщины. Дальревком об'являет действующими все законы и обязательства ДВР в области финансовой и экономической, поскольку они не противоречат новой экономике, и об'являет сохранение свободы золотого обращения. («Кр. зн.» № 47—22 г.).

Одни за другими скатывались в море оккупанты. Они

уводили советские пароходы с награбленным имуществом

16 ноября

МОСКВА. ВЦИК, приняв к сведению постановление Народного собрания ДВР о самороспуске и присоединении ДВ к Советской России, постановил об'явить «Дальневосточную республику в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону, нераздельной составной частью РСФСР». Президиум ВЦИК утвердил организовавшийся на ДВ ревком.

(«Кр. зн.» № 47—22 г.).

16 ноября

ЧИТА. Опубликован приказ № 1 войскам Красной армии Дальнего Востока, в котором приводится постановление Реввоенсовета республики о переименовании Народнореволюционной армии в Красную армию и Военного совета НРА—в Революционный совет. Приказ заканчивается следующим призывом к командирам, комиссарам, красноармейцам и военморам: «Учись, зорко гляди за притаившимся врагом и крепко держи винтовку, красный воин, на Дальнем Востоке!».

(«ДВ путь» № 291—22 г.).

20 ноября

МОСКВА. В своей речи на пленуме Московского совета тов. Ленин говорил:

«Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано; вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот взятие Владивостока показало нам (Владивосток—далеко, но ведь это город-то нашенский), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там—РСФСР. Это стремление избавило нас и от врагов гражданских и от врагов внешних, которые наступали на нас. Я говорю о Японии». (Ленин, т. XXVII, стр. 362, изд. III).

Красные войска вошли во Владивосток и на Тихом океане свой закончили поход.

Комиссар Восточного фронта тов. Постышев и командующий Восточным фронтом тов. Серышев.

ПЕРВЫЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ТУНГУССКИЙ ОТРЯД

(Воспоминания т. Постышева в центральном партийном клубе в гор. Чите в 1923 году).

«Гневно дрогнули сопки, огненной клокочущей лавой задышала тайга.

Воды Амура на волнах несли и плескали призывный клич борьбы за власть советов.

Красное знамя, знамя труда, зареяло над горными хребтами и сопками. Поднявшись на снеговые вершины, с быстротой метеора падало вниз и утопало, точно в бушующих волнах морских, в мощно-призывно шумящей тайге.

В зареве пылающих деревень отражались гигантские силуэты вооруженных рабочих, крестьян. По тропам таежным вереницей тянулись они, изнеможденные телом, но сильные духом, на борьбу с извечным врагом — капиталом.

«Проклятие палачам!» — неслось из дебрей тайги, ударялось о скалы и эхом катилось по всему миру.

В бессильной злобе извивался каменный город белых, придумывая все новые пытки, все новые казни могуче гудевшей тайге

А красное знамя вздымалось все выше и выше, горело все ярче и ярче кровавым огнем. Рокот таежный дымящейся лавой все ближе полз к городу белых.

По падям, долинам катилось: «Смерть палачам!». «Смерть пришельцам кровавым!» — отзывалось в сопках. «На борьбу, на борьбу!» — призывно-раскатисто звучало таежное эхо».

П. П.

Товарищи, я заранее извиняюсь за то, что в этом моем беглом, на память, воспоминании могут быть допущены отдельные неточности. В августе месяце 1918 года Красноярск и Иркутск были заняты уже чехо-словаками. Красногвардейцы отступили вместе с центральным исполнительным комитетом советов Сибири*) в гор. Верхнеудинск. Чехи продолжали свое наступление. Красная гвардия все время оказывала сопротивление чехам в непрерывных боях. Особенно ожесточенные бои с чехами красногвардейские отряды вели в районе озера Байкал. Под Владивостоком уссурийские и амурские рабочие держали красный фронт против белогвардейцев.

★

В конце августа с фронта, из-под Владивостока стали поступать сведения о появлении первых отрядов японских войск, прикрывающих наступление белых против красных. В то же время совет народных комиссаров Дальнего Востока созвал краевой с'езд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На этом с'езде был один вопрос: что делать дальше, когда от Иркутска наступают чехи, с Владивостока — белогвардейцы с помощью японцев? Центросибирцы предлагали: нашим войскам разбиться на отдельные отряды и немедленно развернуть партизанскую войну и против чехов, наступающих от Иркутска, и против белогвардейцев и японцев, наступающих из Владивостока. Осилила другая точка зрения, которую представлял тов. Краснощеков — председатель совета народных комиссаров Дальнего Востока,— предложивший распустить красногвардейские отряды по домам, а дальневосточное правительство и часть правительственных учреждений эвакуировать в гор. Свободный. И до этого с'езда представители Центросибири предлагали дальневосточным товарищам создать единое красное командование с тем, чтобы вести борьбу против врагов концентрированными, об'единенными силами дальневосточников и сибирцев, но дальневосточниками это предложение Центросибири было отвергнуто.

Меня и еще нескольких товарищей краевой с'езд отправил на фронт с задачей организованного отвода с фронта частей, с задачей предупреждения на фронте той деморализации, которая могла быть угрожающей для самих же красногвардейцев. Но было уже поздно. Наши части отступали на колесах, а по пятам их преследовали белые войска.

3 сентября 1918 г. эшелон красногвардейцев, состоящий из благовещенских грузчиков и металлистов, самотеком отправился с фронта в г. Хабаровск. Удержать его не представлялось никакой возможности. 4 сентября вечером этот эшелон отправился из Хабаровска по направлению к Благовещенску с лозунгом защищать Амурскую область от надвигающегося противника. Я с этим эшелоном отправился из Хабаровска и покинул его на станции Волочаевка. Эшелон поехал домой, а я с семьей отправился по реке Тунгуске на лодке и остановился в деревне Шаманке, верстах в 200 от Хабаровска. Шаманка — деревушка в 10-15 дворов в глухой тайге. В этой деревне я прожил 6 месяцев. Белогвардейцы во главе с атаманом Калмыковым в это время свирепствовали в Хабаровске. О партизанском движении еще не было слышно. Приходилось встречаться с отдельными ответственными работника-

*) Сокращенно называвшимся -Центросибирь.

ми, в частности с товарищем Щепетновым (кажется народным комиссаром просвещения Д. Востока), который впоследствии был схвачен тяжело больной белогвардейцами (если мне память не изменяет, в Восторговке) и, по рассказам крестьян, утоплен белыми в проруби.

Белые, занявши гор. Хабаровск, начали свои зверства с гнуснейшего расстрела бывших военнопленных империалистической войны (мадьяр), потом — рабочих гор. Хабаровска. Вскоре белые об'явили мобилизацию в свою армию. Вся почти не только рабочая, но и крестьянская молодежь от мобилизации в армию решительно уклонилась. Началась расправа белых. Зарыскали по деревням карательные отряды белых. Рабочие побежали в тайгу. Чтобы укрыться от расправы белых, деревенская молодежь бежала с оружием в руках тоже в тайгу. Скрывавшаяся в тайге молодежь собиралась кучками, обсуждала, что делать и как быть. А белые издевались над их отцами, матерями и женами по деревням. Настроение в пользу сопротивления белым у крестьян росло не по дням, а по часам. Бродившая по тайге молодежь стала быстро откликаться на зов, — организовываться в партизанские отряды и продолжать борьбу с белогвардейцами и интервентами за власть советов. Так стали зарождаться партизанские отряды— первоначально маленькие, плохо вооруженные.

Организация партизанских отрядов, собирание сил в эти отряды происходили очень быстро. Уже в марте 1919 года во всем Приморье насчитывалось несколько десятков партизанских отрядов. Белые стали очень осторожны, не лезли в глубь тайги, боялись отдаленных деревень, а разбросанные по линии Уссурийской и Амурской ж. д. японские войска вынуждены были усиливать и укреплять свои гарнизоны по железнодорожным станциям, вынуждены были прекратить движение по железной дороге ночью и продвигали свои эшелоны по железнодорожной линии днем не иначе, как с дозорными паровозами впереди.

Наш первый партизанский Тунгусский*) отряд родился в первой половине 1919 года в деревне Архангеловке**) под командой Ивана Павловича Шевчука. Рабочий - грузчик из украинских крестьян, Иван Павлович Шевчук отличался большими организационными способностями, смелостью и отвагой. Этот человек в борьбе за власть советов в годы гражданской войны на Дальнем Востоке сыграл огромнейшую роль. Его имя знали все крестьяне, начиная от ребенка и кончая семидесятилетним старцем.

Тунгусский партизанский отряд в первое время насчитывал десятка три — не больше — человек. Этот отряд организовал свою «флотилию» первоначально из лодок, а потом раздобыл пароход. Задача отряда в первые дни была охранять крестьян Тунгусского района от белогвардейских налетов, от белогвардейских зверств. И чем быстрее и сильнее росло сопротивление партизан белогвардейцам, тем разнузданнее, кровавее стали вести себя банды белогвардейца Калмыкова.

Я помню, как калмыковцы заскочили в деревню Николаевку. Деревня Николаевка находится в 8 верстах от станции Волочаевка***). Калмыковцы собрали крестьян, выстроили их в шеренгу, минут 10-15

*) Тунгусский партизанский отряд получил название от Тунгусской волости Хабаровского уезда, расположенной в значительной своей части по левому притоку р. Амура В. Тунгуске.

**) Дер. Архангеловка, называющаяся также Тифонтаевка, находится на реке Тунгуске, около 10 клм. от ст. Волочаевка.

***) Около 50 клм. к западу от Хабаровска.

держали под дулами винтовок, а затем каждого второго, не считаясь ни с возрастом, ни с социальным положением, били нагайками.

В тайгу к партизанам, к молодежи побежали и старики. Вся надежда на спасение для крестьян были красные партизаны.

Партизанских отрядов и в Приморье и в Приамурье в это время было уже много. Отряды насчитывали в своем составе иногда по нескольку сот партизан. Они уже не организовывались стихийно, и борьба их не была уже только борьбой самообороны. Партизанские отряды организовывались большевиками. Те же отряды, которые организовывались без большевиков, потом большевиками оформлялись и безусловно ими политически руководились. Борьба шла под лозунгом: «За власть советов!».

Партизанская борьба за власть советов на Д. Востоке имела исключительное значение. В партизанские отряды Приморья и Приамурья ушли почти все рабочие из городов. Рабочие в отрядах являлись основным ядром. Впоследствии партизанское движение охватило всю крестьянскую массу. Конечно, этому всеобщему об'единению трудящихся в партизанские отряды очень много способствовала не только гнуснейшая расправа белых с трудящимися крестьянами и рабочими, но и опасность захвата страны иностранцами — японцами, американцами, чехами, — десанты которых в тот период были на Дальнем Востоке и которые поддерживали белых и амуницией, и вооружением, и снабжением, и активным участием в вооруженной борьбе против красных.

Для характеристики зверств белых и японцев я приведу несколько фактов.

В деревне Дежневке белые убили старосту, запороли 70-летнего старика досмерти.

Опустошались целые деревни, сжигались и уничтожались все имущество и весь скот крестьян.

В дер. Архангеловке истязания белыми крестьян приняли ужасающий характер. Подверглись неописуемым пыткам и смерти 4 старика. Сельский староста, инвалид империалистической войны, и сторож сельской школы были замучены на глазах семей. Старик - отец помощника командира партизанского Тунгусского отряда тов. Шептюка был замучен на глазах своей семьи. Несколько стариков (т. к. молодежи в деревне не было) были повешаны, бока их были распороты шашками, а в раны были всунуты мерзлые щуки.

Наш отряд решил пополниться партизанами, для чего была об'явлена мобилизация крестьянского населения. Я был избран председателем Тунгусской волости и, как председатель, созвал в начале декабря 1919 года волостной с'езд в дер. Восторговке. На этом с'езде население волости дало обещание штабу партизанского отряда кормить отряд, давая по 6 фунтов печеного хлеба с каждого дома, поставлять необходимое количество фуража, давать в любое время, как только потребуется, подводы. Решением с'езда было мобилизовано 600 человек на пополнение партизанского Тунгусского отряда, хотя для 600 человек в нашем отряде оружия не хватало.

Недалеко от дер. Восторговки мы захватили склад лесопильного завода. На этом складе нам досталось 12 тысяч пудов овса, ботинки, валенки, пилы, топоры, рукавицы и др. предметы, столь необходимые отряду. Отряд наш воспрял духом. При отряде мы создали пошивочную мастерскую, шили обувь, одежду, организовали хлебопекарню и даже кустарный кожзавод.

Между станцией Волочаевкой и деревней Архангеловкой, в тайге,

мы построили барак - казарму. Барак - казарма был так построен и так замаскирован, что неопытным глазом трудно было его заметить.

При отряде работал политотдел. Политотделу было трудновато. Не было гектографа, мало было бумаги, а о машинке — и думать было нечего. Но мы писали обращения к крестьянам, писали прокламации, а для того, чтобы размножать эти обращения и прокламации, отобрали из отряда самых грамотных товарищей. По обыкновению в школе множились прокламации и обращения для крестьян и рабочих. Я помню хорошо, как ночью в школе, с двумя небольшими керосиновыми лампочками без стекол, наши партизаны - «грамотники» с трудом выводили букву за буквой, переписывая прокламации, а некоторые из них, чтобы то или иное выражение сделать покрепче, добавляли от себя проклятия атаману Калмыкову и особенно его дикой дивизии. Иногда ругали мужиков, которые пытались пробраться в город, чтобы что-нибудь продать, а потом купить необходимое для себя, называя такие поступки предательством и изменой.

Широко развернулась связь партизанских отрядов между собой. Во второй половине 1919 года стали практиковать совещания руководителей отрядов, конференции, на которых обсуждались исключительно вопросы борьбы, об'единенного наступления, правильного расположения отрядов и т. д.

★

Первое боевое крещение нашего отряда началось с обстрела белогвардейских пароходов - дровянок. В этих первоначальных, еще мелких, стычках мы у себя потерь не несли, но все же раненые у нас были, а медицинской помощи не было почти никакой. Был в отряде военный фельдшер, но не было медикаментов, перевязочного материала. На железнодорожной станции Ин*) стоял японский гарнизон, при котором был японский красный крест. Гарнизон имел на своих складах, как нам передали, также много овса. Мы имели сведения, что в этом гарнизоне насчитывается не более ста солдат. Решили повести наступление на этот гарнизон. Отправили туда отряд человек в 60. Японский гарнизон был укреплен окопами. Находился он в специально приспособленной казарме. Решили ворваться прямо в казарму, бросить бомбу, изготовленную собственным способом, и тем самым навести панику на японских солдат. Разработали план, решили зажечь казарму, но почему-то бомбомет наш оплошал: бомба не взорвалась. Начали обстреливать казарму. Казарму мы, правда, изрешетили, но японцы нас поливали пулеметным огнем. Мы потеряли одного убитым, двух ранеными. Отступили. На другой день выяснили, что в казарме было всего 70 человек, из которых было убито 60 с лишним, т. е. мы уничтожили, таким образом, почти весь гарнизон и отступили, не зная такого положения. Правда, нас донял пулеметный огонь.

Попытались повторить атаку на эту казарму, но этот гарнизон был уже пополнен и более сильно вооружен. Нам пришлось вторично отступить. Так ни медикаментов, ни овса мы и не захватили.

★

Еще несколько наиболее характерных примеров из боевых операций 1 Тунгусского партизанского отряда.

В Хабаровске имелась так называемая база Амурской речной флотилии. Решили мы на эту базу повести наступление об'единенными

*) Ст. Ин находится в 100 клм. от Хабаровска по направлению к Благовещенску.

силами отряда тов. Шевчука и действовавшего по соседству с нами отряда т. Кочнева (Кочнев—рабочий-железнодорожник, командир 2-го Тунгусского отряда).

Перед этим наступлением организовали совещание, чтобы обсудить, как наступать, разработать план наступления и т. д. Сидели всю ночь: обсуждали, спорили, наконец решили повести наступление на эту базу. После совещания, уже к рассвету, сели завтракать.

Совещание происходило в деревне Архангеловке в ночь с 16 на 17 декабря 1919 года, в доме командира нашего первого Тунгусского отряда Ивана Павловича Шевчука. Домик его был малюсенький, а семья Ивана Павловича была огромная. Ребятишки спали, разбросанные по полу, кто-то храпел на печке; только жена Шевчука ухаживала за нами, подавала нам на стол чай, картошку, вяленую кету. В это время кто-то из участников совещания, заглянув в окно, крикнул: «Мы окружены казаками!». Все бросились к маленьким замерзшим оконцам: действительно, домик был окружен казаками. Схватились сейчас же за винтовки. Кочнев выскочил на двор и через соломенную изгородь уложил сразу наповал одного из казаков. Начали все стрелять. Казаки отступили от хаты. Командир нашего отряда Иван Павлович Шевчук без шапки вскочил на неоседланного коня и поскакал к своему отряду. Отряд стоял верстах в 4-х от деревни, в казарме - землянке. Мы выскочили все из хаты и разбежались по кустам орешника. Дело было зимой. Накануне в эту деревню пришли партизаны из отряда Кочнева за овсом. Из нашего отряда десятка два человек мылись в бане в этой же деревне. Через 3 минуты все были на ногах. Рассыпались по разным местам деревеньки, начали обстреливать казаков. Казаки отступили на окраину деревни, в сторону левого берега реки Тунгуски, и заняли горку, чтобы видеть с этой горки, что делается в деревне, откуда стреляют. Они заняли наиболее выгодное, казалось, для них положение. В это время Шевчук доскакал до отряда, поднял на ноги партизан и редкой цепью повел человек, примерно, 60 или 70 в тыл казакам. У противника создалось впечатление, что он окружен большими силами красных, поднялась паника и он отступил, не приняв боя.

После нападения белых мы выдержали через два дня атаку со стороны японцев, организовавших против нас карательную экспедицию. Затем наш Тунгусский отряд стал отступать к отряду Кочнева, в дер. Калиновку. Но отряд отступал не в полном составе: часть его отошла к дер. Восторговке, которая дополнительно произвела мобилизацию крестьян, и вместе с мобилизованными крестьянами — стариками и молодыми, здоровыми и калеками — эта часть отряда пошла на соединение с Шевчуком.

★

Другой случай. Ночью в дер. Восторговке случился страшный переполох. В такое время обычно крестьяне верхом на лошадях передавали сообщение о появлении противника или тревожной обстановке соседней деревне, соседняя деревня сообщала дальше, и так по цепочке — вплоть до места расположения партизанского отряда. Так была организована у партизан связь, ибо телеграфа не было, телефонов тоже. Эта связь осуществлялась через крестьян и называли ее живой связью. В Восторговку действительно прибыл белогвардейский отряд в 500 человек. В этой деревне находилось человек 12 партизан. Дети, женщины и старики покинули деревню, убежав в ближайшую тайгу, и находились там, примерно, 3 дня и 3 ночи. Разжигали огромные костры, закутывались в дохи, шубы, одеяла и полушубки и сидели там, выжидая, пока уйдут белые из деревни или подойдут наши, красные,

партизанские отряды. Белогвардейский отряд, не застав никого в деревне, уничтожил все, что только мог уничтожить.

★

Партизанскую борьбу на Д. Востоке никто еще не описал по-настоящему, даже и сотой доли нет того в написанном, что было в действительности. Написано много, но отрывочно. Во многих произведениях страшно много суб'ективизма.

Это была настоящая борьба, борьба рабочих и трудящихся крестьян за власть советов на Д. Востоке. Борцы - таежники воодушевлялись и поддерживались героической борьбой, которая велась рабочими и крестьянами в Советской России. Красные партизаны Дальнего Востока чувствовали за своими плечами гигантскую поддержку борющихся российских рабочих и крестьян. Отрезанные от центра России в Забайкалье атаманом Семеновым, сжатые огненным кольцом наступающих калмыковцев и японцев с востока, они дрались героически.

На Дальнем Востоке много неведомых могил, в которых лежат лучшие, наиболее передовые, наиболее сознательные герои — борцы за советы рабочих и крестьян. На Дальнем Востоке нет почти ни одной ж. д. станции, не омытой кровью партизан—борцов за власть советов.

Партизанская борьба на Д. Востоке—не партизанщина в прямом смысле этого слова. Это была организованная борьба, причем организована она была коммунистической партией и проходила под руководством ее представителей. Ядром партизанских отрядов было большевистское ядро, здоровое ядро, в составе которого были и рабочие и крестьяне. На Дальнем Востоке осталось много и военнопленных, и петроградцев, и ивановцев, и москвичей, и туляков, взятых в свое время в плен Колчаком. Эти бывшие военнопленные Колчака — рабочие и крестьяне, случайно избегнувшие смерти в «вагонах смерти» Колчака и Калмыкова, — перебежали к нам, в партизанские отряды.

Рабочие и крестьяне Д. Востока хорошо знают имена Лазо Сергея, Серышева Степана, Мухина, Трилиссера, Шевчука И. П., Шевченко Гавриила, Якимова Макара, Бойко - Павлова, Флегонтова Алексея, Кочнева Алексея.

Припоминаю имена приморских партизан и борцов на образовавшемся впоследствии регулярном фронте против японцев и белых: Шептюка Федора, Коха Михаила, Попко, Попова Никифора, Ярошенко Ефрема, СергеяЕлежева, Пшеницына К., Вольного, Мельникова Бориса, Засимука, Тетерина - Петрова, Сократа, Кручину, Певзнера, Соколова Александра (первого председателя военного фронтового суда), Семикоровкина, Слинкина, Лунева, Зюлькова, Мучника, а также беспартийных: Илью Головачева и Хренова (быв. офицеры царской армии), Смирнова («Кепочка», — так звали мы его; впоследствии он командовал дивизионом танков, которые мы тайно угнали из Владивостока с помощью рабочих-железнодорожников), и целые десятки других боевых товарищей, имена которых рабочим и крестьянам Дальнего Востока хорошо известны.

Партизанское движение на Дальнем Востоке поддерживалось широчайшими слоями трудящегося крестьянства. Да и не могло быть иначе. Зверства палачей - белогвардейцев еще крепче спаяли всех трудящихся крестьян и рабочих в единую семью бойцов за власть советов. Молодый сын крестьянина, партизан, заскочив в свою деревню, чтобы повидать отца, находит только пепелище, или повешанного отца, или убитую мать. Этот партизан - крестьянин не плакал, — он только крепче сжимал в руках винтовку, нащупывая гранату, висящую

около пояса, мчался обратно в отряд, чтобы снова ринуться в бой, отомстить врагу.

Женщины были лучшими нашими разведчиками. Они с особой любовью и теплотой относились к партизанам. Делились последним. «Мученики вы наши», — говорили они со слезами на глазах, когда партизаны приходили из тайги в деревню.

У каждого партизанского отряды были свои красные знамена с наименованием отряда и с лозунгами: «Вся власть — советам!», «Да здравствует рабоче-крестьянская власть!», «Да здравствует Ленин!». Впоследствии не было ни одного партизанского отряда, в котором не было бы коммунистов.

Все вопросы отряд решал на общих собраниях: отряд сам судил отдельных товарищей за их проступки и преступления, выносил решения, приговоры. Но и здесь ведущую и решающую роль играли коммунисты. В подтверждение такого положения я приведу один факт из практики жизни первого Тунгусского партизанского отряда. Командир отряда И. П. Шевчук был очень популярным командиром, пользовался колоссальным авторитетом. Я помню, как однажды отряд разошелся с ним по вопросу о его роли в деле отмены и утверждения приговоров отряда, потому что коммунисты были против единоличной власти командующего в делах суда. И отряд поддержал коммунистов. Правда, потом мы уступили своему командиру в этом вопросе, но этот факт говорит о том, что в партизанских отрядах ведущую роль играли, безусловно, коммунисты.

В нашем отряде особенно выделялся по знанию военного дела коммунист - партизан тов. Вележев Сергей. Командир отряда очень считался с ним и всегда советовался по всем военным вопросам.

Коммунисты должны были быть в отрядах очень гибкими, не задевать самолюбия беспартийных командиров, уметь лавировать между этим самолюбием и делом. И это им всегда удавалось. Единственно, что иногда срывалось у коммунистов, это то, что им не всегда удавалось удержать раз'яренных крестьян - партизан, которые, видя издевательства белых над их деревнями и селами, в целях мести переходили, как нам казалось, пределы. Но и тогда, когда мы политически ставили вопрос, партизаны понимали нашу постановку и соглашались с нами. Я помню, как в том же Тунгусском отряде мы захватили в плен несколько человек из дикой калмыковской дивизии — самых злых врагов тунгусских крестьян. В плен попало к нам человек 6 раненых. Мы убедили партизан в том, что пленных надо отпустить в город, — пусть они расскажут, кто здесь борется, за что борется и как с ними поступили партизаны. Партизаны с нами согласились.

★

Приведу одну картинку, которая характеризует безграничный героизм партизан, выработанную выдержку, сметливость и спокойствие в тяжелой таежной борьбе с белыми. Однажды партизаны отряда тов. Кочнева сопровождали обоз из 20 подвод. Впереди шла разведка. Вдруг неожиданно натолкнулись на японцев. Японцы, взяв винтовки наперевес, спросили: «Кто такие?». Наши ребята ответили: «Мы —белые казаки». С японцами были белые офицеры. Один из офицеров спросил: «А где погоны?». Наши ответили: «Мы идем опасной местностью, где много партизан. Чтобы они нас приняли за своих, мы погоны сняли; они у нас в карманах». Офицер приказывает: «Показать погоны!». Такой разговор длился менее минуты. Наши сразу же вскинули винтовки и дали залп по японцам. На мгновение японцы стуше-

вались. Наши бросились в тайгу. В это время обоз уже обернулся и катил в обратную сторону, завернув в тайгу. Из тайги открыли стрельбу. Японцы преследовать не решились. Всего в этом обозе с крестьянами - возчиками было человек семнадцать.

*

Вот еще факты.

Был у нас партизан - старик по фамилии Васильев, лет под 60, здоровый, высокий, на редкость сохранившийся. В нашем отряде он был начальником обоза. Однажды из дер. Восторговки тов. Васильев пробирался в свой отряд тайгой. В дороге его застигла ночь. Он решил переночевать в ближайшем зимовье (зимовье — таежная избушка). Васильев затопил печку, заперся крепко изнутри, согрелся и заснул. На рассвете на это зимовье натолкнулись белогвардейцы. Начали стучать. Васильев (как потом мы узнали из рассказа перешедших к нам рядовых из этого белогвардейского отряда, кажется тоже военнопленных, в принудительном порядке забранных белыми в отряд) крикнул: «Кто там?». Ему ответили: «А ты кто?». «Я — красный» — сказал Васильев «А... красный!»., и начали ломать дверь. Тов. Васильев решил живым не сдаваться и выстрелил из винтовки себе в висок. Белые сломали дверь, обыскали труп геройски погибшего Васильева и зажгли зимовье.

Мы потом осматривали пепелище этого зимовья, собрали кости тов. Васильева и зарыли тут же, в тайге, около сгоревшего зимовья. Такие случаи были нередки. Партизаны не сдавались не только потому, что боялись ужасных пыток своего врага, но и потому, что считали недостойным для себя живыми отдаваться врагу.

В 1919 году, зимой, в дер. Восторговку пришел отряд калмыковцев, человек 300-400 (хорошо не помню). В этом белогвардейском отряде были мобилизованные атаманом Калмыковым в принудительном порядке рабочие и освобожденные бывшие военнопленные красноармейцы, взятые в плен Колчаком в Сибири и содержавшиеся в хабаровских лагерях. Калмыков хотел использовать против красных партизан пленных красноармейцев. Последние не отказались вступить в белогвардейский отряд Калмыкова только потому, что поставили себе задачей во что бы то ни стало вырваться из концентрационного лагеря и перейти к партизанам. В этом отряде были и калмыковцы из «дикой» дивизии — люди - звери.

Отряд расположился в деревне на ночевку. При отряде была одна горная легкая пушка и один или два пулемета. В дер. Восторговке в это время заночевало несколько наших партизан (5-8 чел.). Военнопленные красноармейцы, попавшие в отряд Калмыкова, решив твердо перейти к нам, очень усиленно разыскивали в деревне кого-нибудь, кто знает, где находится тот или иной партизанский отряд. Они разыскивали с той целью, чтобы после ночной операции в отношении своего белогвардейского командного состава уйти в партотряд и присоединиться к нему. Для этого нужно им было знать дорогу, месторасположение отряда и т. д. Но в деревне находились одни женщины и дети: (наши ребята, конечно, были спрятаны). Крестьянки не могли рассказать, где находится партизанский отряд, и всячески уклонялись от расспросов. Все же поведение белогвардейского отряда крестьянкам показалось странным. Жители этой деревни видали уже виды. Восторговка подвергалась неоднократному нападению белых. Раньше приходили белогвардейские отряды и сразу начинали чинить расправу, насиловать

женщин, резать скот, заставлять крестьянок из этого же крестьянского скота готовить им пельмени и т. д. Рядовые же прибывшего отряда вели себя не так, как обычно вели себя белые: начинали заговаривать о советской власти, о партизанской борьбе, о безобразиях в городе. Но рассказывали все это отдельные люди, прячась от своих офицеров, а иногда и друг от друга.

Все же женщины решили сообщить скрывающимся партизанам о положении в белогвардейском отряде. Женщины сообщили партизанам, будто отряд расколот на две половины и одна к другой относится недоверчиво. Офицерня тоже поняла, что сделала очень серьезную промашку, включив в состав карательной экспедиции около двух третей численности всего отряда бывших военнопленных красноармейцев, и особой ретивости не проявляла.

Наши партизаны, скрывающиеся в этой деревне, стали пробовать связаться с отдельными ребятами из белогвардейского отряда.

Связались. Те им рассказали свои намерения, об'яснили план операции, которую они решили произвести ночью в отношении своего командного состава. Наши очень осторожно начали расспрашивать: какие у вас силы, что за люди, нет ли знакомых из рабочих, из бывших военнопленных. Оказалось, что нашлось несколько человек знакомых, и очень близко знакомых, нашим партизанам. Только после этого скрывающиеся в деревне партизаны стали действовать вместе с группой ребят из белогвардейского отряда.

Ночная операция удалась нашим легко: офицеров побили, ненадежных рядовых разоружили. Кое-кто успел сбежать, в том числе и некоторые офицеры. После того, как расправились с командным составом, спросили, кто хочет итти в город, кто к партизанам в тайгу. Все решили вместе с партизанами бороться против Калмыкова и все пошли в отряд т. Шевчука И. П.

Впервые наш отряд обзавелся пушкой—«горняшкой», как ее звали партизаны. Эта пушка нам все время оказывала очень большие услуги и изменила нам помимо своей воли 4 и 5 апреля 1920 года при неожиданном для нас выступлении японцев в гор. Хабаровске. Когда наш партизанский отряд должен был с боем отступить на левый берег Амура, «горняшка» подавилась собственным снарядом, и нам пришлось ее бросить. Об этих кровавых днях 4 и 5 апреля 1920 года я расскажу ниже. Это—памятные дни, особенно для рабочих Хабаровска, Владивостока, Никольск-Уссурийска.

Кажется, в январе 1920 года, после того, как Колчака уже разбили, когда партизанское движение разлилось могучей волной не только на Дальнем Востоке, но и по всей Сибири, японцы, растянутые цепочкой от Владивостока чуть ли не до Байкала, почувствовали, что авантюра Колчака провалилась. Японцы видели, что с нарастающим партизанским движением рабочих и крестьян не только им, японцам, но и интервентам всех стран ни под каким видом не справиться. Красная армия Советской России победно продвигалась вперед на соединение с борющимися партизанами. Японцы вынуждены были тогда об'явить так называемый нейтралитет. Да и опасно им было находиться в таком распыленном по этой гигантской дороге состоянии. Они начали концентрировать свои силы первоначально в Благовещенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийске. В январе 1920 года японцы официально выступили с заявлением о нейтралитете и стали очищать Амурскую область от своих войск.

В этот день, когда наш отряд услышал о том, что японцы об'являют нейтралитет, я находился в деревне Шаманке, куда зашел проведать свою семью. Когда я уже собирался итти обратно в отряд, ко мне прибыл специальный гонец, кажется т. Иннокентий, который и сооб-

шил эту радостную для нас весть. Он крикнул находу: «Ура, наши победили! Колчак разбит, японцы об'явили нейтралитет». Отряд сегодня решил выйти из тайги и занять открыто линию железной дороги от Ольгохты*) до Волочаевки.

Эта весть уже облетела все прилегающие к линии железной дороги деревеньки. Она молнией пронеслась в самые глухие отдаленные таежные уголки. Нам казалось, что тайга и та эту нашу радость разделяла вместе с нами. Шум ее как будто бы стал не таким суровым. Старые ели и лиственницы, покрытые седым мохом, как будто приветливее смотрели на нас. Как мы тогда говорили—тайга распахнулась для победителей рабочих и крестьян.

Десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч партизан шли целыми отрядами, отдельными звеньями, группами, измученные, но закаленные в борьбе за власть советов. Безусые юноши, мужественные молодые боевые партизаны, заросшие бородами, седые старики—все шли твердой гордой поступью с винтовками и берданками за плечами, покрытые морозным инеем. Старики крестились от радости, молодежь пожимала друг другу руки, бабы, встречая их, целовались и обнимались, искали своих детей, мужей, отцов. Партизаны из ближайших деревень обращались к командиру за разрешением отпустить их к женам, передохнуть денька 2-3. «Хоть день, да наш. Отдохнем за все время хоть одну ночку в безопаске»—говорили они. Командир отпускал, но очень скупо.

Большевики тогда развернули огромную работу по раз'яснению широчайшим трудящимся крестьянским массам, что поражение Колчака, нейтралитет японцев — это еще не прекращение борьбы, это еще не полная победа. Нам предстоит еще огромная, гигантская борьба, не менее жестокая и не менее упорная впереди. Увлекаться и особенно радоваться нам не следует. Это нами завоевана передышка, да и то не особенно длительная. Мы эту передышку должны использовать, связаться крепче с большевистскими организациями, добыть побольше оружия и перестроить свою борьбу так, чтобы от партизанских методов перейти к методам фронтовой борьбы. Японцы еще находятся в нашей стране, Калмыков еще не разбит. Атаман Семенов в Забайкалье сидит нетронутым и свирепствует. Радость — радостью, а дело—делом, — говорили мы партизанам, и особенно молодежи.

Наш отряд вышел из тайги. Штаб отряда расположился, если мне память не изменяет, в деревне Владимировке. Японцы по линии железной дороги под Хабаровском занимали важнейшие пункты, но они крайне волновались. Они не верили, что мы, партизаны, спокойно отнесемся к ним. Выставляли усиленные патрули вокруг казарм и тех пунктов, где находились их войска. Патрули ночью утраивались. Они с нетерпением ожидали распоряжения—сняться с линии железной дороги и двинуться в гор. Хабаровск, где находились их основные силы.

Наши партизаны стали помаленьку «снюхиваться» с японскими солдатами. Вот некоторые картинки этого японо-партизанского братания. Японские солдаты собираются по два-три человека, стараются сблизиться с нашими партизанами при каждом удобном случае. «Твоя —барсука?», т. е.: ты—большевик?—спрашивает какой-нибудь японец. Наш кивает головой: «Да, барсука. Хочешь получить на память красный бантик? Если ты рабочий или трудящийся крестьянин,—говорят наши партизаны, раз'ясняя смысл жестами,—то и ты барсука, получай». Солдат-японец смеется, радостно пожимает руки партизанам, берет бантик и прикалывает его с обратной стороны шинели на подкладку. «Моя не може, моя не може, сердита начальник»—тоже жестами

*) Ст. Ольгохта—соседняя со ст. Волочаевкой.

старается об'яснить свои слова японец: японский солдат не может приколоть этот бантик на видное место, как их носят наши партизаны.

Вскоре мы получили распоряжение из. Владивостока преследовать атамана Калмыкова, который начал удирать из гор. Хабаровска. Наш отряд двинулся по направлению к Красной Речке*). Калмыков отступал по реке Уссури. Мы преследовали его по пятам, били и уничтожали отдельные его звенья, отставшие от головного отряда, но Калмыкова не поймали. Уссурийские казаки, пожалуй в значительной своей части бывшие опорой Калмыкова, увидев его гибель и убедившись в победе рабочих и крестьян, начали присоединяться к нам. Конечно, наиболее от'явленная часть белогвардейских уссурийских казаков отступила вместе с Калмыковым, часть перешла на китайскую сторону. Те казаки, которые не хотели расстаться с хозяйством, увидели, что иного исхода нет, как примкнуть к победившим рабочим и крестьянам. Чтобы доказать свою преданность и искупить свое прошлое, они так зверски, так жестоко расправлялись с пленными калмыковцами, которые попадались к нам, что у наших партизан иногда морозом кожу подергивало.

Правда, примкнувшие к нам казаки расправлялись над самой кровавой частью калмыковских войск, над остатками дикой дивизии. Это была действительно дикая, разнузданная, разложенная дивизия, которая являлась главной опорой Калмыкова. Она была самым наилучшим показателем разложения, бессилия и разнузданности всего того, что находило место себе в разных видах белогвардейщины. Колчаковщина, атамановщина, расправляющаяся зверски со своим классовым врагом, извивалась в собственных предсмертных судорогах.

★

Не поймав Калмыкова, наш отряд вернулся на станцию Красная Речка. В Хабаровск прибыли так называемые народнореволюционные войска из Владивостока. Это—остатки колчаковских войск, перешедшие после падения Колчака на сторону рабочих и крестьян. Их было, кажется, два полка. В Хабаровске была уже организована рабочая власть: ревком и все, что полагается. Но в Хабаровске попрежнему стояла японская дивизия. Партизаны нашего отряда, партизаны отряда Кочнева, партизаны отряда Павлова-Бойко страшно рвались попасть в Хабаровск. Столько времени не бывали в городе открыто, а тут не пускают! Мы старались удержать партизан от входа в город. Во-первых, мы боялись, что этот город, в котором находилась японская дивизия, будет для нас мышеловкой. Японцам мы не верили, не доверяли мы еще и народнореволюционным войскам, бывшим войскам Колчака, перешедшим на нашу сторону. Не сильно доверяли мы и Владивостоку, в котором сидело много всякой сволочи: меньшевиков, эсеров и другой буржуазной дряни, которая безусловно была прямой агентурой всех интервентов, находящихся тогда в Приморьи. Но во Владивостоке были большевики, был тов. Лазо, наш человек, которого очень любили, как героя, как отважного бойца и организатора партизанской победы. Лазо стоял тогда во главе всего партизанского движения в Приморье. Была там и партийная большевистская организация.

Удержать партизан на Красной Речке не удалось. Поэтому решили войти в город. Вот картинка нашего вступления в город: впереди—рабочие со знаменами, огромная масса народа, вышли и все обыватели Хабаровска, затравленные, забитые калмыковцами. Они видели в лице партизан своих спасителей. В нашем отряде много было рабочих из са-

---

*) В 20 километрах к югу от Хабаровска.

мого Хабаровска. Плакаты, знамена, крики «ура», слезы радости, встреча знакомых, родных. Отряд шел стройно, сурово, солидно. Командир нашего отряда Иван Павлович Шевчук сидел на большом красивом коне, сам молодой, здоровый, румяный, кудлатый. Через плечо у него — широкая красная лента, в одной руке—огромная папаха, другой он поддерживает шашку. Ему устраивают овацию. Он низко кланяется направо и налево радостно бушующей толпе. Партизаны несут знамена, на которых написано: «Вся власть советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!», «Да здравствуют рабоче-крестьянские советы!», «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует РКП!». Встречали нас с обнаженными головами. Партизаны в брезентовых ичигах различного цвета, в папахах, шапках, ушанках, в полушубках, в тулупах, армяках, заросшие и небритые, с красными бантами на груди, с различным оружием на плечах—берданками, винтовками русскими, японскими, охотничьими ружьями, револьверами всех систем (маузерами, наганами, кольтами),—с гранатами за поясами, с гордо поднятой головой шли по центральным улицам Хабаровска, стараясь крепче отбивать свой победный шаг.

Нас разместили в деревянных казармах. Шевчук—командир нашего отряда—вызвал меня, чтобы обсудить один вопрос: «Городу доверять нельзя»—как сейчас помню, сказал он мне. «Различной сволочи тут много. Японских войск стоит целая дивизия, а японцев мы знаем. Кто такой во Владивостоке, который пытается управлять нами, кто там сидит? Не следует ли посмотреть? Да к тому же там (т. е. во Владистоке.—П.П.) хотят говорить с японцами. О чем?». После этого Шевчук предложил мне: «Не поедете ли вы во Владивосток, узнайте все хорошо да по пути добудьте оружия и патронов». Я согласился. Он также сказал: «Примите там участие в переговорах. Если наши люди пытаются говорить с японцами, то без нас эти переговоры не должны вестись». Я улыбнулся, зная, что никаких переговоров с японцами с нашей стороны нет, а если кто ведет, то это—белогвардейцы всех мастей, в том числе меньшевики. Согласились поехать я и еще товарищ Василий (фамилию забыл). Двинулись во Владивосток. Приехали. Во Владивостоке повидали мы знакомых: тов. Мельникова Бориса, который сидел в штабе у Лазо, видели Лазо, переговорили, обменялись мнениями и вернулись обратно в Хабаровск. Я не помню, к сожалению, числа, когда мы вошли в город Хабаровск. Помню, что мы там сидели месяца два, может быть и меньше.

Наступил злосчастный канун 4 и 5 апреля 1920 года.

Накануне 4 апреля вечером японцы начали подозрительно оживляться. Приходили к нам в штаб, очень ласково и вежливо разговаривали, начали ходить по нашим казармам и раздавать партизанам сахар, чай, виски. Одним словом—начали делать подозрительные визиты. Мы забеспокоились, немедленно разослали по всем местам расположения наших частей специальных людей с такой директивой, чтобы японцев из казарм не гнать, дерзостей не говорить, но и не принимать никаких подарков. Следить за своими ребятами, чтобы они не пили водки не только японской, но и своей. Мы знали тактику японцев, знали, что всякие такие миролюбивые настроения японцев есть первый признак какой-нибудь гадости и подвоха с их стороны. Между прочим дня за три до этого события японцы под предлогом тактических занятий вели наступление на наши казармы. В наших казармах били тревогу. Партизаны немедленно рассыпались в цепь и лежали против японской цепи по 15-20 минут, потом расходились и те и другие. Мы спрашивали японцев, в чем дело. Они, улыбаясь, говорили: «Ничего, ничего. Это происходят тактические занятия наших частей». Но это была провокация, которую мы еще полностью не раскусили, хотя пре-

дупредили ее, категорически запретив нашим войскам открывать огонь по японцам, если последние не начнут сами.

3 апреля мы стали получать очень тревожные известия из Владивостока и Никольск-Уссурийска. 4 апреля ночью связь с Владивостоком была порвана. 5 апреля утром, в 9 часов японцы открыли по всему городу Хабаровску орудийную, пулеметную и ружейную стрельбу, даже не сняв своих патрулей с улиц. Стреляли по школам, по лачужкам рабочих, по прохожим, которые вышли на базар за покупками, стреляли по крестьянам, приехавшим в город, стреляли по всем и особенно избирали целью тех, кто был одет в военную форму или походил по одежде на партизана.

Центральный артиллерийский огонь был направлен японцами по нашему штабу, который находился в бывшем кадетском корпусе. В этом же здании бывшего кадетского корпуса жила и моя семья. К началу стрельбы я находился в исполкоме*) с группой вооруженных матросов; их было человек 10. Отстреливаясь, перебегая редкой цепью из квартала в квартал, мы добрались до кадетского корпуса уже ночью. Подойдя близко к кадетскому корпусу, который был освещен заревом горевших военных складов, я сказал ребятам: «Вы перебирайтесь в сторону левого берега Амура. Наши части должны отступить только туда. Я же пройду в свою квартиру, захвачу жену и проберусь к вам». Мы пожали друг другу руки, разошлись, не потеряв ни одного товарища.

Примерно около часу ночи я вошел в здание Красного креста кадетского корпуса. В этом здании я нашел свою жену**) и еще несколько семей, издерганных, измученных, просидевших целый день в подвале под грохотом артиллерийского японского огня. Я хотел было отдохнуть в здании Красного креста, но старший врач пришел и сказал: «Тов. Постышев, если вас обнаружат здесь, нас всех перережут, а у нас на втором этаже лежит с десяток тяжело больных партизан и солдат из полков, перешедших к нам из бывшей колчаковской армии». (Между прочим попутно сообщаю, что эти полки, перешедшие к нам из колчаковской армии и находившиеся в Хабаровске, понесли большие потери. Сражались они против японцев героически).

Я взял свою жену и пошел с ней на свою квартиру. Квартира моя находилась на 3 этаже. Я запер все двери. Оба измученные, мы крепко заснули. Мы хотели поспать только до рассвета с тем, чтобы при начинающемся рассвете осторожно пробраться к реке Амуру и по льду перебраться на его левый берег, туда, где должны были, по-моему, концентрироваться наши отступившие войска. Но мы так крепко заснули, что проспали до утра. Я проснулся, вскочил, бросился к окну. Смотрю— здание наше окружено японцами. Жена поняла в чем дело. «Спрячься», —говорит она мне,—«спрячься в трубу, может быть выберешься оттуда на чердак, пересидишь, а то тебя убьют. Сюда безусловно придут японцы, потому что работница знает, что мы здесь». (Работница наша была раньше прислугой прежнего хозяина квартиры, полковника колчаковской армии). «Она укажет японцам, что мы здесь. Она видела, как мы шли сюда», волнуясь говорила мне жена, пытаясь убедить меня в необходимости спрятаться. «Не беспокойся. Прятание не поможет», сказал я ей. «Уйти бы только тебе отсюда, а я запрусь и при первой попытке японцев достать меня буду отбиваться: живой я не дамся». Она отрицательно покачала головой и сказала: «Я знаю зверства японцев, как они насилуют женщин, издеваются над ними. Я не уйду от тебя, я умру с тобой».

*) Помещение исполкома находилось на Муравьево-Амурской улице, на значительном удалении от кадетского корпуса.

**) Тов. Постоловскую.

Я не мог заставить ее уйти, да и поздно уже было. Уговорились, что при первой попытке ворваться к нам мы будем отстреливаться и под конец покончим с собой. Я чувствовал свое безнадежное положение, видел, что выхода для меня больше нет. Меня занимала одна мысль: не дать на истерзание японцам и белогвардейцам жену, а для этого надо было покончить первоначально с женой, но так, чтобы она не видела и не чувствовала этого. Я начал следить за ней. В это время раздались по лестнице шаги. Я подошел к окну, выходящему на лестницу. Оно было за решоткой и закрыто занавеской, так что проникнуть в него не было возможности. Вижу—идут по лестнице двое японцев и один русский, очевидно белогвардеец. Подошли к двери, начали стучать. Мы молчим. Начали пытаться открыть дверь. Мы молчим. Тогда они пошли назад. Через несколько минут вернулось обратно уже четверо японцев и двое русских с каким-то инструментом вроде лома в руках. Жена подошла к окну, выходящему во двор. Я хотел в это время поднять руку с револьвером в ее сторону, как она мне крикнула: «Партизаны!». У меня выпал из рук револьвер. Я бросился к ней. Вижу—около двух десятков партизан перебегают редкой цепью двор корпуса. Японцы быстро сняли оцепление вокруг здания. На нашей лестнице раздался быстрый бег вниз японцев, которые хотели взломать двери моей квартиры.

Японское оцепление построилось в небольшую колонну и пошло преследовать эту цепочку партизан. Я взял револьвер, снял крючки с двери, взял под руку жену, и мы через несколько минут очутились во дворе кадетского корпуса. Быстрыми шагами направились в лазарет. Нижнее здание лазарета уже горело. Все, кто мог уйти со второго этажа, выбрались оттуда, и только несколько тяжело раненых лежали и стонали. Нас оказалось там человек 8, таких же как я случайно попавших и укрывавшихся от преследования японцев и белых. Мы решили взять раненых прямо с кроватями. Я перевязал себе левый глаз марлей, чтобы несколько замаскироваться. На руку мы сделали из марли повязки и красным карандашом написали: «Красный крест». Понесли раненых. С нами вместе несла их и моя жена. Вернее—не несла, а еле-еле сама передвигала ноги. Мы прошли мимо одной японской части, мимо другой. Нас никто не трогал. Мимо нас шныряли белогвардейские офицеры, но на нас никто не обращал внимания, потому что в это время гражданский Красный крест подбирал раненых и увозил их во второй городской лазарет, находящийся на берегу Амура, а японцы и белогвардейцы были заняты отступающими нашими частями. Они еще не знали, куда наши части ушли и все ли части оставили город. Мы прибыли в лазарет целыми и невредимыми.

Там оказалось около 70 наших людей. Все ждали вечера, чтобы перебраться с правого на левый берег Амура. Днем итти было нельзя, потому что японцы все время обстреливали реку. Меня мучила одна мысль—куда деть жену. Тащить ее через Амур в апреле, когда лед уже проваливался, я не мог, потому что у нее были последние дни беременности. Правда, в городе жила мать жены, но отправить жену добровольно от себя не было никакой возможности: она не хотела меня оставить. Тогда я пошел на хитрость. Я сказал: «Я страшно хочу есть. Достань где-нибудь хотя бы хлеба». Она пошла искать хлеб, а я в это время спустился по крутому правому берегу Амура на лед реки. Быстрыми шагами стал перебегать лед, проваливаясь одной ногой, вытаскивая из проруби другую. За мной решились бежать наших еще человек десять. По нам японцы открыли стрельбу. Кого-то сзади ранили. Я слышал стон, но, не оглядываясь, шел дальше. Только тогда, когда я перешел Амур, когда я очутился на левом берегу и был уже вне опасности, я сел отдохнуть. Только тогда подумал о том, как благополучно

миновала та ужасная беда, когда я хотел собственными руками застрелить свою жену, как я случайно и неожиданно для себя вырвался из капкана, добровольно попавши в него. Жена, как потом мне рассказывали, долго искала меня. Потом узнала от кого-то из моих товарищей, что я пошел с небольшой группой товарищей на левый берег, не дожидаясь вечера. Товарищи всячески ее успокаивали. Она ушла к своей матери, а я пришел в деревню Владимировку. Застал там наши отступавшие части в состоянии полного хаоса, разброда и дезорганизации. Собралось наших партизан примерно тысячи две.

И вот эти две тысячи разрозненных партизан явились впоследствии основой для организации регулярной Красной армии на Дальнем Востоке. Они героически держали Восточный фронт (амурское направление) против японцев, каппелевцев и остатков отряда Калмыкова до 1922 г. Многие из них принимали участие в освобождении Владивостока от белых и японцев. Они сыграли решающую роль в уничтожении банд Семенова.

Мое предположение, что отряд Ивана Павловича Шевчука должен отступить из Хабаровска на левый берег Амура со всеми остальными нашими частями, не оправдалось. Он отступил на Красную Речку и там обосновался со своим отрядом. Потом уже впоследствии, месяца через два, когда на левом берегу Амура сформировался из разрозненных партизанских частей довольно мощный кулак регулярной Красной армии, Иван Павлович Шевчук решил перебраться на левый берег Амура. Он сколотил плоты, погрузил на эти плоты свою артиллерию, которую он ухитрился захватить при отступлении 5 апреля из Хабаровска. Кому принадлежала до этого артиллерия—не знаю. Знаю, что в отряде Ивана Павловича Шевчука кроме «горняшки» ничего не было. Артиллерия Шевчука с прислугой приплыла к нам. Артиллерию мы взяли, а прислугу отправили в глубокий тыл в Благовещенск. По правде сказать, немножко сомневались в дисциплинированности этой прислуги. А дисциплина у нас была тогда очень крутая. Дня через два прибыл и сам Шевчук в штаб фронта.

Первый вопрос Ивана Павловича, направленный к командующему фронтом тов. Серышеву, был такой: «Где моя артиллерия?». Серышев ответил: «Артиллерия принадлежит рабочим и крестьянам. Сейчас она на боевом участке. Начальник боевого участка—Флегонтов, и сегодня она в его распоряжении. Будешь завтра ты начальником боевого участка—она будет в твоем распоряжении. Согласен?»—улыбаясь спросил Серышев. Иван Павлович молча покрутил головой, но тут же ответил: «Конечно согласен!» Так Иван Павлович остался на левом берегу Амура и попрежнему храбо сражался с японцами и белыми за советскую власть. И. П. Шевчук и по сей день служит в рядах Красной армии.

★

Вот коротко и бегло я рассказал вам только часть истории нашего славного, боевого, большевистского 1-го Тунгусского партизанского отряда и попутно об отрядах т. т. Кочнева, Павлова-Бойко и других.

Первоначально партизанские отряды, затем—регулярная Красная армия, родившаяся на левом берегу Амура из партизанских отрядов Приморья, Амурской области. Потом была образована Дальневосточная народнореволюционная республика, и нашу регулярную Красную армию, созданную из бывших партизанских отрядов, стали реорганизовывать в народнореволюционную армию. Помню, сколько было обид, сколько было недовольства (и часто серьезного) по поводу переименования красноармейцев в народоармейцев! Нам приказали снять звездочки, на фуражки нацепить кокарды, а на рукава надеть ромбы. «Да что же это мы?—говорили нам красноармейцы—За что дрались,

за что топтали собственными ногами необ'ятную тайгу, за что кровь проливали? Чтобы сменить красную звезду на старую кокарду, на несчастный ромб?»—ворчали красноармейцы. Находились даже такие, которые говорили: «Вы нашиваете нам ромбики на рукава, а потом постепенно передвинете их на плечи и вернете нас к погонам. Нет, товарищи, затеяли вы что-то неладное, недобрым пахнет, старым пахнет». Мы им говорили: «Товарищи, это решение Москвы. А вы знаете, что там всем делом руководит вождь рабочих и крестьян, вождь нашей партии—тов. Ленин». Только это заставило бывших партизан подчиниться приказу о переименовании и переменить свой внешний вид, т. е. сменить звездочку на кокарду и ромб. Имело не малое значение и то, что во главе регулярных полков стояли старые, испытанные большевики-партизаны, которых знали, которым безгранично верили.

Партизанская борьба на Дальнем Востоке была великой борьбой. Это—одна из красивейших страниц всей борьбы рабочих и крестьян под руководством партии Ленина за власть советов, за социализм. Пролетарские историки сумеют описать эту великую борьбу рабочих и крестьян, проводившуюся под руководством коммунистической партии. Они расскажут и закрепят документами самоотверженность и героизм этой борьбы, могучую веру в будущее этих борцов. Документы, свидетельства великой борьбы хранит могучая, глубокая тайга. По ней разбросаны сотни и тысячи братских могильных холмов, могил погибших партизан. Они не останутся неведомыми иероглифами для наших пролетарских историков. Они—живые факты, непосредственные свидетели героической борьбы. Они расскажут о многом.

Вечная память погибшим, слава оставшимся в живых, борющимся за полное торжество пролетариата под руководством ВКП(б)!

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая статья представляет собой воспоминание тов. Постышева, застенографированное 3 марта 1932 г. в центральном партийном клубе г. Читы и обнаруженное истпартом лишь в последнее время в партийном архиве Далькрайкома ВКП(б).

История Дальневосточной партийной организации периода героической борьбы с интервентами и белогвардейщиной за власть советов, за социализм неразрывно связана с именем тов. Постышева.

Павел Петрович Постышев, будучи виднейшим политическим руководителем и вдохновителем партизанского движения на ДВ, яркими штрихами со свойственной ему простотой отразил в своих воспоминаниях героическую борьбу первого Тунгусского партизанского отряда, являющуюся характерной для всего партизанского движения ДВ края.

Воспоминание тов. Постышева является ценным вкладом в деле передачи молодому поколению великих традиций революционной борьбы. Но этим не исчерпывается ее значение. В ней содержится ряд ценных замечаний и для наших историков, изучающих гражданскую войну на Дальнем Востоке.

Дальистпарт

Тов. Шевчук — командир Тунгусского партизанского отряда.

ИВАН ШЕВЧУК

В плену у белых

Л. Л. (Литературная обработка воспоминаний Шевчука)

Тайга шумела... Холодный ветер гнул верхушки деревьев... И тогда слышался долгий и жалобный стон. Трещали сучья, раздвигались кусты. Из логовища выходил голодный зверь. Стон деревьев переплетался с долгим, протяжным воем. Зверь пробирался по заросшей травой тропинке, внюхиваясь в воздух. Миллионы звуков...

... Зверь вздрогнул, замер, сделал стойку к прыжку...

С востока шли тоже звери. Много зверей. Огнем и мечом прокладывали они себе путь.

Поступь за поступью, метр за метром отступали бронепоезда. Каждый метр земли, каждая пядь земли отдавалась с кровью...

... Зверь приготовился к прыжку...

И запели провода:

... Точка, тире... тире, точка... фронт прорван... точка, тире... наши части отступают.

В эту ночь командир красногвардейского отряда Иван Шевчук получил тревожную телеграмму:

— Срочно. Полным аллюром отступай, иначе будешь отрезан. Броневики отрезаны. Иманские отряды бросили фронт. Флегонтов ранен. На фронте полная дезорганизация. Остановить невозможно. На тебя надежда. Спасай положение...

И через несколько долгих минут:

— Кавалерийскому эскадрону и конной батарее приказываю: полным карьером отправиться в Успенку, занять паром и удержать его до подхода отряда...

★

Красные части отступали. С запада жали чехи, с востока теснили японцы. Военных баз для дальнейшего ведения войны не было. Пятый краевой с'езд советов постановил: «Войска распустить».

В этот день Шевчук прощался со своими бойцами, наказывая на дорогу:

— Организовывайтесь в группы по 10-15 человек. Идите в глубь тайги, дальше от линии железной дороги. Организуйте боевую защиту. Придет время — снова соберемся и поведем новый фронт за власть советов.

В ночь с 4 на 5 сентября 18 года Хабаровск занял атаман Калмыков с японскими войсками...

★

На берегу Амура качалась лодка. Бархатное утро ласкало, возвещая о предстоящем жарком дне. На лодке пили водку шесть человек: пять грузчиков и шестой—Шевчук...

— Прощай, командир!..

Они расцеловались. Солнце играло на воде шустрыми зайчиками. Низкорослые ветвистые деревья висли над водой. С города заиграл ветерок и принес с собой...

... Христос воскресе из мертвых...

И чей то голос:

— Да здравствует атаман Калмыков, наш спаситель!..

И опять:

... Иисусе во гробе живот...

Это шла встречать атамана Калмыкова городская буржуазия, это шагали лавочники, купцы, чиновники, интеллигенция...

— Я не выезжаю! — заявил Шевчук.

Через несколько минут он с пятью товарищами был в союзе грузчиков.

— Соберите организацию.

Пролетели минуты...

— Предлагаю выступить с оружием в руках против входа белогвардейщины в Хабаровск, уничтожить то, что творится со встречей Калмыкова.

Пламенем вспыхнули споры...

— За!..

— Против!..

— За!..

— Против!..

Большинство было против.

— Выступление отставляю! Пусть каждый увидит «блага» атамановщины.

Шевчук выбежал на улицу...

Большая улица...

— Извозчик! На берег Амура!

И про себя:

— Только бы не заметили, только бы не узнали...

Медленно тянулись дома, редко встречались люди. На перекрестке—казачий раз'езд. Кто-то подошел к офицеру, что-то сказал и показал пальцем на пролетку.

И тогда произошли скачки между чистокровными казачьими рысаками и извозчичьей клячей... Кляча не вывезла. На пятом квартале казаки взяли реванш...

— Стой!.. Следуйте за нами, господин Шевчук!..

А на той стороне Амура, на станции Дежневка, томились и ждали своего командира 24 самых преданных бойца, 25 лошадей с двумя пулеметами и провизией на 3 месяца...

★

Шевчук вздрогнул. Прошло сколько-то времени. Человек был в полном бессознании. Болела голова. Шевчук перевернулся. На него уставились три пары злобных глаз. Это в камере стоял добавочный караул из кадетов.

Они стояли. Они следили за каждым его движением.

Это были чистокровные, упитанные барские сынки-паразиты.

Через каждый час в камеру заходили офицеры. Позванивая шпорами, они смеялись, толкали человека ногами, перевертывали, рассматривали, точно зверя...

Человек лежал, не зная своей участи, не имея ни с кем сообщения.

В камеру вошел надзиратель. Небольшой разговор... Человек просил:

— Возьми под свою охрану, переведи в общую камеру!

— Сбежишь?

— Клятву даю: не сбегу!...

Надзиратель на третий день перевел Шевчука в общую камеру и взял под охрану надзирательской милиции...

★

Под сильным конвоем вели четырех человек. Шли по знакомым и когда-то очень близким, а теперь таким далеким улицам. Чавкала под ногами мягкая и нежная, размытая дождем глина-грязь. Город жил нервной тревогой. Прятались в землю домишки на рабочих окраинах...

А на центральных улицах — много цветов и людей. По центральным улицам медленно шагают японские офицеры. Калмыковцы замирают перед ними в стойке «смирно». Мерно раскачиваются рослые американцы с трубками и резиновыми жвачками под языком...

Улицу пересекает конвой. Ненавистью и удивлением встречают тротуары четыре затерявшихся между стальным лесом штыков фигуры...

Пожимают плечами солдаты американцы:

— Зачем так много штыков на четырех человек?..

Ропот в топле лавочников и отставных революцией чиновников:

И чей-то провокационный крик, от которого сильно стучит в ушах и бегут по спине мурашки:

— Куда ведете Шевчука? Расстреливайте на месте!...

И быстро, как во сне, вспоминается рассказ о 16 музыкантах, расстрелянных калмыковцами за то, что они до прихода Калмыкова играли революционные песни.

Но не видно было казачьих раз'ездов, не встречались по дороге звери с желтыми лампасами на штанах. Шомпола и нагайки свистели там, у конюшен, на базарной площади...

Группа в четыре человека под усиленным конвоем скрылась в воротах, за высокими каменными стенами с окнами-решотками и высокими крепкими железными воротами.

Эти ворота в последние дни не выпускали освобожденных...

Но тюрьма показалась Шевчуку свободой. Три камеры были наполнены арестованными. 80 командиров и комиссаров красных частей и подразделений сидело здесь. Значит, будет с кем помирать...

— Здорово, товарищи!

Слово «товарищи» звучало странно. Оно было заперто в тюрьмы, в карцеры и казематы...

Ежедневно с гауптвахты выводились партии по 50-80 человек. На расстрел вели без суда и следствия...

В эти минуты арестованные прилипали к решоткам. Люди молчали. Только кто-то захлебывался...

— Ведут... Ведут!...

И потом вздох облегчения...

— Сегодня не меня!..

А завтра?..

Большинство попадало под расстрел по сведению личных счетов. Здесь были такие, которые никакого участия в революции не принимали. Многие расстреляны за то, что после империалистической войны имели защитную одежду.

Белогвардейский террор не знал границ...

А ночью в тюрьму приходили пьяные выхоленные палачи-офицеры. Они избивали арестованных до полусмерти, заставляли петь и плясать...

★

... Шаги. Лязгнул железный замок... Вздрогнула камера...

— Может быть, это моя очередь?

Но нет дрожи. Ненависть к палачам уничтожила растерянность и страх.

Дверь открылась. В камеру вошли изощренные палачи времен Ивана Грозного, из того десятка, которые загоняли под ногти иголки и вежливо спрашивали: «Вас не беспокоит?».

Тридцать пар глаз, горящих и ненавидящих, встретили лощеных подлецов...

— Пляши!..

Человек сгорбился, человек не плясал. Он спокойно стоял и смотрел в лицо палачу:

— Что вы от меня хотите?

— Пляши!...

. . . .

Удар... Человек упал. Его долго бьют ногами и нагайками...

— Пой!..

И опять прежняя картина...

Камера молчит, с'ежившись и выжидающе...

— Сейчас моя очередь!..

Веселье кончается, — господа офицеры захотели выпить...

В камеру заходит член юридического отдела штаба Калмыкова.

— Смирно!

И тот, кто вяло встал или во время «смирно» пошевелился, чья не понравилась физиономия, — того не называли по фамилии, а прямо указывали пальцем:

— Ты, выходи!...

— Ты, выходи!...

— И ты!...

Уводили и расстреливали...

И опять прежнее...

— Пой!..

Человек запел...

— Почему голос плохой?

Человек пожимает плечами...

— Дай ему по морде!...

И били...

— Пляши!...

Люди плясали. Те, кто плохо плясал, тому ноги к полу штыком прикалывали...

А завтра вечером опять будут выводить на расстрел, опять придут ночью пьяные офицеры.

Три дня тому назад в тюрьму принесли рабочего железнодорожника. У него было несколько револьверных ран в грудь. Три дня он лежал без перевязки. Рабочий стонал...

На прогулке состоялся небольшой митинг протеста...

А в это время в коридоре стоял прапорщик и выкликал фамилии:

— Чернов!

— Я!..

— Рашин!..

— Я!..

И еще четыре фамилии. На седьмой прапорщик споткнулся. Она была написана от руки...

— Шевчук!...

— Я!..

— Собирайтесь!..

Допрос был короток:

— Какого сословия?

— Женат или холост?

И сказали:

— Отправить на гауптвахту!

В эту ночь семь человек будут расстреляны...

★

Тихой и теплой осенью из Хабаровска отходил пассажирский пароход. Пристань шумела, гудела, спешила... Люди бежали по трапу с мешками, с корзинками, с чемоданами. Второй гудок парохода еще больше поднял суматоху.

На верхней палубе, у перил стояла молодая красивая женщина и смотрела на бурлящую пристань. На руках у нее блестели браслеты, кольца, бриллианты.

На палубу поднялся с патрулем начальник юридического отдела штаба атамана Калмыкова господин Кандауров...

— Ваши документы?

Он осмотрел ее, небрежно взял документы, положил в карман и заявил:

— Ага!.. Большевичка! Арестовать и доставить ко мне на квартиру!

. . . .

Поздно вечером Кандауров изнасиловал ее, ограбил и отправил в вагон смерти под расстрел.

★

Шли по путям. Бесчисленные точки огней с семафоров и стрелок мигали и прощались, как звезды на черном небе-экране в тихую украинскую ночь. Люди качались не столько от страха, сколько от легшей на их плечи тяжелой предсмертной усталости.

А огни все исчезали и исчезали. Впереди остался лишь красный огонь семафора да темная ночь. Сзади осталась жизнь спящего города.

Нервный женский крик заставил вздрогнуть часового, прервать последние думы смертников:

— Куда вы нас ведете?

Голос показался таким знакомым...

— Как ваша фамилия? — шопотом спросил часовой.

И ответ заглушил удивленный крик:

— Тетя? Как ты сюда попала?

Часовой вытянулся перед начальником команды:

— Пред'являю протест: мою родную тетку, жену полковника, служащего у атамана Семенова ... неправильно... ведут под расстрел...

— Кру-угом!..

Смеялись огни города, огни стрелок и семафоров. Это возвращалась жизнь... А сзади осталась черная, пустая ночь, короткое «пли», близкая смерть...

★

Атаман Калмыков надвинул на глаза кубанку. Черный чуб грузно свалился на переносицу. В эти минуты даже генералы боялись атамана. Атаман нервничал...

Молодая женщина с измученным, вчера еще красивым лицом плакала, рассказывая...

— Пароход... арест... квартира Кандаурова... вагон смерти...

Рассказ закончил племянник.

В дверь постучали. Атаман встал. В комнату вошли два офицера американской армии. Они вручили атаману протест и небрежно уронили:

— Если вы не привлечете его к ответственности, мы будем вынуждены вас разоружить!

А случилось вот что...

★

Замер базар. Перестали тянуть нудные, тягучие песни слепые, прекратились крики торговцев в розницу. Город насторожился. Справа, за забором, сумрачно смотрят казармы. Из двора несутся нечеловеческие, душураздирающие крики, каких не слышали еще джунгли.

Вздрогнули на тротуаре проходящие случайно американцы, заглянули в щелку высокого забора...

Вдоль конюшен—шеренга казаков, вдали, заложив руки назад, пригнувшись и широко расставив ноги, стоит начальник юридического отдела штаба Калмыкова Кандауров. Пена течет из звериной морды и падает на казачий мундир...

А с другого конца выводят арестованных. Арестованные рабочие идут к Кандаурову на допрос через шеренгу казаков. Казаки избивают арестованных нагайками и шомполами, отсекая уши, носы, выбивая глаза.

Треснул забор... С петель слетели ворота. Американские солдаты ворвались во двор...

— Разойдись!...

— Господин Кандауров вы арестованы!..

★

Атаман встал и нажал кнопку звонка...

Изнасилование жены семеновского полковника и такой протест американцев — это внушительно, это может навлечь большие неприятности...

— Приказываю весь юридический отдел арестовать! Начальника Кандаурова—расстрелять!...

. . . .

Ночью в камере зверь перегрыз себе вену...

Караул обнаружил. Кандаурова спасли и на другой день расстреляли.

По случаю организации нового юридического отдела расстрелы были отменены на 20 дней....

. . . .

— Товарищи! Новый юридический отдел штаба атамана Калмыкова стал производить учет, кто расстрелян и сколько расстреляно. К этому времени уже было расстреляно 7 тысяч человек. Арестованными забиты тюрьмы, конюшни, вагоны смерти...

И оказалось, что тот, кто числился в списках расстрелянным,—тот сидел на гаухтвахте, а тот, кто числился на гауптвахте,—месяц тому назад был расстрелян.

★

13 ноября Шевчук был вызван в юридический отдел для суда. Новые люди сидели здесь. Допрос был подробный...

За столом человек пронизывал взглядом...

— Как вы были арестованы?

— Не знаю! Был пьяный! По входу Калмыкова в Хабаровск с радости выпил,—спокойно ответил Шевчук...

— Где арестованы?

— Не знаю.

— Какое участие принимали в советской власти?

— Был избран в совет. Участвовал всего два раза. Один раз был —ничего не понял, а второй раз что-то сказал—меня оттуда выгнали.

Все отобранные документы находились под сукном Кандаурова. Новый юридический отдел не знал, что представляет из себя Шевчук.

А брат Шевчука не спал. Он привез «документы». Это были документы прапорщика, полного георгиевского кавалера.

И юридический отдел вынес решение:

«Прапорщик и георгиевский кавалер не мог быть большевиком. А посему за недоказанностью виновности Ивана Шевчука освободить и дело прекратить»....

Шевчук вышел из тюрьмы. Улицы казались очень тесными, а дома высокими...

Ночью он сбежал на реку Тунгуску...

В боях

Пасмурная холодная осень. Ветер разносит по городу тучи пыли. Ежатся на постах японские солдаты. Обыватель прячется в своей берлоге, задраивая окна ставнями...

А из тайги несутся слухи... слухи... слухи....

— Налет отряда Вредного...

— Рейды партизанов Изотова и Тряпицина...

— Операции Соколова...

— Разгром калмыковской экспедиции отрядом Шевчука...

. . . .

Медленно, как телеграфная лента, тянутся минуты на станционном телеграфе станции Ин:

... Точка, тире... точка—точка—точка...

Мимо окон проходят тени больших мохнатых шапок—японский патруль. Они исчезают в ночной мгле и больше не возвращаются...

Оторвался от окна телеграфист. Перестал стучать аппарат...

— В чем дело?

Соседние станции отказываются отвечать. Значит—перерезаны провода, значит—будет налет...

Телеграфист вышел...

В японских казармах раздались сухие, как треск сломанных деревьев, выстрелы...

. . . .

Из-за проволочного заграждения вынырнула фигура и бросилась на часового. Ни одного крика, ни одного выстрела. Это была «тихая смерть»...

В ворота заграждения вошла группа вооруженных людей и рассыпалась цепью. Трое подошли к двери казармы. Дробь ударов...

— Открывай!

— Зажгите свет!...

Дверь открыл японский офицер. Он отшатнулся и погасил свет. Командир с тремя бойцами ворвался в казарму. Шашками рубили направо и налево. На улице и в казарме открылась стрельба...

— Шевчук, я ранен!

— Выходи!

Четверо вырвались из казармы...

— По окнам... огонь!...

Из окон вылетали японские гранаты и падали на мягкий снег. Японские гранаты рвутся только от удара. Падая на мягкий снег, они не взрывались. Партизаны успевали их брать и бросать обратно в помещение, где они и рвались, уничтожая своих хозяев... Японцы были перебиты почти-что своим оружием.

На стороне партизан было трое убитых.

Сильно ранен партизан Власовский...

. . . .

Забрасываемые снегом, обдуваемые холодным, пронизывающим плохую одежонку, ветром шел партизанский отряд широкой равниной. Руки мерзли, пальцы превращались в деревяшки, их оттаивали дыханием. На 12 километре командир отряда получил записку от раненого партизана Власовского...

— Дорогой брат Шевчук!.. Пристрели...

Он смотрел на него. У Власовского было простреляно плечо, разрывной пулей отбит язык, челюсть висела на одной стороне лица. Клубок крови подкатывался к горлу. Его можно залечить, но человеком сделать нельзя. Он прав. Человек перестанет мучать себя и других. Человек смотрел блестящими от ветра, измученными от боли глазами. Глаза кричали, звали, просили:

— Шевчук, пристрели!..

Ветер еще больше усилился, снег, перемешанный ветром с пылью-песком, больно хлестал лицо. Шевчук приказал:

— Пристрелить!!..

Еще больше сгорбились, не столько от ветра и холода, сколько от печального конца своего товарища, с которым поровну делили радости и трудности. Люди шли вперед, преодолевая сопротивление ветра и усталость. Ноги скользили по неровной местности.

Шевчук задумался. Люди отряда молчали, перестали курить. Только кто-нибудь сильно застучит зубами и еще плотнее запахнет шинелку. Шевчук решил:

— Приказание отменяю!

Точно тяжелый груз упал с плеч уставшего отряда. И не узнать было на лицах бойцов—или снег, растаянный теплом лица, редкими каплями скатывался со щек, или это были...

70 километров степью и лесом, равниной и сопками, падая от усталости, несли партизана Власовского на гольдских нартах. Трое суток лечил его, отдавая все свои силы и скромные знания, отрядный фельдшер Портянко. Но попытки были тщетными. На четвертый день Власовский умер с последней запиской в руках....

— Шевчук, пристрели!

. .

Власовского привезли для похорон в деревню Архангеловку. В похоронах участвовал весь отряд, вся деревня и много приехавших из других деревень.

Хоронили торжественно. Похоронная процессия следовала под знаменами с революционными песнями.

★

Декабрь 19 года сопровождался частыми тайфунами и налетами партизанских отрядов. Налеты создавали и без того напряженное положение на транспорте, дезорганизовали тыл, создавали угрозу городам...

Калмыков решил послать карательную экспедицию против отряда Шевчука, действующего под самым Хабаровском.

. . . .

Раннее зимнее утро. Уже несколько дней в родной деревне Архангеловке гостит командир отряда Шевчук с несколькими партизанами. Около окна спит командир соседнего партизанского отряда Кочнев, завернувшись в дырявую шубенку. В щели сквозит. Холод проникает под Кочнева. Он долго ежится и просыпается. Снова завертывается в шубенку, свертывается в клубок, но нет сна. Тогда Кочнев лезет в карман и достает кисет. Клубы дыма создают мнимое тепло и уют. Кочнев жмурится и начинает вспоминать вчерашний разговор с Шевчуком.

А над разговором нужно подумать... События назревали, события нарастали.

11 декабря Шевчук получил письмо от Слинько из Волочаевки: «К тебе едет калмыковская экспедиция. Вечером приехал рабочий Соколовский, сообщил о двух шпионах...»

12 декабря появились мужчина и женщина, которые меняли нитки на продовольствие. Приметы те же, о которых говорил Соколовский.

15 декабря в город сбежал кулак Бухаров. Арестованные не сознаются, что они шпионы.

Кочнев вытянулся. Стало тепло. Он закрыл глаза и... быстро вскочил...

— Что за шум?

У окна раздался властный голос:

— Выходи!

Все вскочили. Кочнев еще раз продул замерзшее окно и крикнул:

— Казаки!

— Брось! Это мои кавалеристы приехали!

Шевчук протиснулся, посмотрел в окно—желтые погоны...

— Бей в окно!

Они бросились на улицу с оружием. Захлопали выстрелы. Двое казаков упали у окна. Завязалась перестрелка.

Со двора верхом на коне с обнаженной шашкой прямо на казаков вылетел Шевчук. Они стояли на перекрестке дорог. Остальные вместе с генералом Суходольским стояли на горке. Выход один: нужно проскочить и добраться до своего отряда.

Комиссар отряда т. Постышев, Шептюк и другие партизаны залегли за бревнами и открыли по перекрестку сильный огонь. Казаки стушевались, не знали, что делать, и освободили перекресток.

Как ветер проскакал между ними Шевчук.

Казаки опомнились и послали погоню. Только с горки был слышен крик генерала Суходольского:

— Держи главаря!...

Два взвода казаков помчались вокруг деревни, чтобы отрезать путь и не дать выскочить Шевчуку из деревни. А за деревней мелкий дубняк и орешник гостеприимно расставили свои кусты и сучья...

Ищи—не найдешь...

У Шевчука конь свежий, чистокровный рысак. А казаки сделали 30-километровый переход...

Шевчук вырвался... Беспорядочная стрельба погони не изменила дела. Только сучки над головой слетали от пуль...

. . . .

Оставшиеся в деревне Постышев, Шептюк и Кочнев спаслись другой дорогой...

Шевчук прибыл в отряд и приказал:

— Двух шпионов—мужчину и женщину—немедленно расстрелять!

★

На колокольне монастыря мерз казачий наблюдатель. Казаки уже расположились во внезапно завоеванной Архангеловке, а генерал Суходольский приказал подать ему чай...

Улицы притихли. Исчезли люди... У бани стоят часовые. Там заперты 11 партизан Шевчука, захваченных в плен. Их будут пытать...

Наблюдатель с'ежился и прижался к перилам. Из соседней хаты вышел казачий есаул, и наблюдатель, стиснув зубы, решил пройтись вокруг колокольни и посмотреть. Он наклонился, пристально посмотрел и, как сумасшедший, понесся вниз.

Наблюдатель увидел партизанскую цепь. Цепь была редкая, но занимала очень широкий фронт. В районе наступления был лес с прогалинами. Наблюдатель видел людей только на прогалинах и ему казалось: если на прогалинах есть люди, так что же в лесу делается?

Генерал Суходольский аппетитно пил чай. Пот лил по его полному, мясистому лицу. Он сопел....

— Ваше превосходительство! Большевиков идет видимо-невидимо! Нет конца!—запыхавшись докладывал наблюдатель...

Его превосходительство выронил из рук стакан с чаем и только успел закричать:

— По тревоге!.. На коня!...

Сам выскочил и бросился в бегство через реку Тунгуску, в противоположную сторону наступления.

Он не успел не только забрать с собой арестованных партизан, но даже снять караула над ними...

Цепь входила в деревню. Шевчук увидел у бани часового. Часовой бросился бежать...

— Стой, иначе пристрелю!...

Часовой бросил винтовку и остановился. Шевчук подозвал его к себе, спросил:

— Почему здесь остался?

— Я—часовой у арестованных. Караул сбежал, а меня не сняли.

— Хорошо! Не бойся! Расскажи, сколько вас пришло сюда и зачем?

Он ответил:

— Сюда послана экспедиция для ликвидации отряда Шевчука. Сюда идет сотня казаков атамана Калмыкова, а сзади еще пехота в 750 человек...

. . . .

Минут через 15 к Шевчуку прибегает посыльный с монастырской колокольни и докладывает:

— В 4-5 верстах от деревни идет большое войско. Вся река черна.

— Так! Там 850 человек!

В распоряжении Шевчука было только 70 партизан. Шевчук решает:

— Если уйти без боя—все одно пропаду с отрядом, потому что калмыковцы уничтожат мои базы. В населенный пункт не попадешь—не допустят, а в тайге с голоду пропадешь.

И Шевчук решил принять бой.

Отряд чувствовал, отряд понимал: больше выхода нет. Лучше умереть в схватке с врагом, чем замерзнуть или умереть с голода в глухой тайге. Дорого будет отдана жизнь семидесяти партизан!

Никогда еще Шевчук не отдавал так торжественно своих приказаний:

— Тебе, Кочнев, и 15 партизанам даю приказание: выйти на окраину деревни, сделать засаду по берегу реки и как пойдет голова колонны калмыковских гадов—бей в голову сколько хватит патронов, а потом спасайся, как знаешь.

— Тебе, Шептюк, даю 20 человек и приказываю: выйти навстречу экспедиции по берегу—кустами, пропустить всю колонну и когда пройдет—выйти в затылок и бить в хвост сколько хватит патронов. После чего спасайся со своими людьми, как знаешь.

Сам остался с 35 партизанами и повел их кустами навстречу к центру головы и хвоста, чтобы одновременно ударить в центр колонны с фланга...

Шли осторожно. Не трещали под ногами сучки, притаили дыхание партизаны. Не дойдя шагов 25 до обрыва реки услышали залп с головы и хвоста.

— Мои други бьют в хвост и в гриву.

С остальными бойцами Шевчук бросился к берегу.

Колонна шла под самым берегом. Но обрыв был высокий. И стали партизаны расстреливать колонну со всех концов...

Дрогнули белогвардейцы... Калмыковская экспедиция трупами рассыпалась по реке Тунгуске, как снопы по полю...

Из 850 человек процентов 40 было уничтожено. Часть убитых, часть раненых...

Хвост колонны бросился на противоположный берег... Помощник Шевчука партизан Шептюк не точно выполнил приказание: не пропустив всей колонны, он начал бить. Хвост колонны повернул назад, пустился в бегство и спасся...

Калмыковская экспедиция была разгромлена благодаря своей надежде на передовой отряд казаков во главе с генералом Суходольским. Экспедиция, подходя к деревне Архангеловке, увидела наблюдателя на монастырской колокольне и посчитала его за своего наблюдателя из сотни казаков Суходольского. Колонна шла смело, не имея никакой охраны...

В этом бою отряд заполучил много винтовок, патронов, гранат, одежды и один пулемет. Одежда была крепкая и теплая, потому что в этой экспедиции участвовали особые палачи...

Генерал Суходольский во время боя был на противоположной стороне реки, не знал, в чем дело, и не рискнул ударить Шевчука с тыла. Ночью он с остатками пехоты пробрался на станцию Волочаевка и оттуда сообщил Калмыкову о поражении экспедиции...

Тайга шумела и смеялась... Тайга несла славу о грузчике Шевчуке и его отряде. Тайга бодрила...

★

Когда черная холодная мгла скрыла очертания сопок, когда через ставни изб просочился мерцающий свет зажженых лампадок,—тогда наступила ночь. Сытное староверческое село Верхне-Спасское засыпало, кутаясь в теплые добротные одеяла.

В доме, на полу, закутавшись спали партизаны. Кто-то пошевелился, зевнул, достал кисет и свернул длинную «козью ногу». Потом огляделся и про себя добавил:

— Мать иху в перемать...

У староверов не полагалось курить в доме, но партизаны плохо

блюли староверческие законы, ленились по ночам выходить на улицу и закуривали под пальто...

Засверкал красный огонек. Сонная хозяйка сразу почувствовала табачный дым и зажгла свет. Партизан тушит под пальто папироску и притворяется спящим. Хозяйка виновного не находит и идет утром с жалобой к Шевчуку:

— Товарищ командир! Ночью партизаны курили в доме...

Трудно было в этой деревне. По своему обычаю они кружки не давали чужому напиться. А после курения даже разговаривать перестали, не только помочь чем-либо...

Под натиском японцев Шевчук отступил со своим отрядом из села Верхне-Спасского.

Японские солдаты бесчинствовали. Были случаи насилия. А когда мужья вставали за честь своих дочерей и жен, японские солдаты им отвечали:

— Дурак! Не понимаешь? Это хорошо!

К Шевчуку была послана «делегация» с просьбой освободить их от японского засилия.

Жизнь в японском плену в несколько дней разрушила непоколебимые традиции и священные обычаи староверов. Гнет интервентов был сильнее законов религии, ревностно оберегаемых стариками. Революция переделывала психологию даже захолустных медвежьих староверческих сел, оторванных непроходимой тайгой от железной дороги, затерянных у маньчжурской границы.

Когда пополнившийся свежими силами отряд Шевчука вернулся в деревню Верхне-Спасское, выбив из нее японцев, отношение крестьян резко переменилось. Разрешали не только курить в домах, но давали для питья кружки, поили партизан молоком...

★

— Тью-у-у-у... тью-у-у-у... тью-у-у-у...

Роем комаров пели пули. Отряд Шевчука снова шел в наступление на станцию Ин.

Отряд сосредоточивался для атаки, чтобы лавиной обрушиться на японцев и в рукопашной схватке уничтожить их.

— В атаку!..

Шевчук побежал впереди.

Пули напевали о смерти, люди гнулись к земле, стремительно бежали вперед. И вдруг... Шевчук откинулся назад, взмахнул руками и упал...

Молния пролетела по цепям...

— Шевчук убит...

— Шевчук тяжело ранен...

Паника охватила отряд, волнующая, настигающая, сеющая растерянность.. А победа близка. Японцы почти перебиты, многие спасались бегством...

Из винтовок соорудили партизаны носилки и вынесли Шевчука за прикрытие.

★

Японцы узнали, что Шевчук лежит раненый. Они ассигновали 80 тысяч иен тому, кто доставит его или же убьет и доставит его голову.

В это время Шевчук отлеживался от ран в доме проживающего за границей русского подданного Каширина. Это было в селе Верхне-Спасском. С Шевчуком было 10 самых смелых, самых преданных партизан-кавалеристов...

В село в'езжают три подозрительные личности. Они останавливаются у дома Каширина и заезжают во двор.

— Мы—контрабандисты,—заявили они.

Шевчук усомнился. Контрабандисты этих мест ему были знакомы. Это они каждый день держали связь с отрядом, давали сведения о Калмыкове, о городе. Шевчук заподозрил их и заявил:

— Я—полковник штаба атамана Калмыкова. Командирован контрразведкой Калмыкова для ловли красных....

И пред'явил им обвинение:

— Вы—партизаны из отряда Шевчука!

Они стали оправдываться:

— Ваше превосходительство! Да мы сами из контрразведки Калмыкова!

Потом длинный допрос:

— Зачем приехали?

— Нам дано задание от японского и калмыковского штабов во что бы то ни стало представить командира партизанского отряда Шевчука. Он раненый находится за границей—в Китае. Если его не удастся взять, то—убить.

— Вы врете! Предлагаю вам лучше сознаться, из какого вы отряда, иначе плохо будет.

— Я не виноват! Я ничего не знаю! Я не виноват!—бормотал извозчик.

Контрразведчик Савицкий и его друг стали просить:

— Пошлите в японский или калмыковский штаб и проверьте: мы действительно посланы за Шевчуком.

Они назвали много офицеров, работающих специально в контрразведке.

Тогда Шевчук сказал:

— Я—сам Шевчук!

Мгновенно помертвели лица...

Ночью они были расстреляны партизанами.

★

Невеселые вести с фронта получил Калмыков. Казачьи отряды переходили на сторону партизан, части отступали под напором партизанских отрядов. В бессильной злобе зверствовали калмыковцы.

. . . .

Запылали красными языками села и деревни. Зверски расправлялись калмыковские палачи над беззащитным крестьянским населением.

В деревне Архангеловке неслыханно издевались над пойманными крестьянами. Палачи переламывали крестьянам ноги в коленях, вынимали глаза у живых, резали животы и толкали туда мерзлую рыбу.

Пламя пожаров не уничтожало следов этих нечеловеческих пыток. Это была бессильная злоба задыхающегося ненавистью врага. Это было кануном окончательного поражения Калмыкова.

. . . .

И в начале 20 года Калмыков сбежал в Китай.

★

Японские войска держали «нейтралитет». Хабаровск находился в кольце партизанских отрядов.

Командиры отрядов выехали в Хабаровск договариваться с командующим японскими экспедиционными войсками господином Ямада о введении партизанских отрядов в Хабаровск.

. . . .

Господин Ямада был холодно спокоен. Он сдерживал свою нервозность и спокойно выслушивал партизан.

— Итак, мы вводим партизанские отряды в Хабаровск,—заявили партизаны.

Он возмутился. Он высказывал свое недовольство, он ломал свои маленькие пальцы, но окончательно не протестовал:

— Я не хотел бы, чтобы в городе были партизаны. Это нарушит спокойствие и порядок. Я согласен на ввод «земских войск» (войск, поднявших восстание в колчаковской армии).

Ямада много доказывал и приводил примеры. Он насыпал в тарелку рассыпанные папиросы и рукой тряс эту тарелку так, что все папиросы рассыпались с тарелки. При этом он говорил:

— Вот так барсуки русское государство растерзают...

Ему Тетерин-Петров давал противоположные доказательства:

— Это самое делает японское государство вместе с другими империалистическими государствами, а большевики сделали обратное...

Тогда Ямада начал снова собирать папиросы и укладывать их в тарелку... Так бы он хотел уложить к себе и Дальний Восток, и Сибирь, и Сахалин...

. . . .

16 февраля в город вошли войска временного правительства Приморской области вместе с партизанским отрядом Петрова-Тетерина. Шевчук до 21-го марта оставался на Красной Речке.

А 4 и 5 апреля японские войска захватили Хабаровск. Шевчук отступил на Красную Речку.

★

Надеяться на успех красных войск против японских Шевчук не мог и он решил: сделать демонстрацию нападения на Хабаровск...

. . . .

Ночью пехота оцепила Хабаровск. Ни одного огонька, ни одного звука не видел и на слышал город. Впереди партизан—темные силуэты домов. Впереди молчал город, суровый, враждебный, недосягаемый, задраенный ставнями...

... Исчезли на улицах пешеходы, прекратилось движение, крики и шум, только японские патрули расхаживали по окраинам города.

В город входить нельзя. Из дома нельзя показаться...

Шевчук установил артиллерию.

И теплую тихую ночь, когда близка радостная весна, а впереди теплое жаркое после суровой зимы лето, разорвала команда:

— По японскому гарнизону... огонь!...

Спали японские казармы. Мерно расхаживал часовой, зажав под мышкой приклад винтовки. Часовой считал шаги: 20 шагов прямо, 15 влево.

Медленно тянулись часы, слипались глаза. Часовой начал дремать... Он прошел свои 20 шагов, повернулся и снова, блуждая, спасаясь от надоедливого, но приятного сна, начал считать шаги...

— Ити, ни, сан, си, го, року...

Дрогнула казарма. Вылетели стекла из окон. Побежал часовой...

А кругом гудела, плескалась земля от разрывов снарядов.

С японской стороны не было ни одного выстрела. Гарнизон приготовился к бегству на базу Амурской флотилии. Японцы спешно топили в Амуре русские орудия, порох, снаряды...

Сильная японская охрана стояла у Хабаровской радиостанции. Целый японский батальон сидел в засаде. А из Красной Речки шел на помощь своему гарнизону японский отряд в 1.000 штыков. Думали, что бой идет уже в городе, думали—нужна быстрая помощь, думали...и напоролись на японскую заставу у радиостанции. Застава открыла огонь по японскому отряду, и между ними завязался бой, окончившийся растерянным пожатием плеч двух японских офицеров...

. . . .

Шевчук выпустил несколько десятков снарядов, собрал полк и начал отходить к Черной Речке. Не успел он отойти и 6 километров, как был открыт сильный артиллерийский огонь японцев по тому месту, где стояла артиллерия Шевчука. Но ее уже не было.

. . . .

— Третьему батальону приказываю остаться на Черной Речке!

Остальные отошли на деревню Князе-Волконскую...

25 апреля японцы повели наступление на Шевчука. 1 тысяча солдат, 6 малых и 6 тяжелых орудий были отправлены в бой японским командованием.

. . . .

Не спит застава у деревни Черная Речка. Четко работает разведка. Ночью получено сообщение:

— Японцы устанавливают 12 орудий.

На рассвете прибежал разведчик:

— Японские войска начали окружать деревню...

. . . .

Рассыпались цепи... Рассвет принес с собой холод и дрожь. Японские солдаты быстро передвигались, согреваясь на ходу. Быстро подошли к реке Черная Речка.

Тихо... Никаких признаков присутствия противника. Солдаты выбежали на ровное место и стали переходить реку...

— Огонь!...

В несколько минут 8 пулеметов Шевчука сделали свое дело.

Японцы понесли большие потери...

Деревня Черная Речка взята японцами. Быстро обошли деревню, обыскали все, но не нашли ни одного партизана...

— В чем дело?—задал себе вопрос офицер.

Японцы продвинулись с Черной Речки и заняли деревню Сергеевку. Разведка показала, что Шевчук находится в соседней деревне Князе-Волконской. Японцы быстро установили артиллерию и начали бомбардировать эту деревню. Выпустили больше 800 снарядов, но со стороны Шевчука не было ни одного выстрела.

— В чем дело?—во второй раз задал себе вопрос японский офицер. Судорожное предчувствие сеяло тревогу...

Здесь что-то неладно!

. . .

★

Шевчук ночью вывел свои части из деревни Князе-Волконской, чтобы избежать излишних жертв от японской артиллерии. Из деревни вышли и крестьяне. Осталась только одна застава.

На крайней позиции залегли партизаны, рядом—преграда: река...

— Товарищ командир! Можно ударить? Как на ладошке, проклятая...

Это была японская артиллерия.

— Приказываю не стрелять!

Шевчук ждал, когда после артиллерийской подготовки японцы выпустят свою пехоту. Эта пехота назад не вернулась бы...

. . . .

— Стой! Кто идет?

— Свои! Мы крестьяне из деревни Сергеевки!

Застава доставила пятерых крестьян к Шевчуку.

— Куда идете?

— Нас послали в разведку японцы. Приказали итти в деревню Князе-Волконскую и сказали, что если мы не вернемся—наши семьи будут расстреляны, а имущество сожжено.

Шевчук не мог их отпустить. Они обо всем бы рассказали японцам.

— Приказываю остаться у меня впредь до особого распоряжения.

. . . .

Нервничал японский офицер. Каждые полчаса докладывал ад'ютант:

— Крестьяне еще не вернулись!

Японцы поняли, что впереди—ловушка. Они немедленно снялись с позиции и безостановочно двинулись в Хабаровск.

★

Тайга шумела... Холодный ветер гнул вершины вековых деревьев Трещали сучья под десятками ног.

Шевчук с отрядом переправился на левый берег Амура, где в это время уже ковалась регулярная армия из всех разрозненных партизанских отрядов и частей под руководством командующего войсками тов. Серышева, военного комиссара тов. Постышева и нач. штаба Вележева, которые представляли из себя штаб Восточного фронта.

... Впереди ожидали новые бои и победы...

Б. ЖДАНОВ

„ВАГОН СМЕРТИ"

(Из записок бывш. председателя исполнительного комитета партизанских отрядов Хабаровского района). Из сборника „Красная Голгофа" Благовещенск 1920 г.

Всем, кому приходилось бывать или проезжать ст. Хабаровск в период калмыковской диктатуры, вероятно бросался в глаза странный поезд, окрашенный в неприятный желтый цвет казачьих лампасов. Поезд время от времени курсировал от Хабаровска до Владивостока и наводил «государственный порядок» и «спокойствие» среди населения.

Он назывался «походной полевой гауптвахтой» атамана Калмыкова, иначе говоря — застенком, где предварительно перед смертью пытались и зверски истязались бесчисленные жертвы казацко-буржуазной диктатуры.

Много советских деятелей, красноармейцев, партизан, работников подпольных организаций, работавших по свержению Калмыкова и Колчака, нашло в этом вагоне ужасную, мучительную смерть.

★

30 октября 1919 года. Хабаровск.

Окруженный штыками и дулами наганов, я увидел, что настал мой конец. Но не было ни страха, ни горького разочарования.

Получив несколько ударов плетью по лицу и голове, отчего на минуту помутилось сознание, я был крепко связан.

Злорадству калмыковцев не было предела. Им было известно, что я один из руководителей организации, комиссар и вообще «важный советский деятель». Немедленно я был доставлен к начальнику калмыковского штаба Суходольскому. Осмотрев меня, Суходольский приказал «хорошенько допросить» и... ликвидировать.

— Ну, вот, все теперь будет по хорошему,—успокаивал Унинский — калмыковский «прокурор», когда меня повезли на извозчике в «вагон смерти». — Тебе будет хорошо и нам тоже. Предварительно я отрежу тебе уши, нос, выколю глаза, сдеру кожу, а потом уже подвешу к телеграфному столбу за ноги и сожгу.

— Убейте меня сразу, но не мучьте, — сказал я.

Палач рассмеялся:

— Это определенно. А пощекотать все-таки необходимо. Как ты думаешь, «товарищ»?

Всю длинную дорогу до вагона «прокурор» острил в этом же духе и в то же время «забавлялся» моим лицом. Рукояткой плети и браунингом он бил по лицу и голове. Губы, нос вспухли, лицо отекло кровью. Вывернутые назад и крепко стянутые веревкой руки делали невозможным какое-либо движение. Я вспомнил о стрихнине, который несколько лет хранил при себе на каторге, и горько упрекал себя в том, что своевременно не обзавелся ядом, несмотря на постоянное ожидание ареста.

В мою душу вползали гнусные, ядовитые, как змеи, слова:

— Что ты видел сегодня во сне?

— Ничего, — глухо ответил я, еле находя в себе силы и чувствуя, как задыхаюсь от подступившего к горлу клубка.

— Может ты не веришь в сны?

— Не верю.

— Ни в бога, ни в чорта не веришь?

— Ни в бога, ни в чорта.

— Ну, хорошо, сейчас приедем, и ты у меня уверуешь вот в эту нагайку. Видишь кровь? Это — кровь твоих товарищей.

Нагайка, с тремя пулями на конце, действительно была в крови.

Под'езжали к железнодорожным путям, на которых тянулись длинные составы товарных вагонов, калмыковские броневики и «желтый» поезд. Я в последний раз взглянул на грязное осеннее небо, умирающую природу, туда, где убегала в туманную и сырую мглу железная дорога и где одиноко маячил семафор.

Там, за городом, начинались длинные овраги, покрытые кустарником. То были места казни многих сотен товарищей.

Из вагона вылезли калмыковцы и с торжествующим хохотом за волосы и ноги втащили меня в вагон. Здесь я увидел размещенные по маленьким клеткам за длинной железной решеткой тела почти голых, с окровавленными лицами товарищей и едва мог узнать кое-кого из них. В первую минуту, под градом ударов, сыпавшихся на меня со всех сторон, я никак не мог понять, что делается вокруг. Всюду толпились и бегали калмыковцы; арестованные то втаскивались, то вытаскивались из вагона в вагон; слышалась отвратительная ругань, удары плетей, стоны, хрипенье.

— Подать сюда ребят!—скомандовал кому-то прокурор.

В соседнем вагоне, куда втолкнули меня, происходила уже настоящая систематическая работа палачей. Я видел, как под ударами цепей, шомполов и резин извивались голые тела. Нечеловеческие крики, взвизгивания, стоны истязуемых, тяжелые, глухие удары плетей сливались в дикий, ужасный гул.

— Замолчи, сук-ка!..—рычит сквозь зубы палач и с новым остервенением бьет плетью выбившуюся из сил окровавленную жертву.

— Ты не можешь! Дай-ка я его, суку красную, разделаю и покажу ему советскую власть, — перебивает другой калмыковец, и начинается истязание в две руки.

— Пощекочи его кинжалом, — советует кто-то из толпы.

В порядке очереди я был подвергнут жестокому, мучительному истязанию.

Целью истязания вовсе не было получение какого-нибудь показания, — все, даже самые мельчайшие, подробности о том, кто я и что делал в организации, были выданы предателями Лаптой и Заварзиным. Лапта присутствовал при всех допросах и давал показания о членах организации.

— Ты знаешь Бориса? — обращается к нему прокурор Унинский.

— Так точно.

— Кто он такой?

— Комиссар и главный организатор. Он подговаривал меня убить Калмыкова.

— Развернись, да, смотри, чтобы от всего сердца!—приказывает Унинский.

— Св-волочь!—зашипел Лапта и под дикий хохот окружающих стал бить меня стальной велосипедной цепью.

— Подопри штыком!

— Крепче, сволочь!

— Приготовь отбивную котлету!

Окровавленного и растерзанного, меня бросили на пол. Прокурор уселся писать протокол.

— Посадите и вытрите на нем кровь, — распорядился Унинский.

— Неужели вы считаете нас контрреволюционерами? — обращается он ко мне равнодушным тоном.

— Считаю, — совершенно механически ответил я.

Кто-то сзади сильно ударил меня по голове плетью.

— Неужели вы думаете, что нам нужен царь? Мы — революционеры не хуже вас, мы боролись и боремся за свободу. Вы еще не знаете, кто такой Калмыков и какой он революционер!

— Отведите его,—закончил Унинский.

Меня втолкнули в клетку. В каждой из них сидело до двенадцати человек.

★

Никто не удивился моему приходу, никто не задал ни одного вопроса, не было произнесено ни одного слова. Прижатые друг к другу, в ужасающей тесноте, босые, в одном нижнем белье, сидели еле живые товарищи. Каждому было понятно, что ожидает его, и потому каждое движение, каждое слово, произносимое шопотом, казалось таким ненужным и бесполезным. Мысль о смерти никого не страшила.

Несколько дней жизни, разделявшие моменты ареста и казни, были самыми мучительными и страшными.

Не проходило часа, чтобы кого-нибудь не вывезли из клеток и не подвергали на глазах у всех пыткам. Пороли бычачьими плетьми без счета, поливали кипятком и посыпали солью. Протыкали шомполом мягкие части тела и заставляли с'едать человеческие испражнения. Устраивались так называемые «забастовки», заключавшиеся в том, что сами арестованные должны были избивать друг друга насколько хватало сил. Приводили собак и заставляли проделывать над ними гнусные манипуляции. Пускались в ход и другие приемы, описывать которые—мерзко и гнусно. Все, что могло придумать воображение садиста-калмыковца, было пущено в ход. Дать полную исчерпывающую картину «работы» калмыковского застенка, характеристику главных палачей и руководителей убийств я не в состоянии, ибо это значило бы вторично пережить и перечувствовать все виданные и испытанные мной ужасы.

Однажды в «вагон смерти» зашел организатор казней Михайлов, один из самых жестоких и свирепых палачей шайки Калмыкова. В вагоне все замерли. Он обошел клетки, долго присматривался к арестованным и, наконец, рассадил одних по правую, других по левую сторону и приказал не меняться местами.

Судя по составу правой группы, которая состояла исключительно из «маловажных» по степени их участия в работе организации, можно было думать, что их ожидает во всяком случае не смерть.

— Вероятно на гарнизонную гауптвахту переведут из-за переполнения,—догадывались некоторые из товарищей и переглядывались между собой.

— Не на гауптвахту, а за семафор,—возражали другие.

Вся остальная часть дня до вечера прошла в зверских пытках и истязаниях товарищей преимущественно из правой группы. Товарищу Погудину —начальнику боевой дружины—прокололи кинжалом ладони рук; Марковцеву сожгли нос; других подвешивали к железной перекладине; третьим пороли грудь, живот и другие части тела. Все это происходило на глазах у всех арестованных. Я слышал, как некоторые из товарищей, закрыв лицо, глухо рыдали и что-то про себя шептали. Это был кошмарный день. В эту ночь я решил во что бы то ни стало убить

себя, но средств для этого не было никаких. Попытка вскрыть себе вены при помощи кусочка железа ни к чему не привела. У одного из товарищей я буквально украл коротенький ремешок, приготовленный им, очевидно, для той же цели, и сделал на шее петлю, но подвеситься на глазах у зорких палачей было невозможно, затянуть же петлю руками не хватило сил.

В ту же ночь к нашему вагону тихо пододвинули броневик. Из клеток стали выводить и вытаскивать полуживых товарищей и связывать веревками. Их было 21, в том числе одна женщина, тов. Болотина.

Темная дождливая ночь. Холодный ветер бушует в черном просторе Амура. Сердитые волны бьются о каменные утесы высокого берега. Длинный железный мост, фантастически освещенный ночными огнями, кажется висящим в пропасти черного безграничного пространства. По длинному коридору моста тихо пробирается поезд с потушенными огнями и останавливается, не доходя середины. Из бронированного вагона вытаскиваются один за другим замученные жертвы, сверкают шашки, кинжалы, раздаются предсмертные вопли и стоны и окровавленные трупы сбрасываются в черную бездну.

В «вагоне смерти» осталась группа наиболее активных работников организации. Теперь мы ежеминутно ожидали своей очереди—«за семафор» или на Амур—и недоумевали, почему с нами не торопятся.

Тем временем я и несколько других товарищей решили бежать какою бы то ни было ценой. В нашей клетке подобрались, несмотря на перенесенные каждым страшные пытки, сильные и решительные товарищи. Постоянное ожидание смерти закалило и крепко спаяло нас Предполагалось ночью произвести нападение на караул. Был разработан план, распределены роли, но, как и водится в подобных девяноста девяти случаях, плану нашему, в силу многих случайных обстоятельств, не было дано осуществиться. Я стал искать другого выхода.

Я принялся за выломку окна и железной решетки. Вначале дело показалось совершенно безнадежным. Однако, несмотря на невероятно бдительный надзор и караул, несмотря на мертвый режим вагона, где нельзя было даже разговаривать, и постоянный риск провала, за которым последовали бы самые зверские пытки, мне в течение шести-семи ночей удалось перехитрить зорких палачей и сделать чрезвычайно трудную работу. Слух, зрение, воображение, безграничная вера, энергия и изощренная до крайности хитрость сделали свое дело.

В то время нам стало известно, что Калмыков думает «судить» нас военно-полевым судом. Ему нужно было продемонстрировать нас перед «обществом» и показать, что у него тоже есть «государственный порядок» и что большевиков он убивает не как попало, а по суду. Тем не менее участь наша была давно решена Калмыковым: приговор был написан, а на нем—очень «выразительная» резолюция атамана: «Расстрелять к ..... матери».

На место убитых и замученных товарищей ежедневно приводились новые—в одиночку и группами. То были большей частью пойманные партизаны, крестьяне, солдаты. Истязания и пытки происходили обычным порядком. Каждую ночь из клеток выводились жертвы и вагон оглашался воплями и стонами. Иногда бывало, что сильный и крепкий партизан вырывался из цепких рук калмыковцев и метался по коридору. Поднималась страшная возня, давка и, наконец, под ударами шашек жертва падала, судорожно извиваясь в муках.

Выбивались глаза, зубы, отбивались внутренности. В клетках стоял трупный запах, изрубленные части тела гноились и кишели червями. Арестованным давалась в пищу горячая соленая вода. Все страдали от нестерпимой жажды и за каплю воды готовы были умереть. Для есте-

ственных отправлений заключенные выпускались лишь по особой милости дежурного палача.

Перед моим побегом была введена новая пытка: «раскрашивание носов», состоявшая в том, что нос ломался и кожа с него сдиралась совершенно. Операция эта производилась не сразу, а в несколько приемов. При этом произносилась какая-то рифмованная гнусность, которую я теперь не помню.

Моя работа подвигалась вперед медленно. Нужно было торопиться, ибо наступала последняя ночь. Завтра—позорная комедия калмыковского «суда», а затем смерть. Нужно еще усилие, последнее напряжение воли. Часовой мерно ходит взад и вперед, прислушиваясь к мертвой тишине ночи. За окном и в вентиляторе гудит вьюга, трещит жгучий мороз.

Я весь ушел в слух и лихорадочно, почти не дыша, продолжал свою работу. Товарищи спят на нарах и стонут, тревожимые кошмарными видениями. Двое из них изрублены шашками и плетьми и еле живы. Это были здоровые, крепкие деревенские парни-партизаны, спустившие под откос поезд с казаками. Пытки, перенесенные ими, не поддаются описанию; стойкость же их изумила меня. Наивный молодой партизан Давыдов не издал ни одного стона, не произнес ни одного слова о пощаде и к смерти относился с мужественным хладнокровием. В его светлых умирающих глазах я читал душевную чистоту и покорность неизбежному концу. Когда я принимался за окно, он смотрел на меня ясными глазами, в которых светилась надежда и вера в избавление от проклятой смерти.

Часа в три ночи, изнемогая от напряжения, я преодолел последнее препятствие: последняя рама была вынута, решетка отвернута и струя холодного воздуха ударила мне в грудь.

Я тихо растолкал своих товарищей и знаками распределил порядок побега. Определив слухом место часового, я босиком, в одном нижнем белье, вылез ногами в маленькое окно и упал с большой высоты в глубокий сугроб.

Мир казался несказанно прекрасным, когда я услышал ветер и увидел черный простор зимней ночи. Душа ликовала, сердце страшно билось в груди. Жажда жизни, свободы, борьбы с невероятной силой захватила мое существо, и я помчался в неведомое пространство. Позади меня трещали выстрелы калмыковцев, но я торжествовал победу и бежал через овраги и глубокие сугробы, падал от истощения сил, подымался и снова бежал.

Я понимал, что спасение можно найти лишь в городе, а не в снежной пустыне, и потому держал направление на город в надежде, что меня укроет кто-либо из оставшихся немногих товарищей. Но я попал в незнакомую окраину города, запутался в лабиринтах каких-то построек и только тогда ясно почувствовал, что я замерзаю: руки и ноги одеревянели и почти не действовали. Я упал головой в сугроб и долго не мог подняться, несмотря на все усилия. И только жуткая мысль, что я умираю, выплывшая с поразительной отчетливостью в сознании, поддержала меня. Царапаясь за снег и доски заборов, почти без сознания я дополз до квартиры, где жил товарищ.

Я был спасен, но руки и ноги были крепко отморожены. Только благодаря хорошему уходу жены товарища, которая лечила меня полтора месяца у себя дома, у меня не отвалились пальцы на руках, что случилось с другими бежавшими товарищами. Как я узнал потом, со мной бежало семь человек. Давыдов умер около самого «вагона смерти».

Оставшиеся в других клетках товарищи, «осужденные» полевым

судом к смерти, через несколько дней были увезены сербами и «дикой дивизией» к деревне Даниловке, около ст. Дежневка Амурской ж. д., и там переколоты штыками. Убийцы так торопились, что трое из казненных—тов. Сумарокин, Голубев и Яков Луненко,—получив неглубокие раны и будучи зарыты в снег, все-таки остались живы. Последний, имея шестнадцать штыковых ран, был подобран крестьянами и доставлен в переселенческую больницу в гор. Хабаровск, где спустя две недели умер. Это был смелый и отважный революционер, хорошо известный в Красноярске и Благовещенске.

Далеко за деревней, разделившись на группы по два и три человека, сербы штыковыми ударами прикончили товарищей.

— Помолись, товарищ,—сказал серб тов. Сумарокину, приставляя штык к его груди.

— Ну, держись крепче,—сейчас будем колоть!—и три штыка, вонзившись в грудь, с силой отшвырнули тело в сугроб. Серб ударил еще раз штыком, но другой остановил его и сказал:

— Довольно! Я попал ему в самое сердце.

★

Грозной стеной встают жертвы белогвардейского террора из братских могил, оврагов, застенков—с отрубленными головами, с зияющими ранами, с веревками на шее, с перерезанным горлом и сожженными носами. Тысячи, десятки тысяч мучеников социальной революции.

Это — мертвецы Коммуны.

САВВА КУРГУЗОВ

ТРИ БОЯ

Зима. Январь 1919 года. Амурская область стонет под плетью интервентов и белобандитов... Тысячи убитых рабочих и крестьян.

Амурская область большая. Пополам ее разрезает р. Зея. Земля, что от Зеи на запад — «Первый боевой район»,—председатель тов. Патрушев, а что на восток—«Второй боевой район», — председатель тов. Мухин.

Первый боевой приказ двух штабов рабочим и крестьянам:

«10 февраля 1919 года, в 6 часов вечера Амурская область об'является на осадном положении... Все граждане от 18 до 45 лет, способные носить оружие, мобилизуются... Со своим оружием и снаряжением (или без оного) Силы стягиваются на Энные пункты... Всем интервентам, белобандитам и паразитам труда армия советов об'являет войну». (Подписи).

С молниеносной быстротой заработали тысячи колесиков партизанской механики. Шлем: «Немедленно двигайте силы в 1-й район... Продовольствия хватит... К тому времени соберем силы»...

13 февраля армия второго района отдыхает в сердце первого района—в дер. Малая Пера. Идет усиленная организационная работа. К нам стекаются со всех концов голые, босые, с берданами, дробовиками, а кто и с пустыми руками. У этих только кулаки сжаты от ненависти. Идут к нам по непроходимым тропкам тайги тысячи. Приходят и говорят:

— Желаем разбить интервентов-белобандитов и установить советскую власть.

И собралось таких 5 тысяч.

15 февраля, 2 часа дня. Дер. Малая Пера. Мороз—42 градуса по Реомюру. 5000 человек слушают тов. Дрогашевского, главкома. Он читает «Положение о дисциплине в советской партизанской армии». Слова устава требуют и призывают. Тишина. Где-то редкая стрельба.

— Кто стреляет?

— Это, тов. Дрогашевский, наши. В Дубовке пулемет откопали, подчистили, собрали, пробуют, годен ли...

Читает дальше... Секунда молчания, и снова залпы.

И вдруг десятки испуганных лошадей мчатся во все стороны. Кто-то кричит:

— Японцы!!!

И от «Положения о дисциплине» переходим к приказу настоящей партизанской боевой дисциплины. Нет паники. Минута—и железное кольцо партизан охватило со всех сторон крохотную деревушку.

— Кавалерия, в бой!

Первым идет Пенжуков... Мучительно тянутся томительных 5 минут... Рапорт:

— Тов. главком, головной разведывательный отряд японцев в количестве 65 человек при двух белогвардейцах и одном белом офицере уничтожен. Пленных—один японец. Захвачено все. Не ушло ни одного человека...

Штаб заседает. Говорит главком:

— Многократно подтвержденные наши разведывательные данные говорят—мы в кольце. Из Благовещенска двигается белогвардейский 32 полк. Из Свободного и Гондатти по жел. дор.—японцы и белогвардейцы. По Серебрянскому и Ново - Ивановскому тракту идут японцы. По Шимановскому тракту и из Сычевки идут казаки. Все пути отступления отрезаны. Выход один—с огромными жертвами пробить Амурскую железную дорогу и отвести армию к северу до Желтоярово. Если промедлим—все погибнем. Численностью противник, во много раз превосходит наши силы... Двигаемся?...

Штаб единогласно ответил: «Да»... И через 30 минут 280 телег—обоз с партизанской пехотой и провиантом—по малоизвестной таежной тропе двинулся по направлению к деревне Чудиновой, к линии жел. дороги.

Шли всю ночь... Рассвет... Морозная завеса тумана—в 5 шагах друг друга не видно. 7 час. утра... Редкие выстрелы... И через минуту—огненное кольцо: мы налетели на засаду японского батальона пехоты в количестве 380 человек.

Позиция: направо—пологий склон к речке Юхте, налево—лесистые сопки, прямо—равнина склоном к речке, густо поросшая огромными соснами, лиственницами и низким густым кустарником. Налево за сопкой—обоз и кавалерия в прикрытии.

Команда: «5-й и 7-й ротам—в тыл противника!».

Команда из уст в уста передается по цепи.

— Нам лафа,—говорит Гришка Курносов: — японцы шпарят, разрывные пули над головой рвутся, а убитых нет.

Действительно, адский огонь японцев нанес бы нам колоссальное поражение, но спасает кустарник.

Я на возвышенности слежу за ходом боя. Со мной—ординарцы для связи и некоторые члены штаба.

Донесение. Читаю: «Нами взят один тяжелый пулемет».

Через 5 минут замолчал и второй японский пулемет.

С тыла послышались наши залпы, с фронта—«Ура!»... У японцев паника, беспорядочное отступление... Наша команда:

— Кавалерия, в бой!

С шашками наголо наша кавалерия врезалась в японские цепи...

Редко уже раздавались выстрелы.... Кавалерия доканчивала то, что начала пехота. Небольшое пространство снежной глади было густо усеяно трупами противника.

Ни один офицер и солдат японского отряда не ушел из этого боя. Один только японец убежал, и то в деревню Чудиново, где его убили старики-партизаны. Японский офицер оказался командиром этого отряда, генерал-майором Такахаси.

★

Мы отдыхали в дер. Чудиново. На улице пробовали захваченные в бою пулеметы и организовывали пулеметные команды. Прошло с полчаса, как у пулеметов была подобрана прислуга из 4 номеров к каждому.

— А теперь мы «самураев» пошлепаем из этих пулеметов,—говорил юркий низенький партизан, одетый в японскую шубу. — Мы им теперь покажем кузькину мать!

★

Донесение: «Несколько японских эшелонов при двух броневиках и с батареей высадились на раз'езде Юхта и занимают уже позицию».

Подбодренные двумя удачными боями, усталые и голодные, но с огромным энтузиазмом, снова ринулись партизаны в бой. Главком тов. Дрогашевский четырьмя густыми цепями повел партизанские колонны на линию огня.

И опять загрохотали орудия, заговорили десятки пулеметов и тысячи винтовок. Музыка смерти слилась в какое-то непрерывное гудение, будто миллионы кузнечиков заговорили в вечернюю пору. И только это однообразное жужжание часто нарушали разрывы тяжелых японских снарядов.

Клонило уже к вечеру, когда сообщили, что наши взяли японскую батарею...

Люди с обеих сторон дрались, как звери. Вопрос жизни всех партизан решался часами. Задача была поставлена просто: или мы должны спасти всех партизан и все партизанское движение—пробить Амурскую ж. д.—или погибнуть в лихорадочно сжимающемся кольце японо-белогвардейских отрядов.

Была уже ночь, когда наш многоверстный обоз с адским грохотом, по камням и мерзлым кочкам, пробирался через линию железной дороги. Сотни трупов японцев были разбросаны по тайге на месте боя... Из-за каждой сопки и куста раздавались оружейные и пулеметные выстрелы. Из броневиков ухали дальнобойные орудия.

В разных частях обоза и над головами рвались сотни снарядов, молнией прорезая ночное небо.

Но обоз гремел и мчался к намеченной цели...

★

Было ясное, снежное утро. Из-за Зейской равнины ползло все выше и выше огромное красное солнце. Наша армия разместилась в селах: Желтоярово, Красноярово, Гащенка и др. Отдыхая после жарких боев, партизаны спали крепким сном. Штаб поместился в Желтоярово, в большом доме, что стоит у самого берега реки Зеи.

Когда я пришел в штаб, там многие уже были на ногах, подсчитывая приблизительные результаты боев.

Вот наши потери:

Убито в боях—32 партизана.

Японцы изрубили раненых — 59.

Умерло раненых от мороза — 51.

Потери японцев:

Убито в боях—1228 человек. Ранено—около этого.

Мы захватили: два 3-дюйм. орудия, 360 снарядов, 3 пулемета, 71 тысячу патронов, более тысячи винтовок, много медикаментов, обмундирования, снаряжения, денег и пр.

Все таежные трофеи—орудия, снаряды, пулеметы и др.—стояли на улице, около штаба.

Время близилось к обеду, когда было дано распоряжение двигаться дальше. Улицы уже были запружены народом. Поднялся сильный ветер.

Огромное красное знамя, что стояло у ворот штаба, от силы ветра рвалось и трепетало высоко в синеве. И светлую даль прорезали огневые слова, выписанные золотыми буквами на алом полотнище:

«Да здравствует советская власть!».

Люди ходили веселые, радостные, как будто бы был огромный праздник...

САВОНОВ - АМУРЦЕВ

„СОЛОВЕЙЧИК“

(Отрывок из повести „Амур в огне“)

Июльское солнце клонилось к закату. Нервно и какими-то урывками прыгало оно в тучевых заплатах.

Изредка, шурша по густому кедровнику и ели, пробегал северный ветер и с каким-то затаившимся легким шопотом с сопки на сопку переносил вчерашнюю быль тайги.

Это—там, на верху сгорбившихся перевалов амурских гор, а ниже, в долине, стояла тишь.

И тихий говор горного ручья, и редкое ржание-перекличка отрядных коней, расставленных вблизи стойбища, казалось нисколько не нарушали таежного спокойствия.

У самого ручья, что извилистой лентой, словно чешуя змеи, блестел вдоль широкой поросшей долины, маленькими бугорками разбросались наскоро сделанные не то шалаши, не то землянки партизанского отряда «Черный ворон».

Видно было, что отряд прибыл недавно, так как по всему стойбищу кое-где валялись неприбранные седла и снаряжение, а сами партизаны спали крепким сном, как спят после больших переходов.

Вблизи средней землянки не торопясь ходил полувооруженный человек — по виду дневальный,—урывками тихо напевая какой-то несложный мотив старинной русской песни.

Иногда он останавливался, прислонялся к стволу дерева, доставал записную книжку из парусиновой сумки и, переставая «мурлыкать», делал какие-то записи.

Про него, про этого дневального, партизаны говорили коротко:

— Семка — это поэт,—и тут же незлобно смеялись. Кто-то из неизвестных рифмачей и песню про Семку сложил:

«Сидит Семка на кусту,
Стихи пишет попусту»...

Это—раньше. А теперь, когда в отряде все чаще хором стали петь написанную Семкой песню «Тайга»—этих двух строчек уже не пели. Зато он, Семка, гордый в своей победе и в том, что его песня в ход пошла, с новой и большей охотой принялся за новые стихи.

С того времени Семка всегда писал. Может и сейчас, стоя на посту, он подбирал какие-нибудь таежные рифмы...

...Из двери землянки выползла высокая и грузная фигура командира в кожаной потрепанной годами тужурке. Крест накрест на нем висели открытые по обеим сторонам патронташи наганных пуль.

Командир остановился и подозвал дневального.

— Разведчиков сюда!—как-то необычно громко скомандовал он, когда Семка, на ходу заталкивая в боковой карман записную книжку, подошел ближе.

И уже мягче добавил:

— Пишешь? Ну-ну—и то дело,—и улыбнулся.

Семка виновато оправдывался:

— Пишу-у... как же...—и, круто повернувшись, кинулся в землянку разведчиков.

Командир вернулся не сразу. Он долго смотрел в сторону большого перевала Кульдур-хребта. А когда над головой совсем близко пролетел таежный коршун,—сказал командир:

— Эх, нам бы такого, только чтоб бомбы с него бросать можно было.

А Семка тем временем долго и с трудом тормошил спавших Соловейчика и Бондаренко и далеко не по «писательски» обкладывал их запрещенными прилагательными словами.

Соловейчик и Бондаренко были лучшими разведчиками партизанского отряда «Черный ворон».

Только-что вернувшись с разведки, не успев отлежаться как следует, они получили новое задание: пробраться через Кульдур-хребет и выяснить силы казачье-японского карательного отряда.

— Твоя деревня—тебе и итти, — похлопывая по плечу Соловейчика, говорил командир, и тут же вразумлял:

— Смотрите, чтоб все там шито-крыто. Поняли? Ну, идите...

Соловейчик шел к командиру нехотя, а когда услышал про казаков да про свою деревню, выпрямился во весь рост и лихо ответил:

— Есть! Не впервой ведь.

...Ниже к ручью какой-то отрядник изо всех сил тянул к месту водопоя упирающуюся лошадь. Повод лопнул и тащивший партизан. не успев схватиться за куст, нырнул в отгороженную яму.

В другом конце стойщиба тихо заиграла «тальянка». Там же показались маленькие язычки разгоравшегося костра.

Соловейчик сел.

Из группы от костра, сперва невпопад, потом все стройнее, полилась знакомая песня:

...Встречает всех нас весело тайга.
Здесь в каждом уголке кипит борьба.
И с деревни, и с заводов
Собрались мы, чтоб свободу
В битве для народа отстоять.

Гармошка без слов повторила последние две строчки.

На третьем куплете чей-то высокий тенор. заглушая остальных, почти речитативом выкрикивал:

Тайга у нас должна советской быть,
Захватчикам всех стран—урежем прыть.
Тем, кто лезет в наши сени,
Мы «закон тайги» применим,
Но тайгу без боя не дадим.

Гармошка опять повторила последние две строчки. Из землянки вышел Бондаренко. Сумерки сгущались.

С севера на склон неба наваливалась черная, грозовая туча.

Языки костра зайчиками перебегали по стволам деревьев, причудливыми тенями взбирались дальше к верхушкам и таяли, расплываясь, в темноте ночи.

В поющей группе у костра тот же высокий тенор заключал:

Шуми ж сильнее листьями, тайга.
Нас буреломом не сломит никогда.
Мы с тобой сроднились в буре,
Пусть в Москве и на Амуре
Наша песня громче прозвучит.

Соловейчик не шевелился.

Гармошка вместе с хором перешла на какой-то другой тягуче-заунывный мотив, усиливавший густоту и без того сгустившихся сумерок.

Бондаренко подошел и сел рядом.

Выпущенная из рук винтовка чуть откатилась вниз по ногам.

Из-за туго перетянутого ремнем пиджака высунулся край полубелого хлеба, предусмотрительно захваченного в дорогу, откинулся увесистый револьвер.

Несколько минут оба молчали.

Вторые свертки «собачьих ножек» давно потухли. Разведчики не шевелились.

Наконец Бондаренко спросил:

— Ну, що-ж, ходим, чи що?

— Раз «ну»—значит «ходим»,—передразнил Соловейчик, и минуту спустя оба разведчика нырнули в темноту тайги.

Гроза с севера надвигалась.

...На перевале Кульдур-хребта подул свежий верховой ветер. Тайга внезапно зашумела.

Послышался вой бродячего волка. Испуганно протявкала росомаха. Где-то совсем близко, распоров небо, ударила молния. Начался ливень...

...Медвежьей тропой, наощупь и невпопад шли разведчики.

Густо переплетенный кустарник обхватывал тело, цеплялся за ноги, не давал ходу.

Бондаренко грузно перелазил через валежник, неловко цеплялся за оттопыренные сухие отростки и на каждый задетый сучок вешал крепкий украинский «мат».

Тайга ревела с каким-то зловещим свистом. Недалеко впереди Соловейчика закружившийся бурелом с треском повалил два кедровника и, перевернув их, положил поперек тропы.

Разведчики остановились.

— Дальше итти нельзя. Надо ждать конца этой чертопляски,—проворчал Соловейчик. Свернув с тропы, оба разведчика приткнулись к толстому стволу вековой лиственницы...

★

У костра

Веселым треском пыжились кедровые шишки разгоравшегося костра, быстро и далеко отбрасывали они небольшие горящие осколки, и яркое пламя красно-синими и остроконечными столбцами, поднимаясь вверх, сливалось с густотой вечерних сумерок.

Вблизи костра, на небольшом возвышении, в полуоборот к огню, опершись локтями на оба колена, сидел старый партизан «батько Овчар».

Увесистая трубка, выдолбленная из сучка черной березы, с длинным тальниковым мундштуком, едко дымила. Набитый махоркой чубук отсвечивал при затяжке, точно блестящие зрачки таежного волка.

Овчар не шевелился, словно застыл с трубкой. Только изредка, когда языки костра мельчали, нехотя подбрасывал сухой хворост в перемежку с кедровыми шишками и, «зарядив» трубку новой порцией, принимался в десятый раз повторять недопетые отрывки, тихо, неторопливо, как поют «для себя».

Ах ты, трубка, друг мой тайный,
Как мне тебя да не любить?
Кады курю, то дым пущаю,
А ен взвивается кольцом...

В стороне, ниже Овчара, растянулся на земле шестнадцатилетний Гошка, по прозвищу «Свистун». Он прищуренными глазами следил за появлением новых звезд на черном полотне неба.

А еще ниже, скорчившись над записной книжкой, лежал Семка—«сверхштатный» поэт отряда.

Тихо до жути. В такой вечер хотелось только молчать и думать.

— Овчар, а Овчар?,—наконец обратился Гошка.

— Ну?

— Откуда звезды, Овчар?

— Звезды? Не знаешь?

— Не знаю,—сознался Гошка.

— Дурень. Учить надо, вот что.

— А ты знаешь?

— Я? Гм... Откуда? Звестно откуда...—с неба.

— А небо? — не отставал Гошка.

— Небо?.. Небо, братец ты мой, появилось... появилось... А чорт его знает, откуда оно появилось! Да ты чего пристаешь? «Откуда», «откуда»? А я почем знаю, откуда?

— Знать охота...

— Знать... знать. Учиться надо было!—уже смущенно, но не злобно ворчал старый партизан и, чтобы скорее отвязаться от Гошки, начинал недоконченную песню:

Я сижу да на пенечке,
Свою трубочку курю,
Эх, никак милку не дождуся,
Рассержуся и уйду...

Гошка лежал, не спуская глаз с неведомой тайны звездного неба. Он тщетно силился разгадать их «необ'яснимый» блеск, их дуговые полеты и, не найдя ответа, досадно шарил пальцами в взлохмаченной шевелюре.

— Овчар, а Овчар?—начал опять Гошка.

— Ну?

— Кисет есть?

— Ну?

— А табак?

— Да ты что хочешь?

— Дай закурить.

— Бумаги нету, — отозвался Овчар и смачно сплюнул в горевшую головешку.

Из землянки шумным табуном вывалили партизаны, и сразу их многоголосый гам трехкратным эхом прокатился в низовьях долины.

Сидевшие у костра не шевелились. Только Семка, которому видимо помешал крик партизан, недовольно сложил записную книжку.

— Робя, айда к Овчару!—крикнул Денисов и, как бы желая настоять на своем, сам первым направился к костру.

— Сидишь, батько? — улыбнулся Денисов.

Овчар с'язвил:

— Нет, лежу... разуй глаза.

Подошедшие партизаны рассмеялись, а Денисов, чтоб сгладить неловкость, упрашивал:

— Ты что, ровно злой какой?... Не гоже... Не хорошо так... Свои ведь,—и, опустившись на колени, стал неторопливо подвигать обгоревшие сучья.

А Овчар уже смягченно сознавался:

— Да я штоэ... Я и не злой вовсе. А только зачем спрашивать, коли глаза во лбу даны?...

Денисов пошел на примирение.

— Ты рассказал бы чего.

— О чем это?—отозвался Овчар.

— Да хоть о чем.

— Расскажи, как женился, — вскочил Гошка, и тут же к чему-то по-детски захлопал в ладоши.

Другие подхватили:

— И то, батько.

— Расскажи, Овчар!

— Просим!

— Голосовать будем, по большинству.

— Рассказывай!...

Овчар хотел отказаться, но вспомнил, что раз «по большинству»— значит крышка, таков порядок.

Выдержав подольше, как подобает перед торжественным воспоминанием, Овчар начал:

— Давно это было, больше трех десятков, считай... Поехал отец в соседнюю деревню. Смотрю—привозит...

— Кого?—не утерпел Гошка.

Овчар смачно отплюнулся.

— Стешку... девку одну... Степаниду Власьевну... В жены, стало быть... Да-а...

— Ишь ты,—вставил Денисов.

— Смотрю я на Степаниду Власьевну, она на меня смотрит, а об чем говорить—не знаем...

— Ха-ха-ха!... Ловко!—не удержался Денисов.

— Спектакля вроде!

— Ну, а она что?

- Тише, базланы, кончить дайте!

— Сел я рядом,—продолжал Овчар,—и опять молчу. Стыдно, ей пра. Опосля осмелился. Взял за руку, в глаза глянул, спрашиваю:

- А у вас, Стешенька, куры несутся?

— Несутся,—говорит.—А у вас?

— Тоже,—говорю,—несутся.

— Вот так и женились,—закончил Овчар, отстегивая кисет за поясным ремнем.

Партизаны смеялись. Долго и весело перебирали вкось и наизнанку рассказ Овчара, урезали и добавляли собственными словами, пока Денисов, как-то произвольно сделавшийся вроде дирижера на этом самодеятельном вечере у костра, пробасил:

— Братва, ша-а! Тожно Семка стишки бы зашпарил, а?—и круто в упор повернулся к Семке.

Остальные поддержали:

— Айда, Семка, выкладывай!

— Не жмись, все едино вечорка...

— Да-в-а-й!

Семка поднялся в позу, откашлялся порядком и, когда все стихло озаглавил:

ТАЙГА НОМЕР ДВА.

— Валяй! Про тайгу звестно лучше,—вставил кто-то.

— Роднее,—добавил Денисов и присмирел.

Семка начал:

— Я люблю тайгу не потому, что пылок,—
Я ведь всю ее излазил сам,
Знаю в сопках тысячи тропинок,
По которым заходил под небеса.

Мало знать, что где-то там, далеко,
Где бубнит молитву гольд богам,
На горбатых сопках Дальнего Востока
Громоздится хмурая тайга, —

Надо видеть, как дубняк шуршит,
Надо слышать, как томятся кедры,
И уметь найти в таежных недрах
Старые, гнилые шалаши.

Партизаны молчали. Тихо, настороженно, точно на лету, ловили Семкину правду стихов. А Семка, выждав время, продолжал:

Надо мысли близко кинуть в память,
Широко раскрыть над памятью глаза,
В ней идут тяжелыми рядами
Крепкие отряды партизан.
Обо всем в тайге расскажет шорох,
Никогда о том не промолчит,
Как взрывались в сопках пули, порох,
Где уступами взрываются ключи.
Если выйти по таежным тропам
На большой горбатый перевал,
Там, в заросшие кустарником, окопы,
Черный кедр, состарившись, упал.
Я люблю тайгу не потому, что пылок, —
Я ведь всю ее излазил сам,
Знаю в сопках тысячи тропинок
И винтовок помню голоса...

Партизаны молчали, боялись перебить мысли. Только батько Овчар, переложив трубку, тихо растянул:

— Да-а-а...—и смолк.

Семка неровно выдохнул, чуть отошел от костра к кривуну ствола, прижался спиной на изгибе и застыл, как и все остальные.

Мимо группы у костра, размахивая руками, тенью проскочил какой-то партизан и, свернув в сторону, шмыгнул в дверь штабной землянки.

Оглянулся один Денисов, и когда тот скрылся—пробасил:

— Хорошо... Тожно вот как ловко.

Другие молчали. Только Архип Заглоба, вытащив гармошку, на которой сидел, начал тихо перебирать по клавишам.

В землянку на окрик командира вбежал ночной постовой и, минуту спустя, по стойбищу резким эхом пронесся трубно-отрядный сбор.

Долина ожила внезапно.

Откуда-то из разных мест выскакивали люди, на ходу прилаживали патронташи и подсумки. Каждый старался раньше другого прибежать к месту сбора...

...Из двери штабной землянки вышел командир и вслед за ним разведчик Бондаренко.

Все отрядники, столпившиеся в центре, стихли, ровно притаились в ожидании...

— Товарищи! — глухо и на этот раз тихо выдавил командир.— Соловейчик... тово... не вернулся... Каюк, стало быть, — и снял шапку.

Молча, точно по команде, склонили головы, застыли в оцепенении. Только Денисов как-то совсем некстати выкрикнул:

— Соловейчик? От чорт, да как же так?—и тут же расплакался.

Сзади отряда, в куче густого кустарника, показалась чья-то голова, повязанная темно-цветистым платком, а потом и вся фигура. Раздвинув кусты, она осторожно вышла к отряду, слилась в толпе. Никто не заметил, как пришла женщина.

Командир встряхнул головой, точно отгоняя навязчивые думы, и уже ровнее, как всегда, добавил:

— Смену надо .. Соловейчику смену. Кто в разведку?

Отрядники зашевелились. А в это время, протискиваясь среди партизан, в передний ряд вышла женщина и, подойдя к командиру, твердо отчеканила:

— Я ...—и, повернувшись к отряду, выкрикнула: — Я в разведку!

Отряд застыл в изумлении, недоуменно переглядываясь. И заговорили только тогда, когда Овчар, сплюнув через трубку, заключил:

— Баба... Не гоже это.

— Звестно не подстать.

— Откуда взялась?

— Тью-ю!... Партизан в юбке!

— Поваром бы, а не в разведку.

— Узнать надо, откель птица. Може белячка?

— Повылазыло .. ны бачишь хиба?

— Тью-ю!...

Денисов издали, ослышавшись в голосе, сверлил глазами по темной фигуре в темно-цветистом платке, а когда, как и другие, протискался в круг,—узнал.

— Наська!—кинулся Денисов.

Легко подхватил ее на руки, крепко, забыв про остальных, поцеловал на глазах у всего отряда и, выпустив, отрекомендовал:

— Наська—сестра...

Голоса разрослись:

— Вот те фунт!

— С братом вместях-от!

— А ты—«белячка»! Нако-сь, выкуси!

— Пущай в разведку!

— Братва, да ведь баба ж?

— Это не хфакт, може тебя лучше?

— За старое не цепляйся, не затем бьемся!

— П-у-щ-а-й!

Командир поднял руку и, выждав, когда все стихли, зычно в тишину выбросил:

— П-о к-о-н-я-м!..

...Через некоторое время партизаны, перебрасываясь шутками по поводу Наськи, покинули стойбище.

Только батько Овчар, понукая клячу сзади отряда, ворчал:

— Баба она,—не гоже это...

КОМАРОВ

1920 ГОД

Участник партизанского движения тов. Г. И. Комаров написал воспоминания-записки о борьбе партизан Дальнего Востока и Забайкалья с белогвардейщиной и интервентами.
Озаглавлены они „1920-й“
Даем из этих воспоминаний три главы.

Инструктора

Все партизаны в сборе. Шум невообразимый. Можно только разобрать отдельные выкрики:

— Расстрелять!

— Выгнать к чортовой матери!

— Переколоть их!

Эти выкрики относились к прибывшим инструкторам.

Прибывшие прошли на середину казармы. При первом взгляде на партизан ни в коем случае нельзя было подумать, что вот эти оборванные, обросшие, грязные люди, собравшиеся в кружок, шумящие как грозный поток взбушевавшейся горной реки, представляют из себя силу, способную противостоять хорошо обученным и вооруженным до зубов интервентам и белобандитам.

Партизаны стояли посредине казармы. Многие из них в грязной одежде и в сапогах стояли прямо на нарах, где у изголовья валялись какие-то грязные свертки вещей, заменяющих им постели. Нары, на которых лежали вещи партизан, мало чем отличались от давно не мытого пола. На нарах обедали, за неимением столов, разливали суп, сорили хлебные крошки. Стены казармы—грязные, местами с обитой штукатуркой. Создается впечатление, что здесь не жилая казарма, а давно пустовавший сарай. Но здесь были люди. Те люди, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть интервенции и борьбы с белогвардейскими полчищами в Забайкальи и на Дальнем Востоке. Встревоженные приездом бывших офицеров в качестве инструкторов, партизаны горячо обсуждали важный для себя вопрос: как поступить с прибывшими?

Инструктора Зудин, Жуков и Уфимцев пролезли в самую гущу возбужденно спорящих людей. Партизаны, удивленные их смелостью, расступились.

К Жукову вплотную подошел один партизан и, заломив шапку на бок, грубо спросил:

— Говори, кто вы? Откедова заявились? И зачем?

Шум понемногу стал стихать. Партизаны ждали ответа. Все смотрели на Жукова. Это был среднего роста человек, очень тщедушный на вид. Его взгляд на первый раз казался очень суровым. На самом деле это был добрый, безобидный и очень спокойный человек. Жуков так был худ, что на первый взгляд создавалось мнение, будто он только-что выписался из госпиталя после долгой, тяжелой и изнурительной болезни. Одет он был, как и все остальные, в английское офицерское пальто, которое висело на нем как мешок. В пальто можно было свободно поместить двух таких, как Жуков. Но, несмотря на свое офицерское пальто, Жуков был полон ненависти к белогвардейцам и ин-

тервентам, готовности бороться с ними до конца. Пребывание продолжительное время на фронте, германский плен изрядно издергали его нервы, но он все же прекрасно владел собой. Спокойно посмотрев в глаза нахально задавшему вопрос партизану, Жуков без смущения ровным голосом ответил:

— Я и некоторые мои товарищи приехали сюда из германского плена. Приехали, чтобы помочь вам выгнать интервентов, ликвидировать белогвардейские банды и вместе с вами строить новую, светлую жизнь...

Разговоры утихли. Партизаны внимательно прислушивались к ответам Жукова.

— Я—крестьянин Орловской губернии. Пробраться домой из Германии нельзя было, так как вся Советская Россия окружена кольцом белогвардейцев и интервентов. Единственное, что можно было сделать,—это пробраться в Сибирь. Вот я и решил поехать прямо сюда. Тем более, что мой отец и два брата перед самой войной из-за малоземелья переселились в Тобольскую губернию... Что же касается других товарищей, — и Жуков окинул взглядом тех, с кем вместе пришел в казарму, но которые держались в стороне,—ничего точно сказать не могу,—их целей я не знаю, но у стоящих рядом со мной двух товарищей—Зудина и Уфимцева—стремления одинаковые со мной. Уфимцев—крестьянин, Зудин—рабочий с завода...

— А чем ты докажешь, что ты и верно крестьянин?—крикнул кто-то из толпы. — Теперь все офицеры и помещики перекрасились под крестьян и рабочих!

Жуков, повидимому готовый к любому вопросу, спокойно вытащил из кармана сложенный листок и показал партизану. Это была издающаяся в Германии на русском языке газета «Социалистический вестник», в которой напечатано его об'явление о розыске брата Федора и земляков из села Парамонова.

Партизан немного смутился и сконфуженно замолчал.

Задавали вопросы Зудину и Уфимцеву. Зудин—рабочий с Путиловского завода, веселый и смелый парень. Роста он такого же, как и Жуков, но несколько плотнее. Он, как и Жуков с Уфимцевым, хорошо знал, что неприветливая им будет встреча на первый раз в родной стране, знал, что много придется перетерпеть незаслуженных обид, но все же, рискуя жизнью, решил во что бы то ни стало пробраться в Советскую Россию и отдать всю свою силу, свою энергию и свои знания на борьбу за диктатуру пролетариата. Теперь он—среди тех партизан, которыми восхищался еще будучи в плену. Отвечал он бойко и непринужденно.

В казарме стало немного тише.

Резкой противоположностью Зудину был Уфимцев. Отвечал он коротко, односложными словами. Сын крестьянина, до самой военной службы работал с отцом в сельском хозяйстве и не имел такого развития, какое имел Зудин, выросший на заводе. Он готов был больше слушать, чем рассказывать. Поэтому партизаны, задав два-три вопроса, оставили его в покое и опять начали осаждать вопросами Жукова.

— А вон те, что стоят у окна, кто такие?—спросил один партизан.

— Этих вы лучше сами спросите: я их очень мало знаю,—отвечал Жуков.—Знаю только, что они не из рабочих и не из крестьян. Из разговоров с ними я понял, что отцы их как будто бы какие то мелкие царские чиновники.

В это время в казарму вошли командир батальона и военком. Ко-

манды никакой не было. Шумели все попрежнему. Только кто-то от дверей крикнул:

— Тише, товарищи! Командир с военкомом пришли...

Командир батальона Семен Гладков и военком Слобода вошли в круг партизан. Гладков был высокого роста. Его внушительная фигура, энергичный голос, сильная воля и живой ум привлекали к себе партизан. Они его выбрали командиром батальона, дорожили им и выполняли все его боевые распоряжения беспрекословно. Пользуясь громадным авторитетом партизан, Гладков решил принять прибывших инструкторов и с их помощью создать из своего отряда крепкую и боеспособную часть. Сам он, унтер-офицер старой армии, пробывший около двух лет на германском фронте, имел богатый опыт и в учебе и в боевой обстановке. Но что он мог сделать один, не имея у себя хорошо знающих военное дело людей? Правда, в батальоне был один человек, имеющий военное образование,—бывший штабс-капитан тов. Апрелин, который с партизанами более года бродил по тайге, сжился с ними и они вполне ему доверяли. Но Апрелин все время был в разъездах по служебным делам.

Хорошим помощником по воспитанию масс был военком Слобода. Но Слобода не был военным человеком. По профессии он — сельский учитель. Многие из партизан знали его еще до поступления в отряд и уважали наравне с Гладковым. В противоположность Гладкову военком был маленького роста, но довольно коренастый, с приятным голосом человек.

Гладков поздоровался с партизанами. Ему как-то недружно ответили. Военком понемногу навел порядок и открыл собрание. Первое слово по информации было предоставлено командиру батальона. Гладков взобрался на табуретку.

— Товарищи! К нам приехали назначенные Военсоветом Приморья инструктора. Они будут обучать вас военному делу.

Комбату не дали говорить. Раздались крики:

— Не надо нам господ офицеров!

— Подумаешь, учителя нашлись!

— К чортовой матери их!

Гладков быстро восстановил порядок.

— У нас военных специалистов нет,—продолжал он,— а для того, чтобы победить белогвардейцев, выбить интервентов, нам надо быть военно хорошо грамотными, опытными. Учиться же нам не у кого...

— И не надо!—крикнул кто-то.

— А учиться надо,—повысив голос, продолжал комбат.—Поэтому мы должны принять этих товарищей...

— Нам господа в товарищи не годятся!—перебил комбата чей-то голос.

— Мы беляков били и без них...

Поднялся опять шум. Гладков, всегда обычно сдержанный и хладнокровный, на этот раз не выдержал. Комбат стал говорить гораздо резче. Видно было, что его начали выводить из терпения...

— Если вы не хотите принять инструкторов, значит вы не хотите учиться военному делу, не хотите раз и навсегда покончить с белобандитами и интервентами,—закончил свою речь комбат.

Последние слова комбата подействовали на партизан. В казарме стало тихо.

Слово берет военком Слобода. Он говорит о том же, о чем и Гладков.

Он призывает партизан к организованности, к выполнению приказов командования, к сплочению вокруг коммунистической партии.

— Ишь, уговаривает, словно маленьких ребятишек! — раздался чей-то голос.

Выступил молодой партизан.

— Еще не зажили раны у наших товарищей от вчерашних боев с белыми, а к нам присылают новых. Эти господа и раньше продавали нас, продадут и теперь, только дай им волю! И поэтому, чтобы не присылали нам больше таких инструкторов, я вношу предложение — этих расстрелять... Правильно я говорю, товарищи?—и он осмотрел всех.

— Правильно!... Расстрелять!... К стенке их!...—послышалось в ответ со всех сторон.

Слова попросил партизан Николайчук. Это был выше среднего роста, худощавый, лет 27 на вид человек. Он спокойно начал говорить:

— Расстрелять их мы всегда успеем, если понадобится. Сперва надо их проверить, узнать — может они и вправду пригодятся нам. Они хорошо знают военное дело, научат и нас. А мы ведь не маленькие дети: разве мы не увидим, чему нас будут учить? Если они будут гнуть не туда, куда надо, а на пользу нашим врагам, то тогда уж верно: расстреляем! А сейчас надо проверить их, пускай они позанимаются с нами. Я предлагаю отнестись к ним на первый раз по-хорошему.

Слова Николайчука подействовали умиротворяюще. Выкриков с мест стало меньше. Многие уже сами стали одергивать крикунов.

Опять выступил Слобода.

— Нам инструктора нужны до зарезу, товарищи! Они помогут нам встать на ноги и овладеть имеющимся у нас оружием. Ведь многие из нас до прихода в партизанский отряд не держали даже простого ружья в руках. А что мы сейчас из себя представляем? Толпу людей с винтовками, и только, но никак не воинскую часть. Нам надо слиться в крупную боевую единицу, способную не только обороняться, но и выдерживать бои против сильнейшего противника. И товарищи инструктора помогут нам в этом. Голосовать здесь не приходится. Их прислали нам как руководителей в военной учебе. Мы должны подчиниться и приказу и рассудку.

Затихли партизаны. Угомонились.

Инструктора были приняты...

После обеда инструктора стали прорабатывать вопрос о завтрашнем занятии. Никаких пособий и руководств по обучению войск в батальоне не было. Решили приступить к занятиям с одиночного обучения бойца по старому уставу, но и этого устава не нашлось. Надо восстановить в памяти. Вспомнили, восстановили. Внесли кой-какие изменения. Решили обучать только тому, что в данный момент приемлемо в условиях партизанского быта, отбросив муштру, которая всем противна была в царской армии.

★ Учеба

Вечером комбат Гладков вызвал к себе в канцелярию инструкторов.

— Я хочу поговорить с вами, товарищи, о завтрашних занятиях, о дальнейшей учебе. Не буду скрывать от вас, что сам я в учебе, по теории не особенно силен: я ведь только окончил учебную команду в старой армии и был унтер-офицером на позиции. Знания мои и в грамоте и в военной учебе не велики, да и из того, что знал, многое перезабыл. Теперь мне приходится командовать батальоном. Да каким еще батальоном-то! Вы сами сегодня видели, что он из себя представляет. Нам как можно скорее надо приняться за постоянную учебу, чтобы не дать партизанам слоняться без дела и заниматься глупостями. Вот

на вас-то я и хочу возложить всю тяжесть этой учебы. Вы знаете больше меня, да и забыть еще не успели, а я со своей стороны постараюсь оказать вам нужную в этом деле поддержку.

Долго и подробно говорил Гладков с инструкторами. Все было продумано, взвешено. Для начала составили недельное расписание занятий.

После того, как покончили со служебными делами, перешли на личную беседу.

— А как вы себя чувствуете, товарищи? — спросил комбат.

— Чувствуем себя пока скверно, товарищ командир, — отвечал Жуков.—Сегодняшнее собрание у некоторых товарищей прямо-таки выбило почву из-под ног и они пали духом. Если бы только одно собрание,—а то ведь травля и сейчас продолжается. Вот, например, сегодня на кухне...

И Жуков с Зудиным подробно рассказали комбату, что пришлось перетерпеть инструкторам, когда они вместе с партизанами стояли в очереди за получением обеда: злые шутки, издевательства, матерщина и свист по адресу инструкторов.. Особенно живо и интересно рассказывал об обеденном эпизоде весельчак Зудин — он был большой мастер рассказывать. Даже наиболее недовольные партизанами хмурые инструктора Холщевников и Хрущев смеялись от души, слушая его рассказ.

— Больше таких издевательств не будет, товарищи!—твердо заявил Гладков.

На этом разошлись. Вернувшись к себе в помещение, инструктора долго еще вели между собой беседу. Поговорили о предстоящих занятиях, вспомнили про товарищей, оставшихся в германском плену. При воспоминании о плене Хрущев, тяжело вздохнув, с горечью сказал:

— Лучше бы я еще страдал год или два в германском плену, чем ехать сюда и выслушивать незаслуженные оскорбления от партизан. Там я, если порой и голодал, зато был спокоен. А здесь что?

— Ничего, товарищи! Терпенье и труд все перетрут! — весело сказал Зудин.

— Нет, уж если не лежит к этому сердце, если на душе полнейшая ко всему апатия, то какое же у меня будет желание к занятиям, тем более зная, что они на меня смотрят как на врага, — говорит Холщевников.

Холщевников был сын богатых родителей, пользовавшихся при царизме привилегированным положением. Он был очень хитрый, скрытный, жуликоватый человек. Любил выпить, поиграть в карты. Обладая всеми этими отрицательными качествами, ему трудно было перейти на одинаковое со всеми положение.

Хрущев дружил только с Холщевниковым, но был противоположностью последнему, хотя он тоже сын богатых родителей, тоже «баловень судьбы».

— Ну что ж! Подзаймемся насколько хватит сил, — сказал Хрущев.

— Главное — лишь было бы желание. К занятиям ведь нам не привыкать, — добавил Уфимцев. — А поскольку мы сюда ехали для того, чтобы принять участие вместе с рабочими и крестьянами в борьбе с белогвардейцами и интервентами, то уж надо заниматься и учить партизан военному делу.

Холщевников и Хрущев промолчали. Поговорив еще немного на отвлеченные темы, инструктора улеглись спать.

Утром 23 марта вышли на первые занятия новых инструкторов с партизанами. Жуков был назначен в 1-ю роту, Зудин — во 2-ю.

Начали с упражнений в стрельбе. Жуков построил роту, разбил на взводы и отделения и приказал взводным командирам заниматься прицеливанием, причем так, чтобы номера первой шеренги занимались с товарищами, стоящими им в затылок. Сам Жуков стал заниматься с первым взводом.

Только-что начались занятия, вдруг раздался голос:

— У меня пары нет, в затылок мне никто не стоит. Мне здесь делать нечего! Я лучше пойду к себе в казарму...—И партизан спокойно, с ружьм наперевес, направился к казарме.

— Подождите, товарищ! — остановил его Жуков. — Почему вы без разрешения уходите с занятий?

Тот окинул Жукова презрительным взглядом.

— Уж не у тебя ли мне спрашивать разрешения? — и пошел дальше.

Поодаль стоял командир роты, но он повидимому не слышал этого разговора. Жуков — к нему.

— Товарищ командир роты! Верните пожалуйста самовольно ушедшего с занятий партизана.

Комроты вернул партизана в строй. Жуков подошел к нему.

— Вы сказали, что с вами некому заниматься? Ну давайте, подзаймемся.

Но партизан или не хотел заниматься, или ему в самом деле трудно давалось учение, — он очень трудно усваивал все, что говорил ему инструктор. Кое-кто даже начал над ним подтрунивать.

— Ну и пень! Ничего же здесь особенно трудного нет, а он не поймет!

Жуков остановил говоривших.

— Посмеяться и поговорить, товарищи, можно во время перерыва, а сейчас давайте уж будем заниматься. Помните, что только настойчивой учебой, а не едкими словами и отлыниванием от занятий, можно достигнуть хороших результатов в стрельбе. А нам это необходимо,— вы сами знаете зачем.

За 50 минут Жуков успел проверить почти весь взвод. Он долго и настойчиво занимался с каждым, а особенно со слабыми.

Во время перерыва подошел Зудин.

— Ну как дела?

Жуков рассказал ему про происшедший случай. Зудин рассмеялся.

— Не подвезло тебе: у меня такого случая не было. А вообще мои ребята молодцы: быстро усваивают.

Дальнейшие занятия прошли гладко. Партизаны к учебе стали относиться серьезней.

★

На второй день в обеденный перерыв Жуков пошел в роту посмотреть, чем занимаются партизаны в это время.

В казарме — грязь, беспорядок. Партизаны обедали, взобравшись с грязными сапогами на нары. Ни дежурный, ни комроты на это не обращали внимания, такой распорядок уже вошел в привычку. Успевшие пообедать — тут же на нарах разлеглись в одежде отдыхать. Некоторые подослали себе под бока грязные домашние постели. Жуков прошел в батальонную канцелярию. Там было только два человека: часовой, сидевший прямо у денежного ящика, и молодой батальонный

ад'ютант, что-то старательно печатавший на новенькой машинке «Ремингтон». Жуков подошел к последнему.

Разговорились. Жуков интересовался, есть ли какие-нибудь указания по учебе со стороны высшего командования, нет ли каких-либо уставов и наставлений в батальонной канцелярии. Ад'ютант оказался разговорчивым человеком. С горькой улыбкой сознался, что он в канцелярской работе «ни бельмеса не понимает», а работы копится все больше и больше. При этом он рассказал Жукову, каким образом он стал ад'ютантом.

— Всякое новое дело вначале кажется всегда трудным, — говорит Жуков, — а потом поработаете и освоитесь. У нас есть некоторые инструктора, которые работали в полковых канцеляриях в мирное время, они помогут вам разобраться в канцелярских дебрях. В свободные вечерние часы я могу приходить часа на два помогать вам, — я с этой работой несколько знаком. А вечерами все равно здесь делать нечего.

В это время в канцелярию вошел комбат Гладков. Приятно улыбаясь, он остановился возле беседовавших и спросил:

— О чем беседуете?

— Да вот, товарищ командир, инструктор Жуков обещает приходить вечерами помогать мне в работе, а то ведь я зашился с канцелярией.

— А вы, тов. Жуков, разве знакомы с канцелярской работой?

— Да, я на действительной службе был в полковой канцелярии. Немного и на позиции пришлось поработать, так что мне эта работа сродни, — четко ответил Жуков.

— Может быть вы согласитесь работать у нас ад'ютантом?

— Я от службы не отказываюсь и не напрашиваюсь. Где прикажете — там и буду работать.

— Отлично! Тогда вы будете работать ад'ютантом, а тов. Трунин будет вам помощником. С завтрашнего дня вы приступаете работать по новой должности.

— Слушаю, тов. командир! — щелкнув каблуками при повороте, сказал Жуков.

На следующее утро инструктора пошли на строевые занятия, а Жуков — в батальонную канцелярию. Жуков прежде всего попросил все приказы по бригаде и тщательно ознакомился с ними. Оказывается, в приказах давно было дано распоряжение об увольнении из отряда всех партизан, не достигших 17-летнего возраста и старше 35-летнего возраста, но все эти люди до сих пор служили еще в батальоне. Наравне с ними служили и такие, которые имели на руках свидетельства о болезни, об увольнении их в отпуск. Они почти каждый день ходили в канцелярию за результатом и уже говорили, что если их не отпустят, то они уйдут сами по домам. Это не выполнялось потому, что роты не знали возраста своих партизан, не было опытных писарей, некому было заниматься проверкой исполнения приказов. Отсюда — и ненормальности.

Жуков вызвал ротных писарей, провел с ними совещание, на котором долго инструктировал их, и только тогда отпустил по ротам, когда убедился, что они правильно поняли его.

На следующий день Жуков подал на подпись комбату груду бумаг. В бумагах был приказ об уборке помещений, документы об увольнении лиц моложе 17 лет и старше 35-летнего возраста, запросы к сельским властям, где раньше проживали партизаны, о возрасте подлежащих увольнению, но не имеющих на руках документов.

Гладков удивился.

— Когда вы успели все это сделать?

Жуков спокойно ответил:

— Скоро начнется сев; необходимо всех партизан, имеющих право на увольнение,—уволить. А поэтому придется работать не считаясь со временем.

Пришел военком. Он просмотрел документы, поданные ему комбатом на подпись. Подписал их и приложил печати.

Военкому, как и комбату, понравился приказ, составленный Жуковым: краткий, четкий, требовательный слог, понятный для каждого партизана.

— Если вот этот приказ мы выполним, — и Слобода показал на приказ о завтрашней учебе и уборке помещений, — то у нас дело пойдет на лад. Надо только нажать на командиров рот, чтобы они выполнили его. Правда, кое-кто из партизан будет возмущаться этим приказом, но большинство будет за его выполнение. А мы, опираясь на это большинство, и должны проводить все наши приказы в жизнь.

Помолчав немного, он добавил:

— А все-таки... А все-таки мы сколотим из этих недисциплинированных ребят крепкую, надежную, боеспособную часть! Верно, комбат?

Комбат согласился.

★

В этот день и в последующие занятия прошли гладко, без инцидентов. Партизаны, увлекаемые партийным ядром, по-серьезному взялись за учебу. Много было шуму по поводу приказа об уборке помещений. Это партизанам было впервые. Они вначале никак не хотели мыть полы и убирать двор, требуя на это специальных людей. Но им раз'яснили, что специальных уборщиков в армии нигде не держат, все армии обслуживаются самими же военнослужащими. С бранью и ропотом на первый раз хоть и не особенно точно, но приказ был выполнен.

Шакалы

Нормальная и планомерная учеба партизан не давала покоя нашим непрошенным гостям — интервентам-японцам. Они видели, что партизаны ежедневно в определенные часы стали проводить военную учебу. Они знали, что учеба ведет к сколачиванию боевой единицы, которая в первую очередь будет угрожать им. Поэтому коварное японское военное командование, чтобы помешать партизанам в их начинании, решило разгромить их, пока те еще не успели как следует оформиться. У них была одна цель: вырвать в Приморье «красную заразу», чтобы потом самим стать хозяевами столь обширного и богатого края. Но как? Вот вопрос, который японцам нужно было разрешить.

Но разве разбойник ищет предлога для нападения на проезжего «по большой дороге», когда он задумал убить его или ограбить? Точно так же поступили и японские интервенты.

Для оправдания своих гнусных действий японское командование пред'явило Временному Приморскому правительству и военному совету наглый ультиматум: «В трехдневный срок разоружить и уволить из партизанских частей всех корейцев, которые считаются ими «подданными Кореи», находящейся под покровительством японского микадо».

Чтобы Приморское правительство не имело связи с воинскими частями в других городах, японцы оборвали вокруг Владивостока все телеграфные и телефонные провода. Японцам нужно было, чтобы их ультиматум остался невыполненным.

В 15 часов 4 апреля 1920 года японский полковник Шкотовского гарнизона «пригласил» к себе нашего начальника гарнизона и передал ему содержание японского ультиматума. Исполнение ультиматума, т.-е. разоружение корейцев, должно быть закончено к 18 часам сего же числа.

В 16 часов у нас в батальоне уже все знали об ультиматуме и предчувствовали надвигающуюся опасность. Всем стало ясно, что японцы затевают недоброе. Прежней расхлябанности как будто бы и не было. Все стали серьезными, все чувствовали, что должно произойти что-то роковое. Предстоящая угроза со стороны японцев еще теснее спаяла партизан, командиров и преданных советам инструкторов. В это время все одинаково ненавидели и белогвардейцев и интервентов.

В нашем батальоне была рота корейцев. К ним пришел врид. комбата тов. Бакуневич и сказал:

— Товарищи! Мы с вами не раз были в боях с белогвардейцами и японскими интервентами. Мы делили вместе с вами радости побед и неудачи поражений. Наши с вами цели были одни — разгромить белогвардейцев и прогнать интервентов... Теперь японцы пред'явили нам наглое требование разоружить вас и распустить по домам... Сейчас мы еще пока слабы, сейчас мы вынуждены выполнить это наглое и позорное требование японцев: они сильнее нас, — они хозяева положения. Что ж поделать, товарищи?.. Придется сдать оружие и патроны. Но будьте уверены, что в самые ближайшие дни мы с вами встретимся и вы будете снова вооружены для дальнейшей, но уже решительной, окон чательной борьбы с белобандитами и японскими интервентами...

Не выдержали старые партизаны-корейцы. Многие из них заплакали. Они просили комбата отпустить их вооруженными, чтобы им можно было в дальнейшем продолжать вооруженную борьбу против врагов революции.

Бакуневич подозвал командира корейской роты и сказал ему:

— Официально разрешить корейцам оружие я не могу. Но... Я сейчас ухожу... Пусть партизаны-корейцы уйдут поскорее с винтовками. Список ушедших с винтовками потом передайте в канцелярию.

Бакуневич ушел в штаб батальона. Командир корейской роты передал уходящим корейцам слова Бакуневича.

Радости корейских партизан не было границ. Они тепло попрощались с остающимися партизанами и ушли в сопки. Ушли, чтобы продолжать непримиримую борьбу против беляков и японцев...

В штабе батальона Бакуневич встретился с Жуковым.

— Ты, тов. Жуков, подготовь на всякий случай карты местного района. Мало ли что может случиться сегодня ночью... Я пройдусь по ротам, потолкую с ребятами. Партизан надо держать в курсе текущих событий, надо держать их на боевом взводе.

По ротам был отдан приказ: «Всем находиться на своих местах. Люди должны быть одеты при полной боевой. Одна половина может спать не раздеваясь, другая половина дежурит».

Наружная охрана и разведка были усилены.

Некоторые из партизан, наиболее горячие, высказывали пожелание: не дожидаться нападения японцев, самим напасть на них первыми и взять этим перевес над ними.

Бакуневич раз'яснил вредность и пагубность этих разговоров:

— Нельзя, товарищи! Если мы это сделаем, то можем заварить такую кашу, которую придется потом расхлебывать всей стране. А вы зна ете, что центральная советская власть ведет непосильную борьбу и с бе лыми и белополяками... Мы должны быть готовы к отпору, если враг нападет на нас, — вот наша основная задача сейчас.

★

Ночь была тревожной. Все чего-то ждали...

И не ошиблись.

В пятом часу утра 5-го апреля в комнату инструкторов кто-то нетерпеливо забарабанил. Жуков, как ошпаренный, вскочил с кровати и бросился к двери. Там стоял посыльный из батальонной канцелярии.

— Вас, тов. Жуков, немедленно требуют в штаб!..

Жуков, не расслышав окончания фразы, схватил винтовку, патроны и ранец с вещами, толкнул под бок Зудина и, крикнув: «Приготовьтесь!»—выбежал вслед за партизаном.

В штабе стоял комбат и некоторые командиры рот. Жуков понял...

— Выступили, сволочи! — в упор глядя на Жукова, сказал тихо комбат. — В первом полку и в третьем батальоне японцы перебили и ранили очень многих. Сейчас подбираются к нам. Милай донес, что японские цепи преследуют отступающих партизан.

Удержаться нам в Шкотове после предательского разгрома 1 полка и 3-го батальона было трудно. Комбат дал распоряжение занять ближайшую сопку за казармами и преградить японским частям преследование отступающих партизан. На подводу наскоро уложили необходимое и ценные бумаги. Жуков прикладом начал бить совершенно новенькие пишущие машинки, чтобы не достались японцам.

Батальон оставил казармы. Партизаны видели, как японцы преследовали отступающие остатки Шкотовского гарнизона.

Японцы начали стрелять по нашему батальону. Все это произошло быстро. Неожиданно начали падать убитые. Убит был командир 1-й роты. Упал как подкошенный Зудин.

Шакалы начали действовать...

★

Батальон занял за казармами сопку и открыл по японским цепям частый оружейный огонь. В целях экономии патрон и для того, чтобы нанести противнику более серьезные потери, по цепи было передано приказание комбата:

«Частую и беспорядочную стрельбу прекратить, заменив ее стрельбой лучших стрелков». Последняя стрельба дала лучшие результаты. Японские цепи остановились, так как у них стали падать убитые и раненые. Батальону удалось отойти с небольшими потерями.

Оставив сопку, двинулись к Никольску... Шкотово осталось позади.

„НАШЕМУ КОМАНДОВАНИЮ НИЧЕГО НЕ ИЗВЕСТНО“

Тов. Сергей Лазо, председатель Владивостокского военного совета, по приказу штаба войск интервентов был казнен.

На запрос, сделанный в то же время о том, кем отдан приказ об его аресте, штаб ответил: „Нашему командованию ничего не известно“

Паровоз, в котором был сожжен тов. Лазо.

Когда казнили Сергея Лазо
(Живым сожгли в паровозной топке),
Едва ли те,
кто смотрели в глазок,
Думали, что партизанские сопки
Узнают когда-нибудь правду о том,
Чей пепел из топки взвивался винтом.

Щерили рот, улыбаясь любезно:
«Нашему командованию
Ничего
не известно».

Годы спрессованы в слитки побед.
Мохом зарос партизанский след.
Но лишь повеет военной грозой —
Вновь перед нами горящий Лазо.
И на нестынущем этом огне
Десятилетьем спрессованный гнев
Плавится,
страшною правдой отсвечивая...

Вашему командованию
Вспомнить
Нечего?

Взвиваются к небу иные огни—
Огни наших строек.
Но стройки копни,
И ты отшатнешься, фундаменты роя:
Истлевшие кости истлевших героев
Там в братских могилах позалегли,
Засыпаны полуаршином земли..
И сердцу становится биться тесно...

Вашему командованью
Это
Не известно?

Я по бойцовски,
Под козырек!
Тебе салютую,
Дальний Восток.
Братьям, чьей кровью поля вспоены,
Чья кровь прочертила границы страны,
Чтобы никто не посмел опять
Наши поля сапогом затоптать.

Мы помним, чья кровь прочертила черту.
Республика!
Мы —
На посту!

Руд. Бершадский

САВОНОВ - АМУРЦЕВ

ДВА РАССКАЗА

„АХФОНЬКА"

(Из записной книжки очевидца сожжения деревни Ивановки)

Утро, ясное и теплое, какие бывают в марте ранней весной. Вчерашние проталины уже не замерзали и оттого ярче блестели лучами солнца, заставляя щуриться и отворачиваться.

Воздух, перемешанный весенней земляной прелью с распустившимся запахом почек тополя, казался густым и в то же время редким: дышишь и нехватает.

В такое утро хочется, на зависть остальным ребятам, протопать первому по первым стокам.

Я так и делаю. Против, на заваленке, между самодельными земляными «постройками», Афонька старательно проводит какую то «межу».

Увидев меня, он улыбается.

Бросив недоконченную «межу», Афонька бежит ко мне, широко размахивая коротенькими руками.

Ему — шесть лет, мне—четырнадцать. Но мы с Афонькой—давнишние друзья; вместе телят пасли в лето, а зимой рождество славили. Взявшись за руки, мы начинаем хороводом топтаться в луже, далеко разбрасывая брызгами.

В раскрытое окошко высунулась голова тети Груни—Афонькиной матери.

Она крикнула:

— Эй, вы, простудитесь!

— Нам жарко!—отвечаю я и, чтобы отвязаться, бегу дальше вдоль улицы, увлекая Афоньку.

Слышно, как по дворам кричат мужики, торопливо собираясь на пашни.

Из подворотни на нас выскочила собака, хотела броситься, но, узнав, вернулась обратно.

Кое-где уже выезжают с боронами, плугами. А мы все бежим.. бежим..

Обстрел деревни начался в 10 часов утра.

Сначала мы не поняли, в чем дело.

Где-то недалеко над головой пролетел снаряд и, уткнувшись в амбар, взрывом сбросил крышу.

Амбар загорелся.

Пригнувшись, мы кинулись обратно. А снаряды уже летели один за другим, сливаясь в общий гул какой-то большой, невиданной машины.

Взрывы смешались с криками людей, диким ревом скота, панической суматохой.

Вслед за амбаром загорелось несколько домов, черными клубами дыма застилая яркое солнце.

По улице, обгоняя нас, пробежал кулак Остап Ганжа, тот самый, который скупал коров у мужиков.

— Японцы!... японцы!..—кричал Остап, и не понятно: тревога или радость была в этом крике.

Мы с Афонькой видели, как вслед за Остапом промчались верхами казаки и японцы с шашками наголо, точно в бою, хотя драться было совсем не с кем.

Догнав Остапа, японец замахнулся шашкой. Остап завопил:

— Братцы!... Я-ж ваш.... не красный... а большаков давно приготовил,—и судорожно торопливо полез за пазуху.

Спешившиеся казаки и японцы ходили по дворам, сгоняли мужиков в одно место (говорили на сходку), зажигали дома, обливая керосином.

Заскочив в избу к тете Груне, какой-то казак схватил ее и потащил в сени. Другие казаки смеялись. А когда мы с Афонькой прибежали домой—тети Груни еще не было.

Плача, Афонька выскочил на улицу.

Где-то в переулке строчил пулемет, расстреливая созванных на «сходку» мужиков.

Ища мамку, растерявшийся Афонька шел в суматохе улицы.

Из-за угла навстречу выскочил вооруженный японец. Наставив на Афоньку винтовку, японец, хохоча, ломаным языком выпалил:

— Ты бурсевика?

Афонька настороженно, но доверчиво смотрит на ощетинившегося японца.

— Я — Ахфонька. Моя мама ушла. Ты не видел маму, дяденька?

Японец выстрелил....

★

Вечером я нашел труп Афоньки. Какая-то доверчивая и детски-наивная улыбка застыла в складках рта.

Чему улыбался Афонька перед смертью?

Может, умирая, он вспомнил, как недавно, сегодня утром, засучив штанишки, бегал по весенним лужам, купаясь в лучах мартовского солнца?

Деревня горела...

РАПОРТ
АНТОНА БУТРИНА

(Эпизод из борьбы партизанского отряда „Старика“)

Поручик Дунаев волновался.

Размахивая правой рукой, зажавшей небольшой исписанный лист бумаги, поручик не в меру быстро бегал по комнате железнодорожной станции мимо согнувшегося телеграфиста, старательно выстукивавшего на аппарате «Морзе» последние сводки донесений.

Телеграфная лента, испещренная знаками «точка-тире, тире-точка», большими кругами спутала ножки аппаратного столика.

Не переставая бегать по комнате, поручик порывистым жестом отбросил в угол искомканный лист, нервно зашарил в карманах и, вытащив светлый серебряный портсигар с родовыми гравюрами и монограммами, закурил.

Аппарат замолчал.

Поправив ленту, телеграфист вопросительно посмотрел на поручика.

Поручик остановился, перевел глаза на большие круги телеграфной ленты и, словно обожженный, снова подскочил к аппарату:

— Дальше? Читайте дальше.... Читайте же, чорт возьми!—нервничал он, перебегая с места на место.

Телеграфист, не торопясь, повернулся и, загадочно улыбаясь, начал переводить морзевские знаки:

— Поезд четыре ноль восемнадцать спущен под откос. Мосты на тринадцатой и двадцать седьмой верстах взорваны, — нараспев сообщил телеграфист и, как бы желая добить прыгавшего поручика, полуторжественно продолжал читать ленту:

— Телефонно-телеграфные провода станции Бурея порваны...

Но поручик уже не слушал. Схватив телефонную трубку, он неистово начал кричать:

— Облучье!... Облучье!... Что? Да, да. Вызовите полковника Трубсра. Что? Господин полковник? Говорит поручик Дунаев... Японская рота и эскадрон казаков разбиты. Северная сторона отрезана. Поезд четыре ноль восемнадцать... Что? Слышали? Никак нет, господин полковник. Да, да, требуется срочное подкрепление... Что? Выслали эшелон? Через двадцать минут? Слушаю-сь, господин полковник...

Телеграфист внимательно прислушивался к телефонному разговору и снова улыбнулся. Так улыбаются люди, которым сообщают уже известную для них новость.

Повесив телефонную трубку, поручик облегченно вздохнул и, вытащив из кармана портсигар с гравюрами, угостил телеграфиста.

Где-то в поселке скрип саней смешивался с пахабной бранью безусых юнкеров конно-егерского полка, тех самых юнкеров, которые в Никольск-Уссурийске храбро брали подступы к... женской гимназии. Из окна станции пробивался бледный свет керосиновой лампы, освещая протоpенную у здания снежную тропу, по которой чеканил шаг одетый в желтый полушубок часовой. Белое полотно снега казалось нисколько не рассеивало темноты январьской ночи, грузно осевшей над крышами станционных построек.

Только метель, сгребая верхние слои снега, валила большие сугробы у линии.

Из-за поворота блеснули горящие зрачки паровоза и, приближаясь, странно сверлили темноту.

Подойдя к станции, поезд убавил ход, медленно, бесшумно остановился.

Из единственного в эшелоне классного вагона вышла группа вооруженных людей и так же тихо и настороженно пошла по перрону за человеком в мохнатой козлиной папахе.

В распахнувшуюся дверь аппаратной вошла группа людей с поезда, внося с собой холодные струи воздуха.

Поручик Дунаев, приготовившийся к приветствию, повернулся навстречу вошедшим и... замер с полуоткрытым ртом.

Перед ним стоял Санька-китаец, командир китайской сотни партизанского отряда «Старика».

Улыбаясь замешательству поручика, Санька, на сей раз не в меру вежливо, известил:

— Поручик Дунаев, вы арестованы!—и, кивнув головой партизанам, скомандовал:

— Взять!

В комнату влезла скомканная и неуклюжая фигура командира отряда Антона Бутрина («Старика»).

Расталкивая партизан, «Старик» вплотную подошел к обезоруженному офицеру и, насмешливо искря прищуренными глазами, добросовестно отрапортовал:

— Господин поручик! Я сдержал свое обещание. Эшалон прибыл ровно через двадцать минут...

За окном шумели провода...

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД МЕРКУЛОВЩИНЫ

(Из застенографированных воспоминаний тов. Покуса в ДВ землячестве в Москве)

26 мая 1921 года с участием японского штаба экспедиционных войск белые устроили переворот во Владивостоке. Переворотчики назвали себя национально - революционным комитетом и передали власть совету с'езда несоциалистического населения Дальнего Востока.

Свою деятельность новое правительство начало с арестов в г. Владивостоке коммунистов, бойцов НРА и всех лиц, сочувствующих ДВР. Во главе черного Приморского временного правительства стали крупные купцы братья Спиридон и Николай Меркуловы.

Таким образом, на Дальнем Востоке образовалось два буфера: один буфер—ДВР и другой—черный буфер—под властью Приморского временного правительства. Причем последние называли себя мятежниками, восставшими против ДВР, а остатки колчаковской армии—вооруженной силой этого мятежа. Из бригад, полков и дивизий Колчака они были переименованы в повстанческие отряды. Цель выступлений этой черной своры—«освобождение Москвы от большевиков», «восстановление единой великой свободной России», «свободной волей народа через Российское учредительное собрание».

Правительство Меркуловых преследовало цель придать задуманному выступлению характер показного общественного движения, направленного на освобождение в первую очередь населения Приморья от партизан и коммунистов, а в дальнейшем—на освобождение всей России. Намечались 4 главных оперативных направления: из Маньчжурии—на Читу, через Монголию—на Верхнеудинск и Иркутск, отрезая Дальний Восток от Советского Союза (путь Унгерна), Цицикар—Благовещенск и четвертый—из Владивостока прямо на Хабаровск.

Для наступления армия ДВР не располагала достаточными вооруженными силами и материальным обеспечением. Мы держались в данном случае оборонительной позиции. Кроме того, политические директивы советского правительства были таковы: с японцами не вступать в драку и по возможности улаживать конфликты мирным путем, путем переговоров и заключения частных и временных договоров.

По плану обороны главным и вероятным направлением движения белых мы считали Восточно - Китайскую ж. д. с выходом на Читу, менее вероятным направлением—движение из Маньчжурии и Монголии на Троицкосавск и Верхнеудинск с целью отрезать Дальневосточную республику от Советской России. Вторым по важности движением считалось движение белых на Хабаровск по тракту Цицикар (Маньчжурия)—Благовещенск. Эта операция, отрезая от Читы (административного и политического центра ДВР) плодородную Амурскую область с городом Благовещенском, дала бы белым возможность захватить наиболее обильные рыбой части Приморской области с г. Хабаровском.

План обороны был утвержден и, в зависимости от намеченных ос-

новных данных для обороны, была проведена в жизнь дислокация войск Народнореволюционной армии. Система обороны Дальневосточной республики за малочисленностью вооруженных сил была принята следующая. опасные направления по степени их стратегической важности прикрывались ударными группами силой от полка до дивизии, причем каждая ударная группа была составлена из всех родов войск с таким расчетом, чтобы она могла самостоятельно действовать в любую минуту, а в случае надобности—перейти на партизанский образ действий.

После целого ряда реорганизаций, проведенных главным командованием ДВР, воинские части очистились от громоздких тылов, которые раньше по своему численному составу часто превосходили строевые части. Армия к началу операций в своем составе имела 2 пехотных дивизии (переименованные впоследствии в отдельные бригады), одну кавалерийскую дивизию, отдельный пехотный и кавалерийский полки и отдельный батальон. Кроме того было 5 партизанских отрядов, два пехотных батальона и один Анучинский кавдивизион, действовавший в Приморской области, силой до тысячи штыков и сабель с пулеметами.

В начале 1922 года план белых сводился к следующему: до весны захватить Приамурский край и Амурскую область, закрепиться, отмобилизовать свою армию и потом в дальнейшем перейти в наступление на Читу. Первой задачей противник ставил ликвидировать партизан Приморья, второй—разбить части НРА, находящиеся в Хабаровском и Благовещенском районах, и отбросить их в отроги Большого Хингана. В процессе хода кампании этот план белых был изменен. После неудачного боя под Ином белые пришли к решению овладеть Приморьем; а в Амурскую область послать оружие и огнеприпасы для поднятия там восстания амурских казаков. Фактически же белые под действием войск НРА вынуждены были остановиться после овладения Хабаровском и до весны обороняться на Волочаевских позициях и только с наступлением весны продолжать дальнейшие операции.

До Волочаевки события развивались следующим образом:

1-го ноября 1921 года белогвардейское командование, подготовив свои войска для военных действий и получив вооружение и огнеприпасы из складов Владивостока, решает двинуться на гор. Хабаровск, предварительно очистив Приморье от красных партизанских отрядов. С этой целью войска правительства Меркулова в ночь с 4 на 5 ноября, прибыв на судах из Владивостока, произвели одновременно в заливах Восток и Америка высадку войск и артиллерии. Овладев прибрежной полосой, белые повели наступление по долине реки Сучан, оттесняя партизан в северном направлении к горному хребту Сихотэ-Алин. Красный партизанский отряд Сучанского района и первый батальон, имея в своем составе всего 200 штыков, не могли, конечно, оказать упорного сопротивления противнику, располагавшему значительно большими средствами.

Получив сведения об отходе Сучанского отряда под напором белогвардейцев, командующий партизанскими отрядами решает преградить дальнейшее выступление противника на север, усиливая с этой целью Сучанский отряд 400 штыками, взяв их из Анучинского и Яковлевского гарнизонов. Подобное решение было крайне рискованно, ибо, ослабляя гарнизоны Анучино и Яковлевки (к северу от Анучино, на реке Даубихе), командующий партизанскими отрядами обнажал свой тыл, в то время когда наступление противника со стороны Никольск - Уссурийска (по тракту Осиновка—Ивановка—Анучино) и со стороны города Спасска (у станции Евгеньевка Уссурийской ж. д.) было весьма вероятным. В действительности так и случилось.

10 ноября белые перешли в решительное наступление из г. Никольск - Уссурийска на Анучино, а из г. Спасска — на Яковлевку, отрезая таким образом путь отступления партизан по Даубихинской долине по направлению на Иман.

После целого ряда демобилизаций старых годов службы, до 1897 г. включительно, части Народнореволюционной армии оказались с некомплектом до 40 проц. штатного состава. Боевая подготовка частей оставляла желать много лучшего и в общей оценке была слабой. Части войск в период организации их были сколочены наскоро, причем на укомплектование их вошли партизанские отряды, части армии Колчака, перешедшие на нашу сторону, части Красной армии, попавшие в плен к Колчаку и отбитые нами, и части Красной армии, присланные из Советской России.

Маневр белогвардейцев был удачным. Красные партизанские отряды, очутившись в тяжелом положении и лишившись возможности отойти на север для присоединения к частям НРА, вынуждены были, разбившись на мелкие отряды, уйти в сопки. Первые удачи вселили у белогвардейцев надежду на дальнейший успех.

14 ноября, посадив войска на 4 парохода, белые двинулись вдоль морского побережья к бухте Ольги, где находился в это время гарнизон красных партизан. Приблизившись к бухте, белые открыли огонь из своей судовой артиллерии, высадив одновременно с этим два десанта, из коих один повел наступление с восточной стороны б. Ольги, а другой пошел обходным движением с юга. Благодаря отсутствию наблюдения за морем и плохой разведке появление противника в бухте Ольги оказалось для партизан совершенно неожиданным. Находившиеся в бухте наши суда «Монгугай», «Диомид», «Лейтенант Демидов» и катер «Амур» были захвачены белыми. После 14-часового боя белые окончательно овладели побережьем бухты и расположенным близ нее селением.

22 ноября партизаны понесли весьма тяжелые потери. Село Анучино (Советская Бастилия Приморья), служившее главным центром базы красных партизан, пало. Оказывая упорное сопротивление противнику, неся серьезные потери в своем личном составе, партизаны рассыпались малыми отрядами по районам, наметив заранее сборный пункт, и начали свое сосредоточение для новых действий и дальнейшей борьбы с противником. Но потеря базы—села Анучино—поставила их в весьма трудное положение.

Покончив с партизанами, белые приступили к выполнению второй части плана. Вытеснив партизан из занимаемых ими районов и закрепив за собой тыл и правый фланг, войска правительства Меркулова, эшелонизируясь вдоль Уссурийской ж. д., двинулись в оперативном направлении на г. Хабаровск. Пройдя 20 ноября японские гарнизоны, находившиеся на нейтральной зоне, белогвардейские части стали сосредоточиваться на ст. Шмаковка (к северо-востоку от северной конечности озера Ханка). Японцы не только не чинили каких-либо препятствий движению белогвардейцев, а, наоборот, оказали содействие к проходу бронепоездов и грузов, направлявшихся к станции Уссури.

Бронепоезда «Волжанин», «Каппелевец» и «Дмитрий Донской» прошли по железной дороге от станции Евгеньевка замаскированные сеном, а оружие и огнеприпасы, уложенные в ящики, переправлялись под видом грузов потребительских обществ, причем запломбированные ящики охранялись японскими часовыми. На заявление, сделанное японскому командованию нашим представителем в связи с пере-

броской по ж. д. боеприпасов, получен был ответ: «Японскому командованию по этому вопросу ничего не известно».

Сосредоточенные у станции Шмаковка белогвардейские части, получив воинские грузы, вооружаются, пополняют себя огнеприпасами и, выдвинув вперед к станции Уссури авангард в составе Воткинского полка и дивизиона конницы при одном орудии, окружают на указанной станции наши части. После двухчасового боя наши оставили станцию и, не успев уничтожить железнодорожный мост через реку Уссури, отошли к северу.

1 декабря наш авангард от 6 пехполка в составе 3-х рот, занимавших гарнизоны д. д. Тандинская и Елизаветовка, завязал бой с наступавшим противником. Потеряв до 40 чел. пехоты и 2 пулемета, авангард 2 декабря отошел к ст. Муравьев - Амурская и далее к станции Иман.

3 декабря, неотступно преследуя отступление нашего авангарда, белые заняли станцию Муравьев - Амурская. Для поддержания 6 пехполка решено было отправить из Хабаровска 4 кавполк и 5 пехотный при 2-х орудиях. Фактически удалось отправить лишь дивизион 4-го кавполка в составе 250 сабель и 1 батальон стрелков с двумя орудиями. Основная причина — отсутствие зернового фуража. Лошади настолько сильно измотались, что, отбирая лучших, способных выдержать условия боевой обстановки, мы имели возможность поднять только указанные силы.

Подготовка к отправлению затянулась до 4 суток. 5 декабря подкрепление прибыло на ст. Бочарово, к северу от Имана, куда приказано было отойти 6 полку под прикрытием бронепоезда № 7. При отходе 6 полка произошла серьезная неудача. Командир полка, получив приказание об отходе, не сделал этого. Двигаясь медленно к гор. Иману, полк был настигнут белыми и после упорного вынужденного боя, потеряв бронеплощадку с орудием от бронепоезда № 7 и несколько пулеметов, отошел к станции Губерово.

Чередуя наступление то одним сильным флангом, то сжимая фланги наших отходящих войск, оставляя в своем центре лишь слабые силы, противник заставлял наши части, эшелонизированные вдоль линии Уссурийской ж. д., откатываться быстро к северу. После неудачного боя в районе станции Иман наши части 6 декабря отошли на так называемую вторую, или главную, линию обороны—Бикинскую позицию.

11 декабря белые перешли в наступление. Одновременно атакой с фронта на поселок Бикин и обходом правого фланга у поселка Васильевского противник сбил батальон 5-го пехполка, занимавший участок у поселка Васильевского, отрезал путь отступления на поселок Козловский. Батальон 5-го полка рассеялся по сопкам Бикинских высот, потеряв 4 пулемета.

В ночь на 13 декабря 6 пехотный полк, составлявший группу для обороны ж. д. направления, преследуемый противником, отошел на ст. Розенгартовку.

14 и 15 декабря наши части продолжали отход к станции Вяземской, направляясь далее к станции Верино.

15 декабря конный отряд белых под командой полковника Илькова, двигаясь по китайской территории, вышел в тыл нашим частям.

захватив ст. Дормидонтовку (к северу от ст. Вяземской), сжег три моста и тем самым прервал нашу связь с г. Хабаровском.

Появление противника в тылу отразилось на моральном состоянии войск: почувствовалась нервность и неустойчивость. Дабы возможно скорее выйти из затруднительного положения, части войск во главе с самим командующим фронтом, эшелонизируясь вдоль ж. д., стали поспешно отступать к сгоревшим мостам, причем головным частям удалось исправить мосты и оттеснить противника на китайскую территорию, пропустив все эшелоны и бронепоезд.

С продвижением на север боевой фронт НРА значительно расширился благодаря прибытию новых сил. В это же время и противник ввел в дело оба корпуса—Молчановский и Смолинский—с силой до 6 тысяч штыков и 2 тысяч сабель, причем обнаружено было у противника присутствие 4 орудий. Дав ряд арьергардных боев, наши части продолжали отходить на ст. Верино.

17 декабря противник создает сильную конную группу (до 800 сабель) при 2-х орудиях и бросает ее на деревню Невельскую, а следом за ней двигает пехотную колонну, составленную из Воткинского и Ижевского пехотных полков, численностью до 656 штыков и Уральский кавполк в составе 150 сабель.

В это время у поселка Черняево (к югу от деревни Невельской на реке Кия) с целью прикрытия выхода войск на деревню Казакевичево занимал позицию сводный отряд «Коммунист» с силой до 150 штыков, сформированный из отряда войск ВЧК и мобилизованных в Благовещенске и частично в Хабаровске членов РКП(б). Противник, обрушившись с превосходными силами на этот отряд, разбивает его, часть людей гибнет, другая попадает в плен, а часть рассеивается по сопкам хребта Хехцир. 28 человек, взятых в плен, были казнены. Трупы находились в пожарном сарае, и только в конце февраля 1922 года были погребены в г. Хабаровске.

19 декабря 4 кавполк вынужден был оставить занимаемые деревни, отойти в Новотроицкое и присоединиться к особому Амурскому полку. Враг приближался к г. Хабаровску. Расположение войск обеих воюющих сторон перед Хабаровском 21 декабря было следующее: НРА группировалась в двух оперативных направлениях: Уссурийском (долине реки Уссури) и железнодорожном (в районе Уссурийской ж. д.). В первом направлении было 800—900 штыков, 320 сабель, 4 орудия и 67 пулеметов. На втором—до 2 тысяч штыков и сабель, 2 орудия и площадка бронепоезда. Группировка войск противником была принята следующая: против дер. Казакевичево и нашего правого фланга находились войска генерала Сахарова—Воткинский и Ижевский пехотные полки, бригада генерала Осипова и Уральский казачий полк—всего до 2 тысяч штыков, 800 сабель и 4 орудия. В железнодорожном направлении находился корпус генерала Смолина, всего до 1500 штыков, 900 сабель и одно орудие.

В то время, когда развивались боевые действия у г. Хабаровска, началась спешная эвакуация последнего. 19 и 20 декабря Покровка была уже забита грузами, вывезенными из города. Образовалась пробка. В общем положение дел с эвакуацией Хабаровска было катастрофическим. 21 декабря совершенно неожиданно переправа через Амур у Хабаровска провалилась. В довершение всего в дни эвакуации наступили сильнейшие морозы, доходившие до 35—40 градусов. Думать о планомерной эвакуации г. Хабаровска не приходилось.

В 14 часов 21 декабря противник перешел в стремительное наступление всей своей группой, расположенной в районе Казакевичево. Несмотря на дружный огонь нашей пехоты, пулеметов и артиллерии,

противник перешел в атаку и прорвал центр Амурского полка, разделив последний на две части, причем правофланговую часть полка прижал к левому берегу реки Уссури.

Перед отправлением из г. Хабаровска постоянные и подвижные склады боевых припасов были подожжены. В течение ночи в городе раздавались взрывы и вспыхивали пожары. Часть судов Амурской флотилии, стоявшей в Осиповском затоне, была взорвана моряками, отошедшими потом на Покровку. Около 24 часов 21 декабря штаб фронта выехал из г. Хабаровска на ст. Волочаевка. Последним распоряжением командующего фронтом тов. Серышева от 21 декабря было приказание: «Войскам оставить г. Хабаровск и отойти на левый берег Амура, а особому Амурскому полку занять поселки по Амуру: Орловку и Самарку».

На рассвете 22 декабря противник подошел к деревне Владимировке вплотную, причем часть колонны вошла в деревню. Видимо, белые не предполагали, что деревня Владимировка занята нашими частями. Белые немедленно открыли огонь по деревне. Гарнизон Владимировки, взбудораженный неожиданными выстрелами, в беспорядке бросился бежать в Покровку. Остатки бывшего гарнизона Владимировки создали невероятное замешательство, а раздавшиеся несколько выстрелов за Покровкой настолько усугубили панику, что все в беспорядке бросились из Покровки на Дежнево (между Покровкой и Волочаевкой) и далее к Волочаевке.

В это время военный комиссар тов. Бороздин по собственной инициативе об'единил командование над всеми частями в своих руках. Путем решительных действий он привел в кратчайший срок части, прибывшие в деревню Дежнево, в порядок, удалив все обозы на ст. Ин. Само собой разумеется, на долю тов. Бороздина выпала чрезвычайно трудная задача. Отступившие и бежавшие части фронта настолько перемешались, что не было никакой возможности разобраться, кто к какой части принадлежит. Тов. Бороздин собрал всех в отдельный сводный полк. По прибытии в Волочаевку тов. Бороздин связался со штабом командования и доложил о случившемся.

По прибытии всех частей в Волочаевку для удобства управления части фронта были сведены в отдельную сводную бригаду под командой тов. Попова. Необходимость новой организационной формы была подсказана самой жизнью.

29 декабря отдельная сводная бригада, оставив Волочаевку, прибыла на ст. Ин. Этим моментом заканчивается первый период операций на фронтах Дальневосточной республики.

★

Вернувшись из Дайрена, тов. Блюхер после обсуждения в Дальбюро ЦК ВКП(б) всех вопросов, связанных с кампанией, 20 декабря 1921 г. принял решение: бросить все наличные силы ДВР, за исключением Каратаевской дивизии, на Хабаровский фронт. Направление Чита—Маньчжурия должна была по договоренности с советским правительством обеспечить 104 бригада советских войск из состава 5 армии. Кроме того, из Москвы в Читу была командирована группа комсостава до 68 человек для укрепления кадров НРА. Тов. Блюхер сам лично выехал руководить операциями против армии генерала Молчанова.

Дальнейший план главкома тов. Блюхера намечался следующий: сосредоточение первой отдельной Читинской пехбригады должно за-

кончиться к 15 января 1922 года в районе поселка Пашкова (ст. Кундур, Черниговo по реке Хингану). Но ввиду невозможности точно учесть провозоспособность Амурской ж. д. отдельной сводной пехотной бригаде и Надеждинско - побережной группе тов. Бороздина приказано вести активную оборону Инского плацдарма. В случае сильного нажима со стороны неприятеля—отходить на запад с целью дать Читинской бригаде время, необходимое ей для сосредоточения по реке Хингану (около 200 верст к западу от ст. Ин). Троицкосавскому кавполку, прибывшему на две недели раньше намеченного срока на место сосредоточения, разрешено остаться в селе Облучье, но без разрешения главнокомандующего НРА в бой не вступать. В случае отступления частей от станции Ин на запад приказано по пути отступления взрывать ж. д. мосты с таким расчетом, чтобы к моменту введения в бой всех войск бронепоезда противника не могли бы принимать участия в предстоящих операциях. Бой решено было принять на Архаринских позициях, расположенных между реками Хинган и Архара.

В общем же идея операции, послужившая основанием к составлению вышеуказанного плана, заключалась в следующем: под прикрытием отступающих частей из района станции Ин совместно с Надеждинско - побережной группой произвести сосредоточение 1 отдельной пехотной Читинской бригады на Архаринских позициях. Передовым частям, изматывая силы противника, оттянуть вглубь на запад от Хабаровской базы и, удалив таким образом его коммуникационную линию, ударить по последней партизанскими отрядами Приморско - Хабаровского района и Тунгусским отрядом тов. Шевчука. Подпустив противника к Архаринским позициям, перейти в наступление и, нанеся сильный удар, заставить его откатиться назад, организовав в это время преследование вдоль Амура, в восточном направлении и затем от г. Хабаровска вдоль реки Уссури на юг с тем. чтобы окончательно ликвидировать белоповстанческую армию.

25 декабря 1921 года оперативный план стал проводиться в жизнь.

БЕСКИН

ОЛЬГОХТА—ВОЛОЧАЕВКА

(4—12 февраля 1922 года)

В упорной, настойчивой, героической борьбе разбили рабочие и крестьяне Дальнего Востока многочисленных врагов Советской республики.

Как же случилось, что голодная, раздетая, технически слабо подготовленная Народнореволюционная армия Дальневосточной республики победила своих врагов, опиравшихся на огромную поддержку со стороны империалистов почти всех стран и в первую очередь японских?

В чем была сила НРА? Где «тайна» ее беспримерных побед?

Неисчерпаемые творческие силы трудящихся масс, героизм и революционный энтузиазм бойцов НРА—рабочих и крестьян Дальнего Востока, поднявшихся на борьбу за свое освобождение,—железное руководство партии—вот единственный ответ.

Больше 10 лет прошло со времени беспримерных и героических боев за освобождение от интервентов и белогвардейцев Дальнего Востока. Но никогда не забудутся эти образы прошлого. Их нельзя забыть.

Для своих воспоминаний о героических боях НРА ДВ я взял два эпизода—бои под раз'ездом Ольгохта и деревней Волочаевкой. Эти бои — самые яркие, самые ожесточенные. О них должны знать все бойцы ОКДВА. На примере этих боев нужно учиться для того, чтобы в предстоящих вынужденных схватках с мировым капиталом так же геройски драться и побеждать, как дрались и побеждали бойцы Народнореволюционной армии.

★

Несколько исторических справок.

После оставления города Хабаровска части Восточного фронта отошли на левый берег Амура и к 25 декабря 1921 года сгруппировались в районе ст. Ин. Противник с 5 часов 28 декабря повел наступление на станцию. Здесь он получил первый жестокий отпор. Ин явился предельным пунктом его продвижения. В бою противник потерял до 1500 человек убитыми и ранеными. Красные бойцы почувствовали уверенность в своих силах, в возможность победить. С этого момента можно считать начало победоносного наступления войск НРА, закончившегося упорными боями у Ольгохты и Волочаевки, взятием Хабаровска и дальнейшим продвижением вперед. Только бегство белых под защитой японских штыков спасло их от окончательного разгрома.

★

18 января 1922 года на Восточный фронт прибыл главком НРА тов. Блюхер. Под его умелым руководством начинается подготовка к переходу в наступление. Части НРА ведут усиленные занятия, ско-

лачиваются и снабжаются. Парад войск Восточного фронта в первых числах февраля месяца 1922 г. на ст. Ин, принятый главкомом тов. Блюхером, дает полную уверенность в предстоящей нашей победе. Эти войска уже были не те, которые отходили при первом соприкосновении с противником, — это были бойцы, переродившиеся, воодушевленные и полные уверенности в свою будущую победу.

4 февраля 1922 года 2-й стр. полк Читинской бригады с приданным эскадроном 4-го кав. полка, 3-й отдельной легкой батареей и бронепоездом № 8 получают задачу: выступить со ст. Ин и с боем занять раз'езд Ольгохту.

К 4 часам 5 февраля отряд сосредоточивается у третьей полуказармы на линии жел. дороги и начинает свое энергичное наступление на раз'езд. После упорного 3-часового боя, к 9 час. 15 мин. 5 февраля Ольгохта была взята и противник отошел на первую полуказарму, откуда был также скоро выбит.

До 7 февраля отряд удерживает за собой занятые пункты. В 5 часов 7 февраля противник силою до 7 полков при 5 орудиях и бронепоезде «Волжанин» перешел в контрнаступление, но был снова с большими потерями отбит. К вечеру 7 февраля отряд занимает следующее положение: два батальона, бронепоезд и кавалерия располагаются на первой полуказарме, 3-й батальон и 3 отдельная легкая батарея—на раз'езде Ольгохта. На этом раз'езде было всего 2 здания—разбитая станция и полуразрушенный домик железнодорожных служащих.

Наступила ночь. Мороз крепчал, доходя до 38 градусов.

Для того, чтобы дать возможность отдохнуть и согреться бойцам, было приказано оставить дежурный расчет при орудиях, стоящих на позиции вдоль железнодорожного полотна, а остальным бойцам собраться в полуразрушенном домике. Передки и зарядные ящики стояли в полуверсте сзади, за железнодорожным мостом.

В домике—тесно. Отдыхающие бойцы и командиры расположились на полу, своими телами согревая друг друга. Ночь близилась к концу. В 4 часу утра вдруг начинается сильная ружейная и пулеметная стрельба.

Прислушиваемся. Звуки выстрелов совсем близко, а вместе с выстрелами слышны приглушенные крики ура.

В чем дело? Отчего стрельба и крики ура?

Выбегаем из домика и бросаемся к орудиям. Сразу стало все понятно. Окружены со всех сторон! Противник совсем близко!

Подается команда: «Развернуть орудия в четыре стороны. Огонь картечью!».

Первым открывает огонь наводчик первого орудия тов. Токарев, за ним вслед — остальные три орудия. Расчет работает самым бешеным темпом. Крики ура не умолкают. Они способствуют нам. По этим крикам знаем, в каком направлении вести огонь. Шрапнель у нас на исходе... Приказ: «Продолжать огонь гранатой!».

Звоним на наблюдательный пункт. Ответа нет—провод перерезан. Мозг все время сверлит мысль: — Только бы продержаться до рассвета!

Вдруг видим огонь сзади. Это горит деревянный мост на линии жел. дороги: его подожгла офицерская рота. Что делать? Чем тушить мост? Но в это время к нам подходит наш бронепоезд. Он услышал канонаду в тылу и на всех парах спешит нам на помощь. Он немедленно начинает тушить мост и одновременно открывает огонь из всех своих орудий и пулеметов. Так ведем мы огонь до рассве-

та. Противнику не удалось сломить наше упорство, и, поняв, что его обход не удался, он начал отходить. Стрельба стихла.

Бойцы привели двух пленных офицеров. Бойцы рассказывают, что и они были окружены, но, рассыпавшись вокруг передков, они оружейным огнем не дали противнику приблизиться.

От взятых пленных офицеров узнаем весь замысел белых. Оказывается—мы были окружены частью Волочаевского гарнизона в количестве до 1000 штыков и сабель. Своим обходом белые намеревались уничтожить весь гарнизон на раз'езде Ольгохта, чтобы с рассветом врасплох напасть на ст. Ин, где в это время стоял поезд главкома. Этот замысел белым не удался. Батарея при поддержке огня бронепоезда и батальона разбила весь их план. **За этот бой батарея в целом от военного совета НРА получила высшую награду—орденское Красное знамя и большой серебряный кубок с надписью: «За беспримерную и лихую работу в ночь с 7 на 8 февраля 1922 года под раз'ездом Ольгохта».**

28 бойцов и командиров за этот бой были также награждены высшей наградой — орденом Красного знамени.

Этот бой никогда не сотрется из памяти тех, кто принимал в нем участие.

★

8 и 9 февраля части Восточного фронта производят общую перегруппировку для занятия исходного положения и перехода в решительное наступление на ст. Волочаевка.

Общее руководство операциями на Восточном фронте и подготовка штурма Волочаевского укрепленного района велась главкомом НРА тов. Блюхером. Командование же сводной стрелковой бригадой, которая должна была нанести непосредственный удар противнику, занимавшему укрепления, станцию и деревню Волочаевку, было поручено т. Покус.

Прежде чем перейти к описанию Волочаевской укрепленной позиции и хода боя за ее обладание, приведем приказ, отданный генералом Молчановым—командующим белой армии —незадолго до боя. Приказ привожу полностью без всяких сокращений. Из приказа ярко видно, чем была Волочаевка для противника и какие надежды он возлагал на нее. Приказ является лучшим документом, характеризующим героизм бойцов Сводной стрелковой бригады НРА, взявшей штурмом Волочаевский укрепленный район.

Вот этот приказ:

СРОЧНО. СЕКРЕТНО.

Начальникам отрядов 1, 2, 3, 4, 5 генералам Никитину и Василевскому, полковнику Черкес, полковнику Бабикову, подполковнику Березину.

По всем данным противник в ближайшие дни поведет наступление.

Самое уязвимое место для нас—Тунгусска, через Архангельское — Ново-Николаевка—Покровка.

Совершенно безопасное направление—по жел. дороге благодаря укреплению позиции сильными проволочными заграждениями.

На Амурское направление, повидимому, будет брошена кавалерия.

После осмотра расположения частей на жел. дорожном и Амурском направлениях я уверен, что противник должен иметь для овладения городом Хабаровском не менее 10 тысяч бойцов, но для успеха нашего нам необходима как никогда стойкость, дабы, сидя за проволокой, нанести противнику наибольшие потери и, выбрав удобный момент, перейти в контратаку и на плечах противника продвинуться на те сто верст, которые нам необходимы для нашего закрепления в районе Хабаровска.

Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. Побеждает тот, кто страстно желает этогс. С победой мы живем. Неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации.

К вам, старшие начальники, я обращаюсь с призывом вдунуть в сердца подчиненных страстный дух победы.

Надо переговорить со всеми, наэлектризовать каждого.

Если вы займетесь этим немедленно и будете так поступать всегда — боеспособность наших маленьких частей увеличится в несколько раз. Учтите психологию каждого воина.

Я убежден, что мы еще можем нанести такое поражение противнику, что ему будет долго не притти в себя.

Победа—в нас, начальниках. Победа нужна и должна быть.

Строгий расчет во всем, в каждой мелочи. Не покладая рук закрепляйтесь. Но этого мало,—внедрите всем, что проволоку бросить ни в коем случае нельзя.

Каждый воин должен знать, что этот бой будет решительным, и мы должны выйти победителями.

Обратить особое внимание на правильное и своевременное использование огня, пулеметов и артиллерии.

Не забудьте про ручные гранаты, их также нужно использовать.

Относитесь к моим словам с вниманием и не теряйте времени: говорите с подчиненными, не только с офицерами, но и солдатами, помня, что не каждый офицер передаст так, как нужно.

Только при выполнении условия, что «каждый воин должен понимать свой маневр», можно быть уверенным в успехе.

Я отмечаю титаническую работу, произведенную полковником Аргуновым и чинами второго, четвертого и пятого отрядов, но благодарить за это—не мне, этого было бы слишком мало. Сознание исполненного долга—выше всякой похвалы.

5 февраля 1922 года, 10 час. 4 мин. № 572, г. Хабаровск.

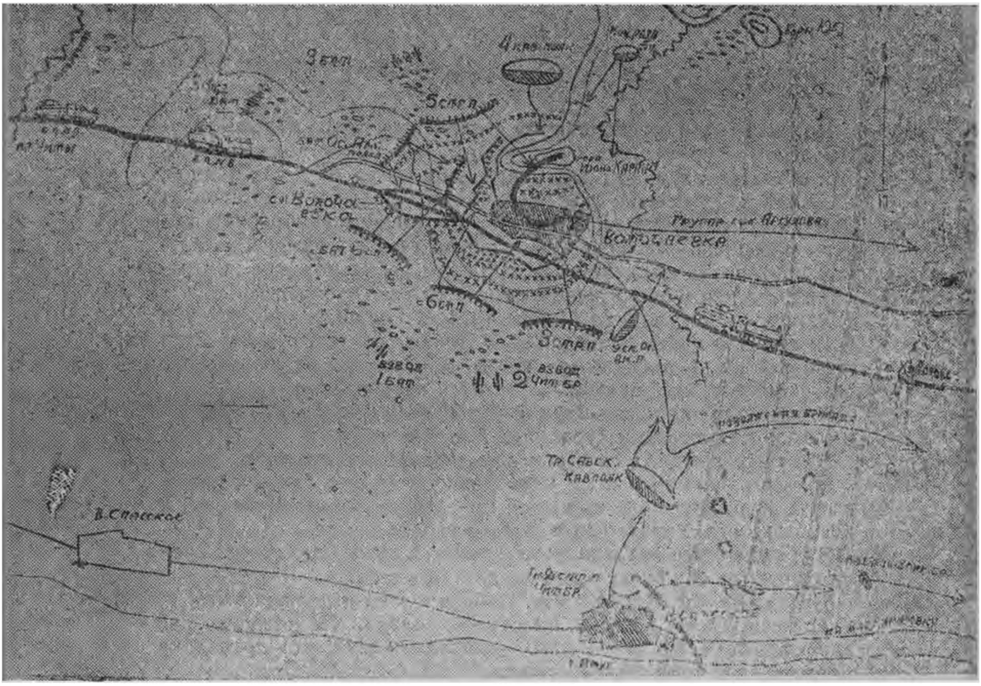
П. п. Генерал-майор *Молчанов*

С подлинным верно: Нач. штаба, генерального штаба полковник *Ловцович*

Позиция противника тянулась с севера на юг, от реки Тунгусски через гору Июнь-Карани, сопку того же названия, деревню, ст. Волочаевка и опушку леса, что в двух верстах южнее Волочаевки.

Как станция, так и деревня Волочаевка, занимаемые противником, представляли великолепно укрепленный плацдарм со стрелковыми и пулеметными окопами, обнесенными от 3 до 5 рядов проволочными заграждениями.

Сопка Июнь-Карани, возвышающаяся над окружающей местностью на 50—60 сажен, являлась тактическим ключом всей позиции.

Гарнизон Волочаевского укрепленного района под командой полковника Аргунова состоял из 5 пехотных полков, 2 кавалерийских полков, 15 орудий и 2 бронепоездов. Общее же количество сил было следующее:

	У нас	У противника
Штыков	2400	3360
Сабель	563	1280
Орудий	8	15
Бронепоездов	2	2
Пулеметов	72	50

Из таблицы видно, что противник обладал значительным превосходством над нами. Учитывая также, что противник занимал командные высоты, с которых проглядывалось все наше расположение, станет вполне ясным, почему генерал Молчанов возлагал такие большие надежды на Волочаевскую позицию, считая ее совершенно недоступной.

Противник имел возможность сберечь силы своих бойцов. Занимая деревню, войска противника могли отдохнуть, обогреваться и готовить пищу. Мы же этой возможности не имели, так как в своем тылу имели лишь одну полуразрушенную полуказарму, в которой был расположен полевой перевязочный пункт. Одеты наши бойцы были неважно, теплого обмундирования было мало. Большинство бойцов было одето в шинели, летнее обмундирование и ботинки. А морозы доходили до 40 градусов с сильными ветрами. Пищу днем подвозить нельзя было, ибо противник видел все передвижения, и стоило только кому-либо подняться, сразу же открывался сильный огонь. Поэтому пища подвозилась только раз в сутки, и то только с наступлением темноты. Воды не было.

а хлеб приходилось рубить топором или резать пилой. Несмотря на все эти лишения, бойцы их переносили стойко и бодро. У всех было только одно стремление — вперед в наступление! Все были уверены, что в предстоящей жестокой схватке мы выйдем победителями.

Накануне перехода в наступление главком тов. Блюхер с пленным офицером отправил письмо генералу Молчанову, в котором ему предлагалось во избежание пролития ненужной крови сложить оружие и сдаться. Всем офицерам и солдатам было обещано полное помилование. Но генерал Молчанов, получив это письмо, не счел нужным на него ответить, тем самым приняв на себя всю ответственность за пролитую кровь рабочих и крестьян, одетых в шинели и обманутых им.

9 февраля в 12 час. 10 мин. получаем приказ о переходе в общее наступление для овладения Волочаевским укрепленным плацдармом. Во исполнение приказа части Сводной стрелковой бригады к 18 часам занимают исходное положение и стремительным ударом сбивают заставы противника по линии речки Поперечная и с 5 часов 10 февраля переходят в наступление на всем участке Волочаевского района. В 11 часов 30 минут Волочаевка была окружена. В течение суток ведется упорной бой на подступах к ней. К вечеру 11 февраля станция Волочаевка была взята, но противник своими контратаками при поддержке своих бронепоездов, которые вливались в наши цепи и в упор расстреливали бойцов, выбивает нас со станции и заставляет отойти обратно в исходное положение. В этом бою наши бронепоезда не могли оказать нам поддержку, так как мосты у первой полуказармы были разрушены. Они спешно исправлялись. Когда мосты были исправлены и бронепоезда подошли, началась подготовка к штурму.

Сигналом штурма было три выстрела с бронепоезда 8. В 7 часов 12 февраля сигнал был дан. Началась артиллерийская подготовка. Части Сводной стрелковой бригады перешли в решительное наступление. Противник на всех участках оказывал упорное сопротивление. В 11 часов 30 минут стремительным ударом части бригады прорывают проволочные заграждения и, несмотря на губительный огонь противника, прорываются на станцию к деревне Волочаевка. Противник в панике начал отход вдоль линии жел. дороги в направлении на Хабаровск.

Момент взятия проволочных заграждений—это самое героическое в этом беспримерном бою. Бойцы буквально рвали проволоку своим телом под сильным огнем противника. При штурме Волочаевки с нашей стороны было убито 120 чел., ранено 800 чел., обмороженных 200 чел. У противника было убито и зарублено 400 чел., ранено и обморожено 700 человек.

Волочаевка была взята штурмом, успех которого зависел от умелого руководства и доблести бойцов и командного и политического состава 6-го стрелкового полка (ныне Краснознаменного Волочаевского полка). Этот полк на своих плечах вынес всю тяжесть главного удара. За этот беспримерный в истории гражданской войны бой — за бой, который по праву получил название «Второй Перекоп», полк удостоен высшей награды за свою доблесть — ордена Красного знамени.

Уходя с Волочаевки, командующий этим укрепленным районом белых полковник Аргунов выразился так: «Я бы дал всем этим красным бойцам по георгиевскому кресту. Так дралась только немецкая пехота».

★

Взятие Волочаевки открыло путь в Хабаровск, который был нами занят 14 февраля 1922 года.

От дальнейшего разгрома остатки белых спаслись только тем, что ушли под прикрытие японских штыков.

Это вероломство японцев задержало на несколько месяцев окончательное очищение Дальнего Востока от белых армий. Потребовался вторичный удар частей НРА по земской рати генерала Дитерихса, чтобы окончательно очистить от всей белой накипи Дальний Восток. Очистка закончилась лишь 25 октября 22 года взятием города Владивостока.

История этих двух описанных мною боев ярко свидетельствует о беспримерном героизме частей НРА. В газете «Дальневосточный Путь» № 77 главком тов. Блюхер о Волочаевском бое писал:

«Такую беспримерную храбрость, какую проявляли народоармейцы в бою под Волочаевкой, мне приходилось видеть редко даже в Красной армии. Бойцы безудержно шли на опутанные проволокой сопки и почти голыми руками брали пулеметы».

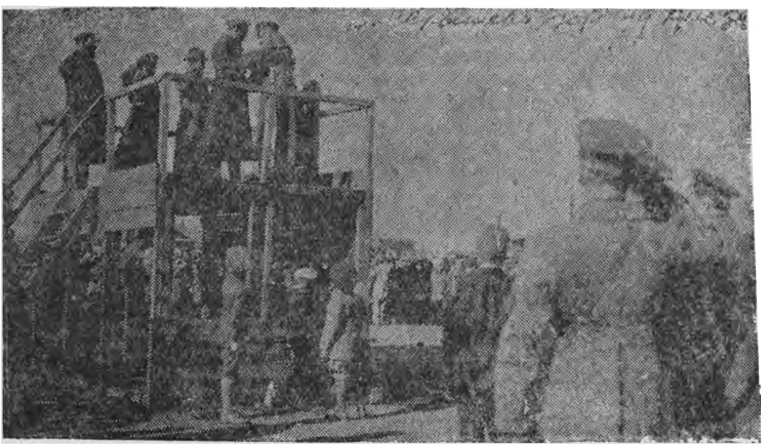
Красная армия помнит свое прошлое!

Красная армия знает свое будущее!

Красная армия стойко и твердо стоит на страже границ Советской страны, победоносно строящей социализм.

Красная армия крепко сжимает в руке винтовку, ибо несметным количеством непримиримых врагов окружена Советская страна.

И если по зову партии и правительства она будет призвана к защите Октябрьских завоеваний, она сумеет снова повторить незабываемые дни Ольгохты и Волочаевки.

Главком НРА тов. Блюхер вручает орден Красного знамени командующему Восточным фронтом тов. Серышеву (Чита, 1922 г.).

Тов. Блюхер—военный министр ДВР и главком НРА (1921-22 г.).

О ВОЛОЧАЕВСКОМ БОЕ

(Из статьи т. Блюхера, помещенной в сборнике „Борьба за Хабаровск")

После того, как целым рядом сокрушительных по силе и беспримерных по доблести ударов под Волочаевкой, Спасском, Казакевичевым и в других местах Народнореволюционная армия опрокинула белоповстанческие банды, заставив их поспешно бежать из Хабаровска и отступать под защиту своих нанимателей-интервентов, является возможным более ярко и точно определить ту колоссальную боевую работу, которая выполнялась и выполняется нашими частями на фронте, и выяснить те тяжелые условия, при которых протекает их боевая деятельность.

В начале кампании белоповстанческие части неожиданным и быстрым наступлением потеснили наши малочисленные, слабо снабженные и совершенно не подготовленные к боевым действиям передовые отряды, расположенные по Уссурийской железной дороге, и вынудили их сначала к отходу на Хабаровск, а затем и к оставлению последнего.

Первоначальный легкий успех вскружил голову противнику и он решил продвигаться далее по Амурской жел. дороге, но уже под Ином в последних числах декабря он получил от наших частей столь значительный удар, что перешел к обороне и начал с лихорадочной быстротой закрепляться на линии Ольгохта—Хабаровск, как на исходном положении для будущих наступательных операций, стягивая свои резервы и технические средства для всемерного обеспечения своего дальнейшего успеха.

По своему кадровому составу, сравнительно с нашей армией, все части белоповстанческих отрядов имели прекрасную специальную подготовку и опытное командование, они были поставлены в очень хорошие жилищные условия, будучи размещены до боев по домам, хорошо питались, были тепло одеты и для сохранения боеспособно-

сти во время больших переходов перебрасывались на обывательских подводах.

Все это, при наличии в рядах белых огромного процента офицеров и унтер-офицеров, отчаявшихся в возможности легального возвращения на родину, делало из войск генералов Молчанова и Вержбицкого компактную, скованную дисциплиной массу, которую разбить удалось лишь героическим усилием, при высоком под'еме революционного духа наших бойцов.

В короткий срок части белоповстанческой армии укрепились за целым рядом искусственных проволочных заграждений, в построении которых была проявлена редкая работоспособность и пущены в ход большие вспомогательные средства.

Наиболее мощной полосою была укреплена деревня Волочаевка, где проволокой были опутаны не только колья, ее окружавшие, но и весь окрестный кустарник.

По отзыву самого командующего белоповстанцами ген. Молчанова, деревня Волочаевка благодаря своим крепким заграждениям являлась для нас недоступной, так как сами условия местности под Волочаевкой, представлявшие крайние выгоды для обороняющегося противника, совершенно лишали нас, за отсутствием хороших позиций и подступов, возможности открытия действительного ружейно-пулеметного и орудийного огня и связывали наш наступательный маневр, не говоря уже о работе неприятельских бронепоездов, имевших возможность брать любой подступ и любой участок фронта под продольный жестокий обстрел.

Я немного долее остановился над боевым эпизодом под Волочаевкой, так как последняя, являясь ключом к Хабаровску, в глазах белокомандования была одним из главных стратегичесих узлов, и участь его в значительной степени предопределяла многое для них и для нас.

Командование белоповстанческой армией, как видно из секретного приказа генерала Молчанова от 5 февраля 1922 г. за № 572, прекрасно понимало, что им нельзя было ограничиться только одним техническим оборудованием позиции, что для успеха, как никогда, необходима была стойкость и решительность частей, дабы, находясь за проволокой и нанеся нам наибольшие потери, иметь возможность при удобном моменте перейти в контратаку и развить наступление на нас.

«Вопрос самого нашего бытия»,—говорит генерал Молчанов в этом своем приказе,—«требует полного напряжения всех сил для достижения успеха. К вам, старшие начальники, я обращаюсь с призывом вдунуть в сердца подчиненных страстный дух победы. Надо переговорить со всеми и наэлектризовать каждого. Я убежден, что мы можем нанести такое поражение противнику, что ему долго не придти в себя. Победа нужна и должна быть. Внедрите всем, что проволоку бросить ни в коем случае нельзя». (Приказ генерала Молчанова от 5 февраля 22 года за № 572).

Так определяло белокомандование свое положение и так готовилось к отражению нашего удара.

В это время наши части, сосредоточившись на ст. Ин, также готовились к переходу в решительное наступление.

Большая часть наших бойцов была из только-что мобилизованных, еще не прошедших срока воинской подготовки молодых народоармейцев.

Условия жизни наших частей были очень тяжелые,—отсутствие населенных пунктов в районе боевых действий заставляло бойцов но-

чевать под открытым небом, а неимение нормальных средств питания вынуждало жить впроголодь.

Весь фронт, ясно сознавая громадные недочеты в деле снабжения, все же продолжал жить напряженной до предела работой, предоставленный благодаря оторванности от тыла почти исключительно заботам своих военных продорганов.

В снегу, на морозе, полуголодные, после шести дней, проведенных под открытым небом, залегли наши цепи перед искусно построенными заграждениями противника у Волочаевки и, движимые единым желанием победить или умереть,— победили.

И то, что по мнению противника казалось недоступным для нас, было достигнуто нашими революционными рядами несмотря на холод, голод и крайне невыгодные для нас условия местности.

В этой героической борьбе таяли наши ряды за ранением, смертью и обмораживанием отдельных бойцов, но с каждым шагом крепло желание победы.

Много славных героев выбыло из наших полков, значительных жертв стоило для армии наступление, но столь страстно желаемая всеми победа венчала этот поистине редкий подвиг Волочаевского боя.

Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части: геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все.

По занятии Волочаевки из осмотра проволочных заграждений, окружавших деревню, выяснилось, что действительно нужны были крайняя доблесть и беспримерное мужество для того, чтобы прорваться через них, и те трупы наших бойцов, что повисли на проволоке, наглядно говорили о том, чего это нам стоило. Без ножниц, без каких-бы то ни было приспособлений для резки проволоки наши бойцы собственными телами наваливались на проволоку и перекидывались через нее; комсостав под бешеным огнем противника пробивал себе дорогу среди заграждений, разрубая проволоку и колья шашками.

Даже противник был восхищен подвигом наших частей. Полковник Аргунов, командовавший белоповстанческими частями района Волочаевки, убегая к Иману сказал, что он всем этим красным героям Волочаевки дал бы по георгиевскому кресту, потому что так могла драться только германская пехота.

Как я уже указывал, бой под Волочаевкой имел решающее значение для боевых операций в дальнейшем их развитии. Потеряв Волочаевку, противник потерял веру в возможность успеха; наши же части, овладев этой цитаделью каппелевцев, реально почувствовали силу своего революционного духа и то, что для них доступна окончательная победа над отборными офицерскими частями противника.

Бои под Нижне и Верхне-Спасском, Казакевичевым и в других местах, окончившиеся занятием Хабаровска, были дальнейшей дорогой побед наших славных красных орлов, но я не буду останавливаться на них, чтобы не выходить из рамок газетной статьи.

Одно могу сказать: беззаветную преданность делу революции и республике, нечеловеческую выносливость, редкую доблесть, мужество, величайшее самопожертвование и революционный порыв проявила армия при выполнении возложенной на нее трудовым народом боевой задачи.

КЛАССОВЫЕ ВРАГИ ОБ НРА

(Из статьи подполковника В. Рустан-Бека. Перевод с английского из газ. ***„Пекин Дейли Ньюс“)***

В начале февраля 1922 г. Народнореволюционная армия ДВР сконцентрировалась в 600 милях севернее Владивостока. Это было в суровую сибирскую зиму. Термометр показывал 35 градусов по Реомюру ниже нуля. Народная армия не имела теплой одежды в достаточном количестве, она не имела также избытка в пище, но зато она была насквозь пропитана революционным духом; люди решили или победить или умереть.

Их противник, который успел уже захватить Хабаровск, ни в коем случае не мог считаться слабым или одержимым упадком духа; наоборот, все указания подтверждают, и уже было доказано многими письмами и документами, перехваченными от противника, что настроение белых солдат было приподнятое. Обманутые своими вождями, они бросились биться против своих же братьев, искренне веря, что они помогают воображаемым армиям, которые будто бы бьются на воображаемых фронтах и победоносно приближаются к Москве.

Лозунг белых был «Вперед к Кремлю!» и они бились как львы. Бедные, ослепленные люди!

Но как велико было разочарование тех, которые остались в живых и которые должны были понять правду. Первое наступление Народнореволюционной армии было направлено на Волочаевку.

Главнокомандующий красными силами Блюхер делал все зависящее от него, чтобы избежать ненужного кровопролития. Его письмо, адресованное генералу Молчанову, предводителю белогвардейцев, было составлено в таких убедительно - трогательных словах, что едва ли история может указать на аналогичный прецедент. В письме к своему противнику главком Блюхер употребил наиболее вежливый и выдержанный язык, взывая к национальному чувству русского генерала, но безрезультатно. Не получив ответа, главком Блюхер сдержал свое слово и начал атаку.

Первое наступательное движение, имевшее своей целью овладение Хабаровском, было направлено на дер. Волочаевку. Горячий бой продолжался три дня. Белые дрались с необычайной храбростью. Одна часть, состоявшая исключительно из офицеров, потеряла почти всех своих бойцов и только шесть человек остались в живых.

Несмотря на то, что белые потерпели сильное поражение, они отступили в полном порядке. Но тактическая обстановка сделалась неблагоприятной для белых и они принуждены были покинуть Хабаровск, отдав его победоносным красным.

Хабаровск является наиболее важным стратегическим пунктом, расположенным на жел. - дорожном узле и недалеко от слияния Амура и Уссури.

24 февраля, т. е. спустя 10 дней, боевой фронт продвигающихся вперед красных достиг Розенгартовки, станции, расположенной на 110 миль к югу от Хабаровска.

Русское красное командование восхваляло стратегические способности своего противника, которому иногда удавалось выходить целым из очень трудных положений и который при отступлении все время уничтожал склады с военными припасами и запасами продуктов.

В битве под Розенгартовкой белые оказали сильное сопротивление. Они задержали продвижение Народной армии в узком горном дефилэ и в это же время сконцентрировали свои резервы в местности, покрытой густым лесом, около Бикина—ж. д. станции, лежащей на 26 миль к юго-западу от Розенгартовки.

Следует заметить, что станция Бикин была защищена сильными укреплениями и, расположенная в узком дефилэ, являла все признаки неприступной позиции для фронтальной атаки. Для того, чтобы взять эту укрепленную позицию, красные должны были бы обойти ее, но для того, чтобы выполнить эту задачу, они вынуждены были бы пройти через китайскую территорию, что являлось неприемлемым для высшего красного командования.

Поэтому главком Блюхер решил взять Бикин атакой в лоб.

Еще один раз враждующие стороны, находясь в 145 милях от Хабаровска, вступили в упорную кровавую схватку, которая продолжалась три дня и три ночи.

Обе стороны дрались героически и, как утверждает красное командование, белые маневрировали очень искусно, при чем особенно отличалась их кавалерия.

Белые находились в очень хороших условиях: они хорошо питались, были хорошо одеты и снабжены полным вооружением. Можно было видеть, что они боролись с твердым намерением победить. Но, несмотря на все их преимущества над голодной и худо одетой Народной армией, революционный дух последней одержал победу.

После битвы у станции Бикин военный дух белых, так же как и способность их к маневрированию, постепенно понизились и их отступление делалось все более и более беспорядочным. Народная армия ДВР все еще продолжала свое победоносное шествие, которое приняло характер преследования, сопровождаемого постоянными стычками с арьергардными частями отступающего противника.

19 марта красные подошли к городу Иману, в 220 милях к югу от Хабаровска. Здесь еще раз белое командование попробовало спасти положение своей армии; атака красных была встречена сильным сопротивлением, но последние уже начали свое обходное движение во фланг с востока, угрожая правому крылу боевой линии белых. Положение сделалось критическим, что белые и поняли. Они вдруг начали быстро отступать. Можно было видеть общее падение их настроения. Очень скоро их быстрое отступление превратилось в беспорядочное бегство...

Очерк ЛАБЫНЦЕВА

ОГНЕННАЯ НОЧЬ

Бежали войска правителей Меркуловых снова во Владивосток, под японское крыло.

В 1914 году Меркулов торговал селедкой. Торговал, как и все спекулянты, а зарабатывал больше других. Меркулов хитрее, хотя и трус с малых лет. Он покупает селедку порченую за бесценок, а продает как добрую. И даже вывеску повесил «Всегда и все—свежо и дешево». Селедка припахивала, была мягкой—пальцами свободно пережималась, но Меркуловы (их два брата)—уж с них не взыщите, это изысканно вежливые, чистоплотные торговцы—берут сельдь лопаткой, осторожно; вешают больше требуемого,—чтоб без сдачи (все равно ведь выбрасывать).

С вонючей селедки братья переходят к более «крупным уловам», а в 1921 году, осенью... они—правители будущей «Всея Руси», их войска с музыкой входят в Москву... Но это быя лишь сон. Войска Меркуловых пробыли на станции Ин пятнадцать минут. И, вопреки сну, без музыки, под скрип полозьев катились назад.

Утром в Андреевке партизаны ели вареный картофель без хлеба (хлеб раньше войска генерала Каппеля с'ели). Приморские таежные деревни бедны хлебом, а тут еще что ни день, то: «Тетка, нет ли чего пошамать?».

Кормят крестьяне красных партизан хлебом кукурузным и (реже) гречневыми блинами.

А белые не спрашивают: поймают курицу да еще требуют: «Давай, тетка, на чем поджарить!». Все самовольно берут. Рожи у белых пухлые. Безжалостно смотрят они на плачущую о курице «тетку». Когда убегают —тащат за собой богатые продфуражные обозы.

Пухлые избегают беспокойства: скорее бы под интервентское крыло; красные же беспокоятся — где бы обоз отбить...

Со скрипом о смерзшийся на дороге снег катятся беляки назад. А партизаны, в рваной одежонке и в ичигах с дырами, рыщут вдоль и поперек, ищут белых, отбивают обозы, рвут железнодорожные мосты.

Отступать во Владивосток по Уссурийке—верная смерть: эшелоны под откос летят; мосты подолгу чинить надо. Лучше отступать по трактовым дорогам через села полутаежные. Войска Меркуловых отступают тремя колоннами: главная—по железной дороге, две других—по сторонам. Боковые—охрана главной колонны. Колонны прикрывают друг другу одновременное отступление.

Глаза партизан зорче генеральских. Помощник красных—всякий приморец с мозолями.

Сегодня из Яковлевки прибежал в Андреевку комсомолец. Рассказал сначала Николаеву—командиру взвода в белой заячьей папахе:

— Пулеметы белых здесь на горе в снежных ямах стоят, а еще больше пулеметов за лощиной. Слыхал—в бане хотят мыться и три дня отдыхать.

Направили комсомольца в штаб к тов. Федорцу—начальнику Приморского военного района. Выслушал Федорец комсомольца, курил с

ним, обдумывал, выбирал из сказанного главное, нужное для действия, спрашивал, не слыхал ли каких команд:

— Нет, команд не слыхал, а вот рапорт видел и слышал.

— Какой рапорт?

— Да вот рапортовал один офицер другому, который постарше. Говорил: «Во втором батальоне сторожевая рота заметила»... вас, значит, здесь видела.

— Как же он говорил-то?

— Говорил — заметила краснокожих и... и матерился.

Начальнику ясно все. Комсомолец уточнил прежние сведения о противнике. У Федорца силы: Интернациональный эскадрон конных китайцев и корейцев, эскадрон из бывшей батареи Громова (брошенной еще осенью при отступлении), пеший отряд Пошарникова и Орлова, лыжная команда Кожевникова, сзади верстах в 30—Амурский полк.

У белых—полк с артиллерией.

*

У Николаева—белый конь, белая папаха. И белый снег кругом. На белом фоне спина Николаева прыгает темным пятном. Скачут пять всадников. Задача: узнать, где стоят пулеметы, широк ли фронт обороны белых, что делается в глубине. Николаев—сам шестой. Задача трудная.

Километров пять разведчики едут по укатанному санями большаку. На кривуне скрылись в лесу. По снегу между деревьями едут, вглядываясь в просветы лесные, врага ищут. Останавливаются, слушают. Доехали до сопки. Белых нет. Свернули вправо, по скату, скрытому от занятой белыми Яковлевки, щупают фланг оборонительного участка. Прошли около километра.

— Пулеметы белых на горе в снежных ямах...

Ехали ощупью по одному, друг от друга шагов на сто; следит каждый за общим движением. Словом—осторожно ищут. Здесь комвзвода махнул рукой:

— Ко мне!

Спешились. Двоих оставили лошадей держать. Четверо, стараясь меньше снегом хрустеть, пошли к дороге. Видят сквозь лес просвет, за дорогой—чистое поле. По одному от дерева к дереву перебегают, к стволам осин и дубов столетних прижимаются, сверлят глазами просвет, дорогу осматривают. Еще шагов десять прошел Николаев—вершину горы увидел. На вершине горы солдат стоит. Зажал коленями винтовку, бумагу рвет,—закурить.

Солдат свернул папиросу и пошел ниже в свою сторону.

В спину солдата уперся комзвода глазами, идет вверх на горб дороги, взглядом подпирает солдата в затылок.

Кошачьим шагом выдвинулся на горб комвзвода. Остановился. Врос в снег и замер. Свободней начал дышать. Видит—солома вокруг костра, на соломе пять беляков: двое стоят, один палки сухие ломает, другой присел, взял уголек—прикуривает. · С удовольствием курит беляк.

Больше здесь смотреть Николаеву нечего. Караул, как караул сам Николаев в таких караулах полжизни провел. Нет на горбу больше ничего.

Смотрит на Яковлевку. За белой лощиной люди ходят, темные точки обтаптывают. Позиции пулеметов оборудуют. Значит не

здесь на горе в снежных ямах, а за лощиной к встрече готовятся; на горе только караул полевой.

Задача выполнена. Теперь назад к коням ползти надо.

Солдат присел на корточки у костра, сплевывает.

Николаев бороздит снег грудью, ползет к трем, что остались на опушке. Быстрым шагом к лошадям:

— По коням!... Садись!...

В Андреевку ехали обратным путем, на ходу прикуривали «кавалерийским способом».

В Андреевке Николаев—с докладом у Федорца. Начальник не доволен, что не взяли «языка».—«Можно было украсть»—говорит.

★

К вечеру отданы распоряжения. Связь с Амурцами налажена. В сумерки смешанный отряд Федорца лентой шероховатой вытянулся из Андреевки по большаку на Яковлевку. Вперед уехал Николаев с двумя партизанами. Едут разведчики, не торопятся, задачу обдумывают. Федорец приказал: сбить полевой караул на горе. Николаева мучают слова: «Можно было украсть». Стыдно: можно было, а не украли.

Разведку догнал конный посыльный. Обогнал двоих и переднему, Николаеву, вполголоса:

— Федорец приказал быстрее ехать и с малым шумом работать.

— Есть,—скажи ему, — постараемся вовсе без шума. Достанем «языка» ему.

Рысью поехали...

От вершины шагах в трехстах лошадей к дубам привязали.

Пополз Николаев туда, где часовой бумагу рвал для папиросы. Видит—двигается темное пятно. В темноте рассмотрел: винтовка на ремне. За Николаевым еще двое ползут. Дал им знать передний, чтоб с трех сторон к часовому ползли...

Кустики, черные прогалины используют—маскируются, ползут. Вот уже в десяти шагах от часового. Беляк меряет шагами ширину дороги, мурлычет тихо под нос:

> «Кончил, кончил дальний путь,
> Вижу край родимый.
> Сладко будет отдохнуть
> Мне с голубкой мил....».

Спиной повернулся к Николаеву... Шлепнулся спиной о корявины мерзлой дороги, носом засопел; во рту торчит портянка с ноги Николаева. Винтовка в темноту нырнула...

Несли его двое за руки и ноги бегом; третий винтовку нес.

Но задача не выполнена—караул не сбит.

Положили беляка у лошадей, связали поводьями, предупредили, чтоб не кричал, сами же снова к караулу за горб дороги тихо пошли.

Выстрелов не было... Из караула ни один не ушел к своим. Зола и угли от костра перемешались с соломой.

Чуть прикрыли мертвых...

«Язык» был представлен к Федорцу одним из разведчиков.

★

Взрыв гранат встряхнул белых от сна. Звонят по телефону в полевой караул:

— В чем дело? Почему взрыв?

Сначала ответа не было. Потом Николаев соединил перебитый осколком гранаты провод, ответил:

— Все в порядке, ваше благородие!

Отряд Федорца подходил к горе, где на вершине разведчики пополняли запасы патронов из подсумков беляков. Николаев доложил о выполнении задачи.

Шла колонна через горб. Спускалась в лощину, за которой пулеметы белых. Разведка уже натыкалась на темные пятна—пулеметы. Белые бросили ракету: светло, как днем. Кусты, тени бесформенные, пни гнилые—все смешалось.

Но поняли беляки, кого нащупали. Пули: зуз... зую... зюю... запели над головами.

«Ночью песни пуль страшнее
Для непривычного бойца»...

Партизанам пули не страшны. Слыхали они много песен свинцовых: помнят налет на Иман, знают цену снарядам бронепоезда при налете на Муравьев-Амурский, не раз схватывались в рукопашную среди улиц Приморских селений....

Страха нет. Зло рождает песни пуль, сильное зло. Знают партизаны, что зло партизанское—предшественник радости.

Федорец всегда говорил: «Чтобы побеждать врага, надо его ненавидеть страшной ненавистью».

Велика партизанская ненависть к своему классовому врагу.

Рассыпались по лощине. Властный голос Федорца:

— Вперед!

Стрелять еще нельзя. Партизаны стреляют в цель, а не в воздух. Патронов штук по 10—12, не более, в подсумках. Идут через лощину; винтовки наперевес в руке. Глаза ищут вспышки выстрелов вражеских. Надо точно знать, где цель.

— Стой!

— Николаев заметил неугасающую точку—огненный нос пулемета. Медленно носом вертит «Максимка». Промедление—смерть.

— Вперед!—несется с правого фланга команда Федорца. А вперед итти не с чем: патронов уже нет. Все реже и реже, отдельными хлопушками раздаются выстрелы партизан. Тише идут на огневой нос «Максима».

Заливались свинцом стволы, захлебывались в крови смельчаки.

Федорец не кончил команды...

— За мной!—пробивал Николаев ичигами снег, бежал к пулемету. Гранату отвязал от пояса.

— Давайте, товарищ военком, разом бросим!—кричит на ухо Мерзлякову.

— Передохни, успокойся....—отвечает Мерзляков.

Сам тоже приготовил гранату.

— Ну, по счету «три»—бросим. Раз... два... три...

Пулемет кувыркнулся направо и замолчал.

Продолжительный свисток у беляков означал отход под прикрытием пулеметов. На участке эскадрона беляки в панике бежали без прикрытия. На месте пулемета остались бесформенные тела пулеметчиков, а пулемет снова уже продолжал стрелять с перебоями по бежавшим белым....

★

Когда солнце показало из-за горы верхнюю свою половину, партизаны стояли в строю на улице в Яковлевке в ожидании распределения квартир.

Сильно хотелось курить и спать.

★

Николаев теперь здесь в Приморьи работает в Дальлесе. Иногда вечерами комсомольцы слушают его рассказы в рабочем бараке, а после рассказов трогают пальцами и рассматривают орден Красного знамени...

Могила Федорца каждую весну поправляется пионерами Андреевки. Треугольник со звездой на могиле охраняется от лесных пожаров.

Бывший военком эскадрона Иван Иванович Мерзляков два месяца тому назад работал в Крайисполкоме инструктором.

Вспоминали мы с ним «Огненную ночь» под Яковлевкой. До сего времени смеется Иван Иванович надо мной, как я (по своей молодости) просил бросить гранату вперед его. Весельчак бывший военком хоть и стареет, а хочет еще раз, последний раз, сказать:

— Передохни, успокойся и по счету: раз, два, три—бросим.

Тов. Вострецов разговаривает с пленным китайским солдатом (снимок сделан в 1929 году, в дни конфликта на КВжд).

В. ВОЛКОВ

МОНАСТЫРИЩЕНСКИЙ БОЙ

(13—14 октября 1922 года)

Если взглянете на карту Приморья или поедете по Уссурийке от Хабаровска к Владивостоку, то в 16 километрах от ст. Мучная увидите небольшое село Монастырище.

Село, как и все села Приморья, ничем особенным не выделяется. Раскинулось в долине реки Монастырки, впадающей в р. Лефу, закрылось со всех сторон, кроме западной, лесистыми отрогами хребта Сихотэ-Алин.

Проедешь—и не заметишь этого села... А между тем это село и сопки, его окружающие, крепко памятны старым бойцам...

Много пролетарских героев сложили здесь свои горячие головы... Оставшиеся в живых, продолжая их дело на социалистической стройке, в минуты досуга любят рассказывать молодняку:

«Вот уже 10 лет прошло с того времени. Жарки были денечки... Под Монастырищем белая сволочь собрала все свои оставшиеся силы и пыталась сдержать наше наступление контрударом... Куда там!... Разве можно было остановить наш порыв?... Расчихвостили мы их здесь окончательно».

В нашей Особой остались до сих пор товарищи—живые участники этих боев. В клубах приамурцев вы можете встретить любовно обработанные боевые эпизоды былых боев на Дальнем Востоке. На этих революционных эпизодах воспитываются новые молодые красноармейские массы.

Здесь, под селом Монастырищем, 10 лет тому назад белым бандам генерала Дитерихса был нанесен окончательный удар. Отчаянная попытка белых восстановить свое положение и отсрочить свою неминуемую гибель была бита встречным контрударом красных бойцов.

Это было 14 октября 1922 года. Участь белогвардейской авантюры на ДВ была решена...

Остатки белых спасла от окончательного уничтожения граница.

★

9 октября 1922 г., разгромив белых под г. Спасском,—их последним укрепленным плацдармом, перехватывавшим узкий Приханкай-

ский коридор на пути к Владивостоку,—части НРА вышли на фронт Вадимовка —Монастырище —Вассиановка.

Еще несколько дней, еще ряд тяжелых переходов и... — Даешь Владивосток!... Даешь освобожденный советский край!..

★

Ударную группу ведет Степан Вострецов. Как всегда—в шапке-ушанке, с неизменной трубкой в зубах. Энергичное, обветренное лицо... Крепко скроен уральский кузнец, высок и жилист... Такого походами не утомишь... Сегодня особенно весел Степан... Шутит с бойцами. Пересыпает шутки крепкими словечками.

— А ловко, ребята, мы его прихлопнули! Не ходи босиком... Мать его... Будет! Помозолил нам глаза!

— На нас теперь пусть поработает, — отвечают весело бойцы: — пища у нас крепче!

Виновник этих разговоров — бронепоезд белых. Он остался позади, подбитый на полотне желдороги метким огнем артиллерии отряда Вострецова.

В полдень 13 октября заняли Монастырище. Противник закрепился на сопках за рекой Монастыркой.

В селе пусто. При первых выстрелах жители ушли в ближайшие сопки выжидать затишья.

У Вострецова голова полна забот. Энергично отдает приказания

— Амурцам — обеспечить ночлег частей!

— Троицкосавцам — освещать левый фланг!

— Батарее — быть готовой к открытию огня. Вести борьбу с бронепоездами противника!

— Дившколе—в резерв: отдыхай!...

★

Все в порядке. Части—на боевых участках. Противник упорно молчит. Работает наша разведка.

Слез Вострецов с коня, снял шапку, утер потное лицо и, широко улыбаясь и хитро подмигивая, сказал:

— Ну, а теперь в баню! Айда к попу. У попа баня отменная!..

Любил Степан баню.

Но баня баней, а Вострецов—всегда на чеку.

Не успели как следует помыться, слышим—пошла оживленная перестрелка: строчат максимки по всей линии. Начала бухать и артиллерия...

В баню прибежал запыхавшийся посыльный:

— Тов. Вострецов! Белые наступают!

Выскочил с намыленными плечами и стал отдавать приказания:

— Батарея, огонь! Поддержать амурцев! Курсантов дившколы выбросить на левый фланг... Бегом!...

— Сбить противника!.. Жать его к реке Лефа!

— Троицкосавскому кавполку—обойти противника слева...

— Громить мосты, не дать уйти!..

Заработали части. Закипел бой. Дрались упорно весь день. Противник бил по левому флангу, считая его наиболее слабым, но неожиданно натолкнулся на резервную дившколу. Курсанты крепко взяли его в оборот.

Начальник школы старик Клопов,—«Михайлыч», как его часто звали,—маячил во весь рост среди курсантских цепей и своей гро-

мадной фигурой представлял отличную мишень. Он это знал, но не ложился, и спокойно вел своих питомцев в бой.

Курсанты, видя его высокую спокойную фигуру, бодро шли вперед, тесня врага все дальше и дальше.

Цепи белых насыщены офицерством. Хорошо целиться по золотопогонникам!

Вот один из курсантов взял на мушку бравого полковника... Огонь! И полковник, пробежав несколько шагов, ткнулся в траву. Откатилась в сторону щегольская фуражка. Вылетевший откуда-то с фланга взвод троицкосавцев конной атакой смял ближайшую группу белых, а какой-то расторопный кавалерист уже опоясался золотым оружием полковника и, несясь галопом, кричал, махая полковничьей фуражкой:

— Будя! Поцарствовал! Гляди, братцы, фуражка как блин! Цветистая...

Тут же доставили в штаб полевую сумку убитого полковника. В сумке—полевая книжка, последние приказы белых и ряд других ценных документов.

Читаем приказ:

«Боевому участку передового отряда.

Перейти в контрнаступление. Сбить красных. Овладеть Монастырищем...

Нач. боевого участка полковник Буйвит».

Хорошую птицу подстрелили. Самого начальника!

Белые, отбитые нашим дружным ударом, в сумерках отошли в исходное положение.

Бой затих.

★

Спустилась прозрачная уссурийская ночь.

В штабе, освещенная мигающей коптилкой, склонилась голова Вострецова над картой.

Дымит трубкой Степан, размышляет... Озабочено его энергичное лицо.

— Утром надо кончить дело,—думает Степан.—Наступать... Связаться с партотрядом Шевченко... Близко он, около Вассиановки. Хорошо бы одновременно вдарить его отрядом по тылам белых... Не дать уйти...

Быстро написано краткое распоряжение. Вызваны конные.

Прибывший из партотряда для связи конный партизан получает последний наказ Вострецова:

— Езжай, товарищ, скорее... С рассветом наступаем. Передай Шевченко: жду его одновременного удара по тылам белых. Не подкачайте! Завтра увидимся.

Уехали. Скрылись в улицах села...

Неожиданно ночная тишина нарушается отдаленными криками «ура», где-то заиграла музыка... Ожили сопки, занятые противником. И снова непрерывное «ура» и музыка....

— Какой чорт?—говорит Вострецов. — Что они, взбесились, что-ли?...

— Выслать разведку! Немедленно выяснить!

В дальнейшем установили: прибыло вечером к белым пополнение из Владивостока.

Всю ночь служили молебны. Даже епископ Владивостокский Мефодий, горе-соратник Дитерихса, приезжал из Владивостока, чтобы

поднять дух своего «христолюбивого воинства». Были сведения, что, якобы, на передовые линии приезжал и сам «воевода» Дитерихс.

А утро показало, что это было за пополнение и на что может пойти отчаявшаяся во всем белогвардейская верхушка.

Остаток ночи наши не дремали. Учли такую «маскировку» противника и, произведя на участках нужные перегруппировки, были готовы ко всем случайностям.

★

С рассветом белые вновь перешли в решительное наступление. И кого только не было в цепях белых! Всю оставшуюся сволочь собрал Дитерихс на улицах Владивостока и погнал в бой. Делалось это очень просто: оцепят улицу, женщин и детей — в сторону, а остальных под конвоем в эшелоны. Дорогой выдадут оружие. Вот и «мобилизация»!

Брали только своих, классово надежных. Были тут желторотые гимназисты и кадеты, «маменькины сынки», купеческие «недоросли» и еще какие-то подозрительные испитые физиономии. Всех пригнали в бой в том, в чем захватили их облавой: в ботиночках, в разутюженных брючках, в котелках, фуражках, панамах...

Дрожит как осиновый лист, еле-еле держит винтовку, а все же лезет подгоняемый сытым фельдфебелем...

Несколько раз переходили белые в атаку и всякий раз откатывались назад, сметаемые нашим дружным огнем.

Кое-где вспыхивало «ура», и дело решал штык.

Хорошо дрались наши части. Да и как тут крепко не драться, видя перед собой это маскарадное белое воинство?

Курсанты дившколы—везде пример: их порыв и упорство решили дело Монастырищенского боя...

★

Огонь по всей линии. Противник артиллерийским огнем сильно обстреливает село. Старается нащупать нашу батарею, не совсем удачно развернувшуюся на церковной площади.

Длинная сухая фигура Вострецова с биноклем маячит на вышке сельской школы около церкви.

Даже простым, невооруженным глазом хорошо видно Вострецова на школьной вышке с сопок противника.

Снаряды рвутся все ближе и ближе. Нащупывает белый артиллерист наблюдательную вышку. Две гранаты с треском взрыли землю у стен школы.

Беспокоясь за жизнь своего командира, осторожно говорим:

— Тов. Вострецов! Противник отлично видит вас. Пытается сбить. Нужно перенести наблюдательный пункт!

— Не попадет!—отвечает спокойно Вострецов.

И не ушел. Даже не подумал уйти, несмотря на то, что школа как кольцом изрылась гранатными воронками. Только тогда, когда убедился в правильном движении наступавших частей, оставил вышку и направился в штаб (громкое название маленькой халупки, приютившейся тут же на церковной площади, около огневой позиции батареи).

★

В штабе—как в штабе. Пара сотрудников строчат, пишут, звонят. У окна — телефонист с надорванным от работы голосом.

— Шамали?—спрашивает Вострецов.

— Никак нет.

— Да и что шамать—неизвестно. Обозы еще не пришли, будут лишь к вечеру.

Но у Вострецова особенное чутье.

Идет к печке, открывает заслонку и, взяв ухват, вытягивает из печи здоровенный чугун с борщом.

— Эх вы!.. А это что? Даже горячий... Спасибо бабке, хлопотуха видно, рано обрядилась, да не знала для кого. Садись, ребята!—командует он. — Наворачивай!...

Под грохот гранат с'едаем с аппетитом необычно добытый обед.

Открывается дверь. Вводят двух первых пленных. Посмотрел на них Вострецов, да так и ахнул:

— Ну и вояки! Откуда вас таких понабрали? Сидели бы у мамки под юбкой!

Действительно вид дитерихсовских «солдат» был весьма необычный. Один из них, раненый в мякоть ноги,—в гимназической серой куртке, другой—в выутюженном синем костюме, в желтых ботинках, как будто только-что явился из фокстротного зала.

— Ну, будьте гостями. Сейчас штабники с вами разберутся, а мне некогда...

Сел на коня и уехал на передовые линии.

Результат допроса, да и самый вид пленных подтвердили данные разведки о своеобразной «мобилизации» белых.

Во время допроса одна из гранат противника ударила около окна штаба. Силой взрыва выбило окно, ранило телефониста и вместе с телефоном сбило на пол. Пришлось тут же наскоро делать перевязку своему телефонисту и одновременно пленному.

Через полчаса, отправив пленных в штаб дивизии, поехали разыскивать Вострецова.

★

Бой уже затихал. Белые, неся значительные потери, поспешно начали отход к Никольску. Ушанка Вострецова мелькала всюду, где бой принимал более затяжной характер... И где только он ни появлялся—там части делали еще более напористый прыжок вперед.

Об одном думал и беспокоился Вострецов:

— Как-то Шевченко? Выйдет ли он на тылы белых? Где он сейчас? Удастся ли ему связаться с кавполком? Последний тоже что-то медлит со своим фланговым ударом...

Все внимательно смотрели вперед, на дорогу к Ляличи, не слышно ли там встречных выстрелов... Туда втягивались отходившие колонны белых под прикрытием огня своих бронепоездов. И только через два - три часа стало понятно, что отряд Шевченко запоздал. Белые вышли из-под удара и успели отойти на новый Ляличевский рубеж. С Шевченко встретились лишь спустя несколько часов, ночью, около с. Михайловского.

★

Последняя отчаянная попытка белых спасти свое положение под Монастырищем окончилась полным крахом.

Противник разбит окончательно и физически и морально. Последовательно занимаем Кремово, Осиновку, Михайловское, Воздвиженку и, наконец, Никольск - Уссурийск...

Война почти закончена. Белые уходят за границу. Дальневосточный край освобожден.

А. ШУРЫГИН

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В „ЯПОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АРМИИ СИБИРИ“

(Отрывок из подготовляемой к печати брошюры)

Первый поход международного империализма (1918—1922 г.г.) против Советской республики окончился полным поражением интервентов.

Международный империализм, бросивший свои войска для разгрома Советской страны, жестоко просчитался в своих планах.

В. И. Ленин в своем докладе на 2 Всероссийском с'езде коммунистических организаций народов Востока говорил:

> **«... победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и знакомятся с нашей Российской советской конституцией, переведенной на их языки. Вопреки влиянию вождей гнилого социализма, наша конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс. Слово «совет» понятно теперь всем, а советская конституция переведена на их языки и с ней знаком каждый рабочий. Он знает, что это конституция трудящихся, что это есть строй трудящихся, зовущих к победе над международными империалистами. Эта наша победа отозвалась в каждой империалистической стране, раз мы отняли, отвоевали ее собственные войска, отняли возможность двигать их против Советской России».**

★

Капиталистическая печать развернула среди солдат интервентских войск бешеную агитацию против большевиков и советской власти. В дни гражданской войны на территории ДВК издавались буржуазные газеты, обслуживающие преимущественно интервентские войска. Японская газета «Владиво-Ниппо», английская «Владивосток дейли Ньюс», чешская «Дневник Чехословака», американская «Здесь и там с 31-м пехотным» (в Приморье) и др.

Офицерство усиленно обрабатывало солдат, толкуя им, что они посланы спасать цивилизацию от большевиков, разрушивших «демократию» и несущих гибель всему человечеству. Японские солдаты снабжались специальными памятками, где слово большевик об'яснялось, как разбойник, вор, грабитель, насильник.

Работе среди интервентских войск, посланных для удушения Советской республики, партия уделяла большое внимание. В марте 1919 г. Всесибирская конференция РКП(б) в своих решениях в качестве одной из важнейших задач поставила вопрос «об агитации среди иностранным военных частей, находящихся в Сибири».

Дальневосточный комитет РКП(б) (июнь 19 г.), подтвердив это решение, указал местным партийным комитетам, что «агитация среди иностранных войск и восточных народов должна занять одно из первых мест в работе организаций».

В связи с трудностями проведения устной агитации упор был взять на письменную агитацию. ДВ комитет, а также местные парторганизации и отдельные партизанские отряды выпускали специальные обращения, листовки к иностранным солдатам на японском, английском и китайском языках. В листовках партийные организации

раз'ясняли солдатам, кто такие большевики, чьи интересы защищает советская власть, за что борется компартия и партизаны. Разоблачая политику капиталистических стран, стремящихся задушить пролетарскую революцию, партия призывала солдат прекратить борьбу с рабочими и крестьянами Советской республики.

Дальневосточный комитет РКП(б) в листовке, выпущенной (1919 г.) к американским солдатам под названием: «Американские трудящиеся», писал:

«Каждый день вы слышите слово «большевики», каждый день буржуазные газеты всего мира выливают потоки помоев и небылиц на эту партию».

Раз'ясняя, кто такие большевики и чего они хотят, листовка обращается с призывом к солдатам:

«Товарищи американцы, следуйте за вашими международными товарищами и соединяйтесь с русскими большевиками против нашего общего смертельного врага—буржуазии. Не будьте манекенами в руках буржуазии. Соединяйтесь вместе и сбросьте диктатуру Колчака, Семенова и других тиранов. Вперед вместе! Долой капиталистов! Да здравствует красный Интернационал и революционный мир трудящихся ».

Иностранные рабочие и крестьяне, одетые в солдатскую шинель, в процессе гражданской войны многому научились. За этот период прояснилось их классовое сознание. Известен ряд фактов, говорящих о сочувствии иностранных солдат к советам, к трудящимся, ведущим героическую борьбу с империализмом.

Японская армия, не пережившая империалистической войны, находилась в более благоприятном для империализма политико-моральном состоянии. Но в процессе гражданской войны и под влиянием большевистской агитации во многих экспедиционных частях ярко загорелось классовое сознание японского солдата.

Это вынуждены были признать и сами главари—японские офицеры. Вот что пишет генерал-майор Никасава в недавно выпущенной книге «История Сибирской экспедиции»:

«Стоящие в Забайкалье и Восточной Сибири японские войска благодаря постепенной большевизации стали направляться на родину».

Еще в первый период интервенции «рисовые бунты» в Японии (1918 г.) имели отклик «в среде солдат союзного отряда, отправляющегося в Сибирь под командой генерала Отани». («Пролет. револ.» № 2—3 1927 г. С. Катаяма).

Подробности о революционном движении в экспедиционных частях Д. Востока пока похоронены в делах японских штабов, но по отрывочным фактам можно определенно установить случаи сочувствия борющимся трудящимся и пробуждения классового сознания японских солдат. Японская армия тщательно «оберегалась» от большевизма. Солдатам прививалась ненависть к большевикам и советам, воспитание солдат строилось на палочной дисциплине, в духе великодержавного шовинизма.

На территории ДВК был создан военный суд экспедиционной армии, а для поддержания порядка в частях на каждую дивизию приходилось по отборной роте японской жандармерии.

Борьба с партизанскими отрядами в таежной обстановке и тяжелые климатические условия *) (морозы, резкое колебание температуры и проч.) были крайне тяжелыми для японского солдата.

---

*) По официальным данным японского осведомительного бюро, за год, с августа 1918 г. по август 1919 г., на ДВ от одних болезней умерло 500 солдат и офицеров. („Голос родины" № 151 1919 г.).

свое оружие и вместе с японским рабочим направь его против тех, кто твой смертный враг—против микадо, против генералов и капиталистов, рука об руку с пролетариатом всего мира. Смерть микадо, генералам и капиталистам! Да здравствует японский рабочий, крестьянин и солдат! Да здравствует победа всемирного пролетариата над всемирными угнетателями!». (Дело разных бумаг комитета обороны 1 района, Ам. обл., 1920 г.)

Иностранный отдел Дальбюро ЦК РКП(б) распространял программу коммунистической партии, конституцию РСФСР и целый ряд листовок, разоблачающих политику японского империализма.

Одним из примеров большевистского влияния в японских частях является следующий факт: «В селе Беклемишево в августе 1920 г. частями НРА через крестьян у японцев происходила закупка табаку и папирос. Когда японцы узнали, что крестьяне покупают для армии, они послали нам в подарок ящик табаку и папирос, прося крестьян передать нашим бойцам, что японские солдаты больше драться с большевиками не хотят и чтобы большевики не сердились на японских солдат за прошлое».

Революционное движение в японской экспедиционной армии имеет свою историю на протяжении всего периода интервенции. Приведем еще факт. Газета «ДВР» сообщает: «В конце марта японскими жандармами был произведен обыск в одном из полков, расположенных во Владивостоке на Второй Речке. При обыске у японских солдат была обнаружена в большом количестве большевистская литература. Попытка жандармов произвести аресты потерпела неудачу. Солдаты, как один, взялись за оружие, и жандармы были вынуждены уйти ни с чем». («ДВР» № 69 1921 г.).

Японский журналист, корреспондент газеты «Кокумин», в специальной статье для газеты «Красное знамя» о японских солдатах писал: «Когда они вернулись в свои губернии, то нашли там только прежние бедные поля, слабых лошаденок, больных детей да старых родителей. Там же они увидели зажиревших землевладельцев, жаждущих только арендной платы, да ростовщиков, вербующих солдатских сестер и жен в публичные дома в соседние города. На их плечи вместо ранцев и винтовок обрушилась целая куча хлопот и долгов. Теперь они ясно поняли, почему русские крестьяне-партизаны были так сильны своей идеей и почему они умирали ради коммунизма». («Красное знамя» № 62 1922 г.).

Гражданская война имела большое воспитательное значение для иностранных солдат. В процессе этой войны росло классовое сознание рабочих и крестьян, посланных для удушения пролетарской революции. Гражданская война родила среди иностранных солдат тысячи новых революционеров-большевиков, поднявшихся на борьбу с империализмом в защиту пролетарской диктатуры. «Японские солдаты, вернувшиеся из Сибири, дали верное освещение революции, прямым результатом чего было то, что эти солдаты часто становились во главе крестьянского движения в Японии».*

---

*) С. Катаяма. «Пролетарская революция» № 2-3 1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Фотографии из материалов ДВ музея истории партии и революции.

